

**ЗОВИТЕ
СОЛДАТА
НА ВЫ**

**ГЕНРИХ ЯГОДА —
ПАЛАЧ И ЖЕРТВА**

**Юлиан Семенов:
ОТЧАЯНИЕ**

**На
боевом
посту**

СП 1'90

На боевом посту **Бп**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

1'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ,
В. А. ШОШИН,
В. В. ЩУРОВ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ: подполков-
ник А. Радченко, награж-
денный орденом "За службу
Родине в Вооруженных Си-
лах СССР" III степени за
мужество и отвагу, проявлен-
ные при ликвидации послед-
ствий землетрясения в Ар-
мянской ССР.

■ На привале.

С любовью
За Родину!

БУДУЩЕ КИБЕЛЬ

Патрульно - постовая служба солдат порядка — это не всегда погони и схватки. Но младший сержант С. Павлюк и рядовой А. Яковенко (снимок справа) готовы к любой неожиданности. Они и вдвоем — сила. К тому же знают: в особых случаях достаточно нажать кнопку радиостанции — оперативный дежурный капитан Ю. Шеврекуко (снимок слева) примет доклад о происшествии, придет на помощь сослуживцев. Умелые, выносливые, закаленные — таковы воины патрульных подразделений (на снимках внизу).

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

К СЧАСТЬЮ, НЕ ЧАСТО СЛУЖБА
ЭКЗАМЕНУЕТ ЧАСОВЫХ
ПРАВОПОРЯДКА ПО БОЛЬШОМУ
СЧЕТУ. БУДНИ, БУДНИ, БУДНИ.
И НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ТРУДНЕЕ –
ПРОЯВИТЬ СЕБЯ ОДНАЖДЫ ИЛИ
ПОСТОЯННО БЫТЬ НА ВЫСОТЕ, КАК
РЯДОВЫЕ М. БАТАЛОВ И Ю. КОРОВОВ.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

БЕЗ ГРОМКИХ, БАРАБАНЫХ СЛОВ

**Генерал-майор А. Г. ХОДАКОВ,
НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА
ОРШАНСКО-ХИНГАНСКОГО КРАСНОЗНАМЕННОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК,
КАНДИДАТ В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ РСФСР,
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА**

— Алексей Гаврилович, 1990 год для каждого коммуниста — это прежде всего год XXVIII съезда КПСС. Как встречено вами решение сентябрьского [1989 г.] Пленума ЦК партии, посчитавшего необходимым приблизить дату очередного партсъезда?

— Я думаю, каждый коммунист дает себе отчет — в какое непростое время проходил этот Пленум. В стране усилилась напряженность в международных отношениях, нарушен трудовой ритм в ряде регионов, растет преступность, активизировалась деятельность националистических, экстремистских элементов. Да разве могли мы представить еще два-три года назад, что во всеуслышание зазвучат речи, исполненные вражды и ненависти к социализму, партии, Вооруженным Силам, нашим войскам? А не парадокс ли: партия, призвавшая в апреле 1985 года к революционному обновлению нашей жизни, разработавшая стратегию перестройки и возглавившая ее, постепенно начала отставать от темпов осуществления масштами прогрессивных перемен?

Съезд необходим. И недаром он, как отмечалось на сентябрьском Пленуме, станет вехой в перестройке самой партии.

— Время сентябрьского Пленума совпало с отчетной, а в ряде парторганизаций — и отчетно-выборной кампанией. Каковы ее основные итоги?

— Анализ дел после XIX Всесоюзной партконференции и подготовка к предстоящему XXVIII съезду КПСС, уроки выборов народных депутатов СССР и стремление не повторять ошибок в ходе политической борьбы за свое представительство в республиканских и местных органах власти — все это нашло отражение на главных собраниях года. Радует возросшая активность коммунистов, деловая

критика, самокритика, конструктивные предложения, присущие не только членам и кандидатам КПСС, но и беспартийным. Ведь отчетно-выборные собрания были повсеместно открытыми.

На что мы можем опереться сегодня? Прежде всего на выросшую сознательность людей. Коммунисты в большинстве своем правильно понимают и поддерживают курс партии, мобилизуют сослуживцев на успешное решение служебно-боевых задач. Это подтверждается и решительностью, самоотверженностью наших воинов во время действий в Закавказье и Средней Азии. Усилилось внимание политорганов, партийных и комсомольских организаций к уставному порядку. Меняется облик политучебы, приоритет повсеместно отдан ее активным дискуссионным формам.

Но немало поводов у нас и для беспокойства. К сожалению, приходится признавать, что перестройка в стиле многих политорганов, парторганизаций явно затонула.

Настораживает меня и другое. Чтобы вести контрпропаганду, надо знать больше своих оппонентов, и прежде всего в области теории и практики марксизма-ленинизма. Но реально ли это, если партиец предпочитает вместо «Правды», «Коммуниста Вооруженных Сил», своего военного политического журнала выписывать «Работницу», «Здоровье», «За рулем»?

А возьмите подготовку к выборам в республиканские, местные Советы. Иногда сдается, что нас мало чему научили поражения кандидатов в народные депутаты СССР, особенно из числа военных. И дело не только в том, что иные коммунисты-руководители частей никак не усвоят, что избиратели поддерживают сегодня только людей неординарно мыслящих, предлагающих смелые решения проблем. Остав-

дует желать лучшего взаимодействие политотделов с местными партийными и советскими органами.

Сегодня только слепец не видит, как перекочевывают из гражданской жизни в казарму многие негативные явления: это и групповщина по национальному признаку, и неуставные отношения с душком национального эгоизма, заносчивости. Надо своевременно давать отпор всему уродливому, чуждому нам, но вместе с тем в каждой неординарной ситуации не рубить сплеча, проявлять такт и житейскую мудрость.

К примеру, в одной из частей военно-служашие-литовцы привезли из отпуска свой новый национальный флаг, вручили начальнику политотдела с предложением в день очередного праздника вывесить на территории военного городка вместе с флагами других союзных республик. Умеющий держать руку на пульсе жизни офицер с пониманием отнесся к национальным чувствам подчиненных, просьбу их удовлетворил без проволочек.

Вместе с тем немало у нас и прямо противоположных примеров.

Прислали солдату из дому журнал с изображением полуобнаженной женщины на обложке. Коммунист Л. Гринько тут же изымает его. Увидел на гитаре изображение национального флага Эстонии на фоне колючей проволоки — конфискует наклейку вместе с гитарой. И опять без всяких разъяснений. А в результате полетели письма-жалобы солдат-эстонцев в «Комсомольскую правду», республиканскую печать.

Впрочем, если рецидивы «шлагбаумной» психологии, запретительства, голого администрирования еще как-то можно объяснить горячностью, смещением понятий, происшедшим в застойные годы, то безучастность, равнодушие объяснить нечем, да и преступно это по отношению к нашему общему делу.

Не один день ходил по рукам солдат и сержантов роты июньский номер журнала «Женщина Грузии» с фотографиями жертв, глубоко тенденциозным описанием событий 9 апреля в Тбилиси. Публикация вызвала тревогу и замешательство не только у представителей этой республики, но и у военнослужащих, призванных из других мест. А коммунисты остались в стороне от диалога и вообще в беседах с людьми предпочитали не касаться межнациональных проблем.

— В минувшем году немало частей и подразделений выполняли ответственные задачи в горячих точках страны. Какие формы воздействия на личный состав оправдали себя! Как позаботились о семьях товарищей, выполнявших непростую службу!

— В той обстановке сама жизнь заставила нас обратиться к фронтовому опыту. Коммунисты, политработники, комсомольский актив работали прямо в боевых порядках, подтверждая слово делом. Прочно вошли в практику оперативное информирование личного состава об обстановке в регионе и на местах, краткие, но емкие по содержанию политинформации и бе-

седы. С первых же дней отказались от планирования партийно-политической работы на месяц в пользу еженедельных планов. Вместо традиционных двухчасовых политзанятий дважды в неделю проходил политчас. Необходимость деловых контактов с местным населением привела к решению, например, в части, где политработником подполковник В. Енягин, создать две агитбригады и несколько подвижных агитгрупп в 5—7 человек. Только в Ферганской области ими было проведено свыше сорока встреч с трудящимися, школьниками, студентами. Шесть раз наши офицеры выступили на страницах «Ферганской правды».

Говорить о хорошем легко и приятно. Но у вашего вопроса есть и вторая половина. С трибун различных собраний и совещаний мы не раз вели разговоры о том, что в свете решений XIX партконференции все социальные вопросы по важности своей выдвигаются в один ряд с политическими. Однако на местах не все облеченные властью коммунисты-руководители это поняли, по старинке сочетают громогласные, декларативные заверения с формальным отношением к нуждам и заботам личного состава. Не исключение тут, к сожалению, и семьи офицеров, прапорщиков.

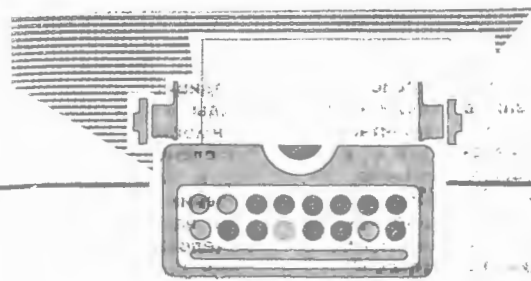
— **Внутрипартийная работа, борьба за чистоту наших рядов. Что привнесено сюда за последнее время!**

— Как я уже отмечал, отчеты и выборы прошли у нас неординарно. Немало выступавших высказались за совершенствование структуры партийных и комсомольских организаций, осудили практику сохранения малочисленных цеховых парторганизаций любой ценой, в том числе и путем включения в них коммунистов батальонного, полкового звена. На эти предложения политотдел откликнулся радикальным изменением отживших структур. Были упразднены партийные группы во взводах контролеров и партийных организациях управлений частей, целый ряд малочисленных цеховых парторганизаций. Это дает возможность уйти от мелкотемья обсуждаемых на собраниях вопросов, приблизить выборные партийные органы к рядовым коммунистам, уменьшить заседательскую суету. Упразднены батальонные организации и в комсомоле.

Хотелось бы отметить и следующее. При общей тенденции на сокращение роста партийных рядов у нас приток в партию остался на уровне прошлого года. Люди связывают свою судьбу с КПСС в непростое для нее время, а стало быть, верят коммунистам, которые с ними рядом.

— **И последний вопрос. Он наверняка станет традиционным в предсъездовских диалогах: ваша личная программа в перестройке!**

— Уверен, не найти сегодня человека, не разделяющего идей преобразования общества. Не стану произносить громких, барабанных слов. Всей душой стремлюсь отвечать требованиям, предъявляемым ныне партийному руководителю. Насколько это получается — судить людям.

ЗА КОГО ТЫ ОТДАШЬ СВОЙ ГОЛОС?

Перестройка — это революция. Мы видим, как зримо продолжает совершенствоваться наша политическая система. Важным звеном ее является утверждение подлинного народовластия.

И ты, читатель, уже реально ощущаешь, что на это нацелен процесс широкого приобщения трудящихся масс к управлению государственными и общественными делами. Однако нельзя не заметить и того, что путь к настоящему народовластию не прост. Он лежит прежде всего через восстановление истинного предназначения Советов всех ступеней. А это зависит и от того, кто войдет в корпус народных депутатов. Выборы народных депутатов СССР, первый их Съезд, работа Верховного Совета СССР, жаркие дебаты на втором Съезде показывают, что складывается новая демократическая культура социализма.

Но мы с тобой должны идти дальше. Определиться, за кого отдать свои голоса на выборах в республиканские и местные Советы народных депутатов.

«Я живу на территории прибалтийской республики, — пишет прапорщик Я. Яцкевич, — и 10 декабря принял участие в голосовании. Прямо скажу: непростая обстановка сложилась у нас. Я голосовал за кандидатов, которые, как мне представляется, с одной стороны, не стремились к дешевой популярности, а действительно болели за перестройку, были готовы взять на себя ответственность за судьбу не только района, города, республики, но и всей страны в целом. А с другой стороны, они понимали нас, военнослужащих, выступали против тех дискриминационных мер по

отношению к людям некоренной национальности, что взяли на вооружение экстремистские лидеры разных фронтов и движений».

Именно так поступали наши воины-избиратели на выборах в местные Советы в Эстонии и Латвии 10 декабря, Казахстане и Таджикистане — 24 декабря. Известны имена первых народных депутатов, избранных в местные Советы из числа военнослужащих внутренних войск. Среди них, например, политработник майор А. Федоренко, с материалом которого вы можете познакомиться в этой книжке журнала.

Отрадно, что в числе кандидатов в депутаты Верховных Советов союзных республик уже зарегистрировано около 30 представителей внутренних войск.

Нашим посланцам открылась возможность бороться за депутатские мандаты. И каждый воин-избиратель, думается, понимает, что это не только большая честь и высокая ответственность, но и доверие.

У нынешних выборов мало аналогий с проходившими выборами в прежние годы. Нет отпечатка былой праздничности, единодушия, настрой избирателей сугубо деловой. Идя на избирательный участок, ты не можешь не почувствовать, как наполняется особым смыслом в общем-то привычное обращение голосовать за лучших представителей советского народа. Ведь так предельно ясно, до глубины обнажая суть происходящего, звучат рядом с ним призывы коммунистов:

«Проголосуем за тех кандидатов, которые сумеют в Советах решительно отстаивать и защищать наши социалистические ценности».

Да, у нас с вами немало ценностей, воспринятых от Октября. Но главная из них — Советская власть.

За нее ты, товарищ, и должен отдать свой голос. Помни, что ведет нас на обновление социализма, перестройку общества партия коммунистов. В ней наша сила, в ней наш разум.

Мы с вами не имеем права проиграть в этой борьбе.

САМАЯ ПРЕСТИЖНАЯ СЛУЖБА

Вячеславу Символокову немного за тридцать. Член комитета Верховного Совета СССР по делам молодежи. Тренер-преподаватель по классической борьбе в ДЮСШ города Джанкой Крымской области. Председатель районного совета воинов-интернационалистов, член республиканского совета воинов запаса.

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что в составе группы депутатов Верховного Совета я побывал в Ферганской области сразу же после трагических июньских событий. Даже я, прошедший Афганистан, ужаснулся от увиденного здесь, у нас в стране. Многое пришлось пережить в те дни, о многом подумать.

Существенным открытием для меня стали офицеры, прапорщики, солдаты внутренних войск, с которыми встречался в Фергане. Я понял тогда, что наши советские люди не просто знают о внутренних войсках мало. Большинство либо не знают о них ничего, либо судят о них превратно, по слухам.

В Фергане я потянулся к солдатам и офицерам внутренних войск, как тянулись к ним тогда тысячи беззащитных людей, находя в них верных, надежных и мужественных друзей. Во мне словно вновь проснулось чувство солдатского братства, знакомое каждому «афганцу». Многочисленные встречи с воинами внутренних войск позволили мне познакомиться со спецификой их службы.

Недавно я беседовал с бывшим командиром дивизии, в которой служил в Афганистане, ныне начальником внутренних войск страны генерал-полковником Ю. В. Шаталыным. Конечно, невозможно было не вспомнить об Афганистане. Но главное, я нашел у него отклик в очень важном для меня и моих коллег вопросе. Убеден, что в во-

енно-патриотических клубах необходимо готовить молодежь специально для службы во внутренних войсках. Правда, некоторые наши сограждане вообще считают военно-патриотическое воспитание молодежи делом лишним: началось разоружение, «деидеологизация»... А я уверен, что военно-патриотические клубы нужны. Мы готовим прежде всего здоровых ребят, сильных. Чтобы каждый из них был полноценным человеком, гражданином.

Так вот, начальник внутренних войск пообещал нам оказать помощь в приобретении для военно-патриотических клубов техники, оружия. Можно будет наших руководителей клубов обучать при частях и искусству рукопашного боя. Словом, получим все необходимое. Для нас такая помощь будет неоценима.

Мы, молодые депутаты, планируем вскоре собрать руководителей военно-патриотических клубов страны, там намерены поставить вопрос о специальной подготовке ребят для службы во внутренних войсках. Несомненно, подавляющее большинство откликнется на это предложение. Авторитет войск, несмотря на клеветнические, по-моему, заявления некоторых депутатов Верховного Совета, сейчас высок. Считаю, что служба во внутренних войсках сегодня — самая престижная, она исходит из гуманных и благородных задач.

Знаю ребят, занимающихся в военно-патриотических клубах в Джанкое, кото-

6

рые хотят служить во внутренних войсках. Несколько наших воспитанников уже надели форму с «ВВ» на погонах и служат по совести, как говорится, в хвосте не плетутся.

Если газеты, журналы, телевидение будут объективно и всесторонне отражать службу внутренних войск — ребята будут стремиться служить именно в этих войсках. Одна телевизионная передача «Стена» какой колоссальный положительный эффект произвела на всех!

Внимание к войскам сейчас нужно особое и со стороны Верховного Совета. Вы посмотрите, офицер почти год в команди-

ровке в Закавказье — жизнью рискует. А жена с двумя детьми снимает комнату в Москве, на работу не может устроиться, потому что в детсадишке нет мест... Разве может при таких семейных условиях офицер полностью отдаваться службе?!

Эти вопросы я вместе с другими молодыми депутатами — Валерием Цыбухом, Сергеем Червонописким, Александром Царевским — буду поднимать в Верховном Совете. Мне кажется, нужен закон или постановление о правовой и социальной защите военнослужащих внутренних войск. Жизнь поставила перед войсками МВД задачи особого порядка, и потому сейчас к ним, повторяю, нужно особое внимание.

В период работы второй сессии Верховного Совета СССР В. Сизюков (на снимке справа) встретился с воинами орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменной дивизии имени

Ф. Дзержинского. Народный депутат СССР интересовался результатами боевой и политической подготовки солдат, поблагодарил их за добросовестную службу. Фото А. Александрова.

ВНИМАНИЕ: ОТПИСКА!

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

А КАК ПО СУЩЕСТВУ?

Мы за прочные связи с нашим «главным корреспондентом». Особенно, если они, эти связи, творческие, деловые, на взаимовыгодной основе. Анализ редакционной почты последних месяцев свидетельствует, что наши с вами контакты, дорогие читатели, налаживаются, крепнут день ото дня. Об этом говорит и количество писем — за полгода более полутора тысяч! — и содержание их. О чем только вы нам не сообщаете: и о службе, и о быте, и о горе и радости, о квартирных мытарствах, о пенсиях, о чемоданах... Да-да, о так называемых тревожных чемоданах недавно спрашивал нас один из читателей — прапорщик И. Филюшкин. Никак не могут в его подразделении выяснить, каких же размеров должны они быть и что же туда класть надо. Даже одну особенность тут подметила войсковая общественность: как новый командир — так рекомендации по размерам тревожных чемоданов изменяются.

Нам тоже вместе с прапорщиком показалось, что это смахивает на отсебятину. Чтобы разобраться что к чему, решили обратиться за разъяснениями в УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР. Дело-то совсем нешуточное.

И вот пришел ответ. Он вызвал, честно говоря, недоумение. И было отчего. Судите сами:

«Письмо прапорщика Филюшкина И. К. получено и рассмотрено. Сообщаю, что по существу вопросов, затронутых в письме, проведена соответствующая работа. Заявителю дан ответ».

И подпись: «Врио начальника внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР генерал-майор Е. М. Марков».

Кратко, четко, не правда ли? Типично бюрократический стиль полученного ответа оставляет неясным только одно: так как же по существу затронутых автором письма вопросов?

Уговаривали меня остаться служить прапорщиком и сулили при этом золотые горы. Но скоро выяснилось, что никого из командиров наши заботы не интересуют. Поэтому я жду не дожжду, когда наконец уволят (подписка кончилась, а фольку тянут).

Есть в роте у нас люди, которые считают, что уставы и закон не для них. Вот такие — хуже подстрекателей к беспорядкам, они своими делами вызывают неуважение к военным, из-за них все думают, что армия — самый бюрократический аппарат в нашей системе, да и порядка и дисциплины, как показывают в кино и по телевизору, здесь нет.

Прапорщик А. ЧЕЛОХАЕВ.

Я призывался в прославленную дивизию имени Ф. Э. Дзержинского, но совершил грубый дисциплинарный проступок и был переведен в конвоечное подразделение. О случившемся очень сожалею, осознал свою вину. Сейчас служу хорошо, имею немало поощрений. Хотелось, чтобы мои бывшие командиры не считали меня плохим солдатом. Теперь обо мне другое мнение в коллективе.

Рядовой А. ДОЛГОВ.

КОГДА ПРИХОДЯТ ШЕФЫ

Доля сиротская незавидная. Что может заменить ребятам-детдомовцам родительское тепло, заботу и внимание! Ничто. Работники нашей школы-интерната стараются сделать все возможное, чтобы вернуть им потерянное детство. В этом нелегком, но благородном деле большую помощь оказывают нам слушатели и курсанты Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

С каким нетерпением ждут наши девчонки и мальчишки своих старших товарищей! С ними и беседы самые душевные получаются, и игры интереснее, и на субботах дела лучше спорятся.

Самые добрые отношения сложились у нас с начальником факультета переподготовки политработников полковником Русланом Хамидовичем Магоматовым и его заместителем по политической части подполковником Владимиром Сергеевичем Бычковым. Вместе с подчиненными они проявляют поистине отеческую заботу о детях. Принимая живое участие в воспитании ребят, помогают решать и хозяйственные вопросы.

Чем измерить ту благодарность, ту признательность, которую испытываем мы к шефам! Самое точное мерило — радостные лица наших ребят, их хорошее настроение.

Большое спасибо курсантам и офицерам училища за их душевную чуткость, человеческое отношение к нашим проблемам.

Председатель совета
школы-интерната № 60
Г. ЦЫГАНОВА.

г. Ленинград.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«БАНАЛЬНЫЙ» КОНФЛИКТ» (1989, № 8)

В ответе начальника политотдела соединения сообщается, что статья обсуждена офицерами управления части. Для оказания помощи в устранении недостатков, отмеченных в публикации, в подразделение выезжала комплексная группа во главе с командиром части.

Уроки и выводы из факта злоупотребления капитаном Е. Лукашиным служебным положением рассмотрены на общем собрании офицеров подразделения и ИТУ. На нем выступил с докладом начальник УВД Ульяновского облисполкома полковник милиции В. Сунин.

Коммунисты объявили капитану Лукашину партийное взыскание. Он привлечен также к дисциплинарной ответственности.

Командир части и начальник политотдела провели с рядовым Варевцевой, со всеми контролерами и часовыми КПП индивидуальное собеседование.

Обстоятельства случившегося и принятые меры доведены до офицеров, прапорщиков частей и подразделений соединения.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

«МАТЕРНЫМ ВЛАДЕЕТ В СОВЕРШЕНСТВЕ...»

Жена прапорщика С. Деговцова обратилась в редакцию с обидой и возмущением на капитана А. Ягудина: ее, только что приехавшую к мужу, прапорщику, в места суровые и неблизкие, просто поразило отсутствие элементарной заботы командира подразделения о семье подчиненного. Но дальше — больше, и пришлось молодой женщине по-настоящему страдать, когда узнала, что офицер-руководитель, унижая достоинство ее любимого, оскорблял его нецензурными словами, даже в присутствии осужденных. А однажды, совсем распоясавшись, вызвал его для очередной беседы и угрожал физической расправой, разорвал ему рубашку, кричал, обнаружив при этом, что языком матерным владеет в совершенстве.

«Ну когда же кончится этот беспредел?!» — в отчаянии спрашивала Ольга Деговцова.

Судя по ответу, полученному редакцией из соединения за подписью полковника И. Валькива, командир части оперативно отреагировал на полностью подтвердившиеся в ходе расследования факты. За нетактичное обращение с подчиненными капитан Ягудин строго наказан в дисциплинарном порядке, он привлекается также к партийной ответственности.

Для офицеров части прочитана лекция «О педагогическом такте в воспитании и обучении подчиненных»

1. С РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ

Служба во внутренних войсках приучила прапорщика С. Щукина к предельной собранности, умению быстро принимать решения и незамедлительно действовать в любой обстановке.

Однажды, возвращаясь домой, он заметил, как по дороге с большой скоростью несется машина. Заскрежетав тормозами, автомобиль остановился посреди улицы. Не успел Сергей Николаевич разглядеть сидевших в кабине, как ее охватил огонь.

«Сгорят!» — промелькнула в сознании мысль. Щукин вскочил на подножку грузовика и рванул дверную ручку на себя. Из кабины вырвалось пламя, но оно не остановило смелого воина. Он успел вынести из огня растерявшихся водителя и пассажира...

В другой ситуации Сергей Николаевич с риском для собственной жизни спас женщину, которая во время купания пошла ко дну. За этот мужественный поступок он был награжден медалью «За спасение утопающих».

Майор И. ТАРАНЮК.

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

С небольшими перерывами во времени из разных мест и от разных людей в редакцию пришли три письма. В них речь шла об одном и том же военнослужащем — прапорщике Сергее Николаевиче Щукине. Мы решили дать вместе все три заметки. Дополняя одна другую, они создают образ замечательного человека, дела и поступки которого вызывают чувство восхищения.

2. ...С НИМ В РАЗВЕДКУ

Пишу и от себя, и от имени всех сослуживцев, с которыми довелось выполнять ответственные задачи в Закавказье. Чего скрывать, нелегко нам там приходилось. Но как раз в сложной обстановке лучше раскрываются люди, сразу видно, кто есть кто.

Ребята попросили сказать доброе слово о нашем старшем товарище — прапорщике С. Щукине. Извините за штамп, но любой из нас пошел бы с ним в разведку. Именно с таких людей мы берем пример, на таких равняемся.

А теперь в доказательство к сказанному несколько фактов.

Выполняя службу по охране общественного порядка в Баку, прапорщик Щукин обезвредил преступника, нанесшего ножевые ранения гражданину. Он задержал также двух грабителей, которые отняли сумочку у женщины.

В Ереване прапорщик Щукин, не раздумывая, вступил в схватку с двумя вооруженными бандитами и вышел из поединка победителем.

Во время ликвидации последствий землетрясения в Ленинкане наш однополчанин извлек из-под руин двух человек.

Не раз задержанные с поличным на месте преступления злоумышленники пытались откупиться. Напрасно старались. Сергей Николаевич не тот человек, который способен пойти на сделку со своей совестью.

Рядовой ЕГОРОВ.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ВETERАНА

ХВАТИТ ЧЕРНОЙ КРАСКИ!

«...Саша сейчас в армии. Пишет: служба идет своим чередом, все хорошо, не волнуйтесь. И все же болит у меня сердце. Не верится, что сын пишет правду. Уж больно плохо отзываются сегодня об армии в газетах и по телевидению. Очень прошу тебя — выбери время, побывай в части у сына, посмотри».

Вот такое письмо получил я недавно от моей двоюродной сестры Галины Петровны Колесовой. Что и говорить, взволновало оно меня. Материнское беспокойство и мне, старику, передалось. Не откладывая дела в долгий ящик, отправился по указанному сестрой адресу. Оказалось, часть эта относится к внутренним войскам. Встретили меня командир подразделения капитан Ю. Власов и его заместитель по политической части старший лейтенант А. Камышанов.

После обстоятельной беседы пригласили посмотреть, как живут Саша и его товарищи. Я в армии 14 лет прослужил, всякое повидал на своем солдатском веку. Но то, что мне показали, поразило воображение.

Заходим в спальное помещение. Кровати — а не двухъярусные койки — стоят ровно, как на параде. Бытовая комната с успехом заменяет солдатам службу быта. А какая здесь комната отдыха! В аквариумах плавают экзотические рыбки, в клетках — певчие птицы. Руками умельцев сделаны чучела животных и пернатых...

Побывал я и в солдатской столовой. Мы привыкли думать, что солдатский стол не блещет деликатесами. А вот видел ли кто на этом столе вкусное варенье из лесных ягод, соленые маслята и грузди, суп из сушеных грибов? Я видел в части, где служит мой племянник.

3. ДВАЖДЫ ОТВЕЛ БЕДУ

Хотим рассказать о человеке, который спас две жизни в нашей семье. Сначала сына. Мальчик схватился рукой за провод, хотел убрать его с дороги. Тот оказался под напряжением, представляете! И тут счастливая случайность мимо проходил прапорщик. Он палкой отбросил провод, вывел Алешу из шокового состояния и... ушел. Мы искали его, но не нашли. А так хотелось поблагодарить этого человека!

И еще случай. Наш родственник, заядлый рыбак, отправился на озеро и провалился в прорубь. Парнем, который первым бросился на помощь и вытащил его из воды, оказался Сергей Шукин — тот самый незнакомец, спасший сына.

Семья КОДАНЕВЫХ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал уже был подготовлен к печати, стало известно, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации последствий землетрясения в Армении, прапорщик Шукин Сергей Николаевич награжден медалью «За боевые заслуги».

ПРИЕМ В АДЪЮНКТУРУ

В редакцию журнала пришло несколько писем от офицеров, которые просили разъяснить порядок приема в адъюнктуру. Мы обратились за консультацией по этому вопросу к старшему офицеру ГУВВ МВД СССР полковнику В. ОСИПОВУ.

Подготовка научно-педагогических и научных кадров для внутренних войск осуществляется в Военной академии имени М. В. Фрунзе, Военно-политической академии имени В. И. Ленина, Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, Военной академии тыла и транспорта и Пензенском высшем артиллерийском инженерном училище имени Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова.

В адъюнктуру на основе конкурсного отбора принимаются офицеры, имеющие высшее образование (военное, военно-специальное или окончившие гражданские высшие учебные заведения), положительно зарекомендовавшие себя по службе и проявившие способности к педагогической или научно-исследовательской работе, в очную — не старше 35 лет, в заочную — не старше 40 лет, если они имеют опыт работы на офицерских должностях после окончания вуза не менее двух лет.

Рапорт о приеме в адъюнктуру подается по команде до 1 февраля года поступления. Вместе с рапортом представляются: список опубликованных научных работ (офицеры, не имеющие научных работ, представляют научные доклады или рефераты по избранной специальности); заверенные копии диплома об окончании высшего учебного заведения и выписки из зачетной ведомости; служебная и партийная (комсомольская) характеристики; справка о состоянии здоровья; удостоверения о сдаче кандидатских экзаменов; служебная карточка.

В рапорте указываются дисциплины, по которым сданы кандидатские экзамены, и согласие поступающего на участие в конкурсе по результатам сдачи кандидатских экзаменов.

Решение о допуске к вступительным экзаменам в адъюнктуру или об отказе принимается приемной комиссией с учетом письменного заключения по реферату или представленным научным работам.

Поступающие с 1 июня по 30 августа сдают конкурсные вступительные экзамены по марксизму-ленинизму, иностранному языку и спецдисциплине.

Теперь о пресловутой «дедовщине». Самый важный для солдатских матерей вопрос.

— В нашем подразделении ее нет, — с уверенностью заявил капитан Ю. Власов.

Меня, участника Великой Отечественной войны, многих моих товарищей, фронтовиков, до глубины души возмущает, когда люди, в большинстве своем не проходившие военной службы, лезут из кожи вон, чтобы вбить клин между армией и народом, вытравливают из сознания людей такие понятия, как защита Отечества, воинский долг.

...Не к лицу нам оставлять армию один на один с ее бедами и заботами, заниматься голым критиканством. Сила ее — в единстве с народом. И надо его не разрушать, а укреплять.

Ну а тем, кто на военных не жалеет черной краски, я бы посоветовал побывать в подразделении, где служит Александр...

Н. ОГОРОДНИКОВ, член КПСС с 1945 года, участник Великой Отечественной войны.

Наш адрес:

111250, г. Москва, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ОБНОВЛЕНИЯ

Валерий КОСТЫКОВ,
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РАБОТНИК ЦК ВЛКСМ,
ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

— Валерий Васильевич, за последние пять лет численность комсомола сократилась на четверть, за прошлый год — на четыре миллиона... В 1988 г. 58 тысяч первичек, в том числе более тысячи школьных, не приняли в комсомол ни одного человека. Эти тревожные цифры были названы на IX пленуме ЦК ВЛКСМ.

— Да, цифры невеселые. Сегодняшнее положение нашего союза очень сложно. Но я бы не стал слишком драматизировать ситуацию. По-моему, идут хотя и болезненные, но все же естественные процессы обновления комсомола.

Согласимся, если ставить вопрос принципиально, дело ведь не только и не столько в количественном составе наших рядов. Состояние дел в комсомоле остро дебатировалось на VII, VIII и IX пленумах ЦК ВЛКСМ, прошедших в мае, июле и октябре 1989 года. Участники пленумов, члены Центральных органов ВЛКСМ пришли к выводу, что для изменения положения, выхода из кризиса необходимы кардинальные меры.

И посмотрите, взятый на XX съезде ВЛКСМ курс на демократизацию, разбюрокрачивание, гласность и открытость, восстановление комсомольцами и молодежью связей с жизнью уже дал определенные результаты.

Комсомольские организации и комитеты комсомола самостоятельны в выборе форм и методов работы. Уже воспринимаются как должное альтернативные выборы секретарей комитетов комсомола вплоть до ЦК союзной республики. Никто не ущемляет права комсомольцев в вопросах приема юношей и девушек в состав ВЛКСМ. Разработан и введен в действие целый ряд нормативных документов, составляющих твердую основу демократичных внутрисюзных отношений. Значительно пересмотрен порядок финансово-экономической деятельности в организациях союза. Заметно активизировалась роль комсомола в экономической жизни страны.

С сентября 1987-го по январь 1989 года число центров научно-технического творчества молодежи увеличилось с 30 до 500, а стоимость заключенных договоров с 3,5 млн. до 850 млн. рублей. К деятельности центров сейчас привлечено более 600 тысяч членов творческих коллективов. Следует отметить, что центры не только позволяют активизировать научно-техническое творчество молодежи, стимулируют самообразование, техническую культуру, но и дают, пусть небольшую, дополнительную возможность многим молодым специалистам пополнить свой бюджет.

На наш взгляд, это тоже политика.

— Однако совершенно очевидно, что происходящие перестроенные процессы в комсомоле явно отстают от темпов общественных преобразований, ожиданий и запросов молодежи.

— То, что в комсомоле происходят кризисные явления, выражается в падении авторитета и влияния ВЛКСМ на молодежь, росте недоверия к комсомольским органам, увеличении числа членов, желающих выйти из союза, уменьшении притока свежих сил.

Значительная часть комсомольцев состоит в союзе формально, не участвует в деятельности своих организаций. Нарастанию негативных явлений способствуют жесткий централизм, закосненность структур, несовершенство системы формирования руководящих комсомольских органов. Все это ведет к потере способности многих комсомольских организаций участвовать в динамично изменяющейся жизни трудовых и учебных коллективов, отстаивать права своих членов.

— В чем же, на ваш взгляд, причины создавшегося положения?

— По-моему, в непоследовательности государственной молодежной политики, фактическом отчуждении юношей и девушек от управления государственными и общественными делами, искажении ленинских прин-

---

КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ!

ципов партийного руководства комсомолом, обострении противоречий между ростом интересов и потребностей молодых людей и возможностями комсомола в их реализации.

Проблемы ВЛКСМ непосредственно связаны с жизнью общества, с экономической и политической ситуацией в стране. Она, эта ситуация, крайне сложна и тревожна. Людей измучили дефициты, больно ранят все новые всплески межнациональной розни, рост преступности. Социальное неблагополучие молодежи сказывается на ее отношении к ВЛКСМ.

Реальные доходы молодого человека и молодой семьи низки. Деление общества на богатых и бедных, отчужденность от средств производства даже вполне убежденных молодых людей сделало настоящими циниками, что, конечно, не прибавляет авторитета комсомолу. Более того, оказалось, что то, чего у нас просто не должно быть — преступность, проституция, наркомания, — не только есть, а продолжает быстро расти.

Трагические события в горячих точках — от Алма-Аты в 1986 году до Нагорного Карабаха, Абхазии, Ферганской области, некоторых городов России в 1989 году — высветили нежелание и неспособность некоторых партийных, государственных, комсомольских органов, комсомольских организаций реально оценить ситуацию в молодежной среде и предпринять эффективные меры к ее оздоровлению.

Сложность положения усугубляется и тем, что большинство из нас еще не понимает, какую разрушительную силу представляет молодежь в преступных руках людей, стремящихся к дестабилизации общества.

— Непростая обстановка сложилась и вокруг наших Вооруженных Сил...

— К сожалению, это так. Решение о сокращении армии вызвало у части молодых офицеров растерянность, неуверенность в будущем. Законное недовольство военнослужащих вызывает привлечение к выполнению несвойственных для армии функций. Искаженное восприятие армии как репрессивного антидемократического органа может нанести ей непоправимый ущерб, сформировать неправильное представление о ней у народа. Нужно давать решительный отпор негативному отношению к военнослужащим, дискриминации их семей. Сами комсомольские организации Вооруженных Сил, внутренних войск должны активизировать свою деятельность для разрешения накопившихся проблем, и особенно для защиты личного достоинства и чести комсомольцев-военнослужащих.

Потенциал армейского комсомола, по моему, огромен. Это наглядно подтверждает и обращение участников совещания комсомольского актива Советской Армии и Военно-Морского Флота к Центральному Комитету ВЛКСМ, ставшее по сути програм-

мным. Без прикрас скажу: в основе своей комсомольцы в военной форме — это цвет нашего союза — физически и духовно крепкие, патриоты, интернационалисты...

Что и говорить, не от хорошей жизни оказались в Сумгаите, Степанакерте, Фергане солдаты и офицеры внутренних войск. Но в переломное, трудное для страны время их служба там — гарант стабильности и безопасности людей, гарант перестройки. За мужество и стойкость сотни комсомольцев внутренних войск отмечены в последнее время наградами ЦК ВЛКСМ.

Только в 1989 году около 30 солдатам и офицерам вручены знаки ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» за охрану общественного порядка в Нагорном Карабахе.

— Если мы говорим о кризисе в комсомоле, то, наверное, важно подчеркнуть, что возник он не сегодня и даже не вчера. Поэтому и «выпрыгнуть» из кризиса невозможно одним махом...

— Зато кое-кто считает, что можно и даже нужно одним махом «выскочить» из Всесоюзного Ленинского комсомола, чтобы таким образом враз решить массу проблем. ЦК комсомола Литвы объяснил свой выход из ВЛКСМ единственным желанием спасти республиканский комсомол от раскола и краха.

И теперь возник закономерный вопрос: что же такое КСМ Литвы — политическая организация или нет? Может, пора, как отмечали многие комсомольцы, им идти в кооперативы? Размытость позиций, брожение, растерянность и неопределенность; политические, социальные и идеологические проблемы, все более приобретающие национальный оттенок, — все это характеризует сейчас состояние комсомола Литвы. Там сотни и тысячи молодых людей, желающих остаться в ВЛКСМ, буквально в растерянности: что их ждет?

Конечно, для коренного изменения ситуации в комсомоле, выхода из кризиса необходимы прежде всего консолидация и время. Впереди длительный и болезненный путь обновления. Первым этапом этого пути должно стать приведение целей и задач комсомола в соответствие с социально-экономической и общественно-политической ситуацией в стране, обстановкой в молодежном движении. И этим должен заняться съезд...

— Валерий Васильевич, а тем временем кое-где не стихают возгласы: «Комсомол умирает...», «Нужна альтернативная молодежная организация» и тому подобное...

— По-моему, нам надо меньше дискутировать по поводу проблемы выживания союза. Обновленный Ленинский комсомол будет жить — нет сомнения. Время сейчас интереснейшее, прекрасное — у комсомольцев есть реальная возможность приложить свой пыл, свою энергию. Обновлять нашу Родину ради ее процветания — лучшее, чем сейчас может и должен заниматься каждый комсомолец.

«СКАЖИТЕ, МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ...»

На Всесоюзном студенческом форуме, проходившем в ноябрьской столице, мы вшестером представляли учащуюся молодежь военных вузов внутренних войск. Приехали мы из различных городов, с разных курсов, а проблемы привезли по сути одни. Они в чем-то перекликаются с теми, чем живет студенчество страны, но во многом и различаются. Вот поэтому, когда представилась возможность задать вопрос принимавшему участие в форуме Михаилу Сергеевичу Горбачеву, я своего шанса не упустил, написал ему записку: «Когда государство, Президиум Верховного Совета, ЦК КПСС возьмут под защиту внутренние войска МВД, дадут официальную оценку действиям войск МВД в Закавказье, в том числе в Тбилиси, Узбекистане и Молдавии?»

Не скрою, о многом хотелось спросить главу нашей партии и государства, но, думается, именно это больше всего сегодня заботит не только моих товарищей по курсу, по парторганизации, по училищу, но и тысячи солдат и офицеров, несших и продолжающих нести службу в горячих точках страны.

Мы и сами выполняли ответственные задачи в Баку и Ереване, Ленинкане, Кировокане и Коканде. Порой ребята рисковали жизнью, сдерживая слепую ярость толпы, спасая от расправы ни в чем не повинных людей. Курсант Сергей Назаров, например, был ранен пулей экстремистов в бедро...

То, что ответил на мой вопрос Михаил Сергеевич, ныне всем известно. Его высокая оценка войскам, думается, прибавит сил нашим ребятам, находящимся в экстремальных условиях. Его заверения, что Верховный Совет поручил правительству принять все необходимые меры по улучшению нашего материального положения, технического обеспечения, правовой защиты, встречены с воодушевлением.

Курсант С. ПОЛЯКОВ,
3 курс Пермского ВВКУ МВД СССР.

ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ИЗ

КАМЕНЬ— В ЛИЦО, ЛОЖЬ— В СПИНУ

Вскоре после событий 10 ноября прошлого года в Кишиневе в центре города, у памятника Стефану Великому, появился плакат, на котором крупными буквами было выведено: «Первый Съезд народных депутатов СССР сообщил миру о том, что кровавое воскресенье 9 апреля в Тбилиси никогда не повторится в нашей стране. 10 ноября в Кишиневе на проспекте Ленина пьяные профессиональные убийцы из карательных внутренних войск организовали красный террор против мирного населения. Это хорошо продуманный и подготовленный мафией смертельный удар по перестройке».

В отличие от безымянного плаката обращение «К уважаемым согражданам» было подписано: Народный фронт Молдавии. Цитирую: «10 ноября были избиты прохожие, женщины и дети разных национальностей, граждане, мирно возвращавшиеся с работы в общественном транспорте. Власть исчерпала все политические аргументы. Остались только дубинки, газы и танки...». «Рано утром 11 ноября против воли народа город Кишинев был блокирован танками, бронетранспортерами и специальными карательными частями МВД, переброшенными срочно из Центра...»

Наглая ложь: уж что-что, но столь грозную боевую технику скрыть невозможно, однако ни один кишиневец не видел ее, ни один фото- или видеокадр не запечатлел. Вот уж поистине: камень — в лицо, ложь — в спину.

...Мы прибыли в Кишинев на следующий день после событий. Город жил относительно спокойной жизнью. Ничего необычного не ощущалось в аэропорту. Тишина на улицах, редкие в ранний утренний час прохожие, полупустые автобусы и троллейбусы. И каким зловещим холодом повеяло вдруг от затемненного здания Министерства внутренних дел республики, прилегающей к нему территории. Пустые глазницы окон, груды камней, бутылок, банок, труб, обрезков железа. Баррикады, сооруженные из телефонных будок, афишных тумб, урн, сломанных заборов. Следы пожара и копать на стенах внутри зда-

ния. В кабинетах — разбитые стекла, бутылки на паркете.

Все случилось накануне. Сначала несколько сотен, а потом тысяч человек собрались у МВД республики. Раздавались выкрики: «фашисты», «скоты», «хунта». Но милиция проявила выдержку, рассчитывая на человеческое благоразумие. Уговаривала: «Разойдитесь! Разойдитесь!» К собравшимся у здания МВД обратился министр внутренних дел республики В. Воронин, призывая соблюдать порядок. Увы, это лишь подстегнуло эмоции. Молодые парни начали разбирать брусчатку. Полетели камни, палки, бутылки, банки, в том числе с крыши. Хлопнул первый взрывпакет. Появились раненые. Зазвенели стекла в здании министерства, витринах магазинов. Толпа нарастала, становилась все более неуправляемой. Под градом камней вместе с сотрудниками милиции оказались военнослужащие внутренних войск, прибывшие им на подмогу. Весь свой наступательный пыл экстремисты обратили против солдат и сержантов. Немало военнослужащих пострадало в той кровавой драме. Десятки воинов были доставлены в госпиталь МВД республики с сильными ушибами, травмами, колотыми ранами, серьезными повреждениями грудной клетки, живота, глаз и других органов. У многих — стрессовое, близкое к шоку состояние. Это понятно — юноши, возраст которых в среднем 18—19 лет, оказались лицом к лицу с разъяренной толпой, превосходящей их по численности в десятки раз.

Целый ряд обстоятельств — быстрое подтягивание сил нападавших, умелое блокирование здания МВД завалами на улицах, срочное появление бутылок с зажигательной смесью в руках атакующих, наконец, помехи на тех частотах, на которых работали милицейские рации, — все это говорило об определенном организующем начале. Оно и было. Ведь толпа у здания МВД республики собралась не случайно. Вот выдержка из сообщения АТЕМ (Телеграфное агентство Молдавии): «10 ноября, в 15.00, в центре Кишинева — у памятника Стефану Великому собралось около 200—300 экстремистски настроенных лиц. Раздавались призывы пикетировать здание МВД республики, вырвав тем самым протест по поводу задержания нескольких человек, нарушивших общественный порядок во время праздничной демонстрации 7 ноября».

Эта группа в 18.00 двинулась к зданию МВД».

Так было. Но информация о событиях в Кишиневе, опубликованная в центральной и республиканской печати, устраивала не всех. Чтобы взбудоражить народ, были преданы огласке другие версии трагических событий. Одну из них, не пожалев места, изложила газета «Литература ши арта» («Литература и искусство») — орган Союза писателей Молдавии и Министерства культуры республики.

«Все было запланировано заранее, — сообщает газета, — но... некоторыми кругами, стоящими у власти в МССР или даже выше». Ссылаясь на опрос очевидцев и пострадавших, газета выстраивает хронику происходящего. С удивительной точностью по времени расписаны события. Вот пример: «18.10—18.45. Из здания МВД выбегают 2—3 сотни милиционеров и солдат, которые начинают избивать всех подряд, останавливая городской транспорт, вырываясь в троллейбусы, нанося удары пассажирам и шоферам дубинками и сапогами. Военные гоняются за всеми гражданскими лицами на расстоянии до двух кварталов от здания МВД». Старая песенка: помните, как в Тбилиси солдат гнался за старушкой целый километр? Из той же оперы.

Таких перлов в «Литература ши арта» предостаточно. «Массовые нападения на граждан, жестокие избиения...» Газета стремилась достичь главной своей цели: посеять страх, недоверие к властям, неуверенность в завтрашнем дне.

Выступлению газеты предпослана рубрика «Из неформальных источников». Что же это за «источники»? Не те ли, которые распространяли по городу слухи о якобы сорока тысячах внутренних войск, прибывших в город («Правда» опровергла их, назвав точное количество личного состава). О десятках отравленных газами людей (ни один человек в медицинские учреждения города по этому поводу не обращался). О множестве убитых и растерзанных органами МВД женщин и детей (ни одного факта, ни одного летального исхода) и т. д. и т. п.

Уж если кто и стоит стеной за народ, так это внутренние войска. Простые люди это прекрасно понимают.

«Нас успокоило сообщение о прибытии подразделения внутренних войск МВД СССР. Огромное спасибо». Таких писем сотни.

В МВД республики каждый день поступают деньги для получивших ранения работников милиции и военнослужащих. Крупные предприятия, как, например, «Счетмаш», переводят десятки тысяч рублей.

М. С. Горбачев 15 ноября 1989 года на Всесоюзном студенческом форуме, отвечая на вопрос о роли и значении внутренних войск МВД СССР, подчеркнул, что «возникают ситуации, когда надо оградить, обезопасить и наш процесс перестройки, и жизнь людей. И тогда мы обращаемся к помощи войск МВД. И я считаю, то, что они сделали до сих пор, они делали ответственно. И я думаю, на их миссию надо смотреть как на спасительную миссию».

Такая оценка не только ко многому обязывает. Она служит ответом тем, кто еще тешит себя надеждой дискредитировать внутренние войска в глазах советского народа. Зряшные попытки.

Подполковник В. ГОНДУСОВ,
наш спецкор.

ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ИЗ ГОРЯЧИХ

ВМЕСТЕ МЫ — СИЛА

На 10 декабря были назначены выборы народных депутатов местных Советов Латвийской ССР и Эстонской ССР. Надо сказать, что проходили они необычно, чем и привлекли к себе внимание далеко за пределами республик. Мы обратились к майору Александру ФЕДОРЕНКО, баллотировавшемуся по одному из избирательных округов в столице Латвии, с просьбой поделиться своими впечатлениями.

КОГДА я задумываюсь о своей судьбе, о судьбах сослуживцев, невольно возвращаюсь к событиям последнего года. Какие бы служебные задачи мы ни выполняли, как бы с головой ни уходили в работу с личным составом, процессы, происходящие в Прибалтике, не могли не касаться каждого из нас. Ведь никаким высоким забором воинская часть не отгородится от общественной жизни города, района, республики, тем более, если обстановка далеко не проста. Ну а в Латвии на сегодняшний день существует немало всевозможных обществ и групп, выдающих себя за сторонников перестройки, а на самом деле — митингами, пикетами нагнетающих политическую напряженность. Они не признают Советскую власть, относятся к военным не иначе, как к оккупантам. Кто в такой ситуации будет представлять наши интересы в местных Советах — вопрос совсем не праздный. К тому же и предыдущая предвыборная борьба нас кое-чему научила. Командир части баллотировался в народные депутаты СССР, но уступил, и притом заметно, представителю Народного фронта. Конечно, те и нынешние выборы ставить на одну ступень нельзя и все же. Вчитайтесь в начальные строки предвыборной платформы Рижского горкома партии «За Советскую власть в суверенной Латвии», и вам станет ясна вся серьезность предстоящей работы: «Нам придется вести острую политическую борьбу за мандаты депутатов с теми, кто стремится под прикрытием лозунгов демократизации, гласности провести чуждые социализму идеи, парламентским путем вывести республику из состава СССР...

...Коммунисты будут добиваться национального взаимопонимания, стоять на позициях гражданского мира».

В предвыборной кампании политотдел части не упускал ни времени, ни инициативы.

Надо сказать, что до начала августа еще не было известно окончательного варианта республиканского Закона о выборах народных депутатов местных Советов. В ходе же обсуждения его проекта какие только рогадки не ставились на пути военнослужащих, членов их семей, да и вообще русскоязычного населения. Один только пятилетний ценз оседлости для народного избранника чего стоит. И все-таки здоровые силы одержали верх — в Законе появилось положение, касающееся непосредственно нас: «Военнослужащие, проходящие действительную военную службу на территории местного Совета, могут избирать и быть избранными в округах, образованных для выборов народных депутатов от военнослужащих, независимо от обладания ими гражданством Латвийской ССР и срока прохождения военной службы на территории республики. Члены семей военнослужащих и другие граждане, проживающие на территории расположения воинских частей, могут избирать в округах, образованных для выборов народных депутатов от военнослужащих, независимо от обладания ими гражданством Латвийской ССР».

Такой округ был образован и в нашем гарнизоне. А на общем собрании личного состава была поддержана моя кандидатура. Не буду скрывать, когда товарищи спросили согласия баллотироваться, прошлое аукнулось и в моем сознании. Сразу подума-

---

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

дось: «Почему я, а не командир или начальник политотдела?» Но потом, когда сослуживцы стали высказывать конкретные пожелания и предложения, стало неловко за минутную растерянность: «Если жизнь решила тебя испытать, стыдно прятаться за спинки высоких кресел».

Я РОДИЛСЯ в год запуска первого искусственного спутника Земли, в рабочей семье. Отец — токарь объединения «Донстройматериалы», мать — строгальщица Донецкого металлургического завода имени В. И. Ленина, младший брат — крановщик на этом же предприятии. Да и сам я до того, как поступить в Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ, токаричал на заводе точного машиностроения. Теперь уже за спиной десять офицерских лет. Прошел роту, батальон, окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Коммунист с 12-летним стажем. Служба не баловала: 6 лет в западно-сибирских гарнизонах что-то да значат. Вот и жена службу знает не только по моим рассказам: пока жили в Сибири, сама носила шинель, сержантские погоны. Есть у меня и опыт работы в поселковом Совете. Правда, в 1982 году от кандидата в народные депутаты никто не требовал программы...

С чем шел я ныне к своим избирателям, какие мысли и чаяния нес им? Я коммунист — в этом моя позиция. Буду делать все, чтобы в нашем районе шла нормальная трудовая жизнь, улеглись национальные страсти. Основное внимание уделю защите интересов сослуживцев, семей военнослужащих, решению такого болезненного вопроса, как квартирный. Достаточно сказать, что немало семей офицеров и прапорщиков не имеют собственной крыши над головой, нуждаются в улучшении жилищных условий. Есть проблемы и с трудоустройством жен, с обеспечением детей яслями и садиками. Как председатель группы народного контроля части знаю, что не все у нас ладно с военной торговлей. Пора стронуть с мертвой точки строительство гарнизонного банно-прачечного комбината, медпункта, офицерской столовой...

Разумеется, я не прожектор, а потому хорошо понимаю, что добиться всего перечисленного будет непросто, а в одиночку и вообще не под силу. Буду работать, оправдывать доверие избирателей, солидаризуясь с коммунистами, вошедшими в районный Совет. Вместе мы — сила.

Майор А. ФЕДОРЕННО,
народный депутат.

В Совете МВД СССР

Как остановить преступность, какие меры необходимо предпринять, чтобы стабилизировать криминогенную обстановку в стране — об этом с большой обеспокоенностью говорили на своем очередном заседании члены Совета МВД СССР, которое состоялось 21 ноября 1989 года под председательством Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакатина.

Информируя собравшихся, Министр подчеркнул, что в 2,1 раза вырос остаток нераскрытых дел. Органы внутренних дел теряют время, идут зачастую за преступностью, но не встают на ее пути. Между тем государство делает все возможное, чтобы укрепить советскую милицию, поднять престиж службы работников правоохранительных органов. Несмотря на известные трудности, в бюджет министерства дополнительно выделены ассигнования, чтобы улучшить техническую оснащенность милиций, поднять, уже начиная с нового года, заработную плату ее сотрудников, денежное содержание военнослужащих внутренних войск.

Члены Совета обсудили неотложные меры Общесоюзной программы по борьбе с преступностью на 1990—1991 годы. Выступившие с сообщением по данному вопросу заместитель Министра внутренних дел СССР Н. И. Демидов, начальник управления МВД СССР А. И. Гуров, министр внутренних дел Украинской ССР И. Д. Гладуш, писатель А. Г. Адамов, ответственный работник КГБ СССР В. А. Лукин, народный депутат СССР А. В. Земскова и другие ораторы, а выступило 22 человека, говорили о многих проблемах в деятельности правоохранительных органов, которые ждут неотложного решения. Внесено немало интересных предложений. Члены Совета высказывали пожелания, чтобы в работе милиции было больше профессионализма, компетентности, выражали нетерпимость к такому положению дел, когда мы в своей системе «плесень, пыль сдуть сами не можем».

Совет заслушал также доклад министра внутренних дел РСФСР В. П. Трушина «О мерах в связи с образованием Министерства внутренних дел РСФСР». Рассмотрены предложения членов Совета МВД СССР в связи с обсуждением на втором Съезде народных депутатов СССР вопроса «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

«дедов-
щина» как
победить
зло

«...закон внутри нас»

Дело, которое рассматривалось на заседании военного трибунала, поразило своей несуразностью, нереальностью... Казалось, такая ситуация просто не может, не должна была возникнуть.

... **И** СНОВА в газетах — приказ об очередном призыве в армию. Разлетаются по почтовым ящикам повестки, прибавляется работы парикмахерам. В привычной сутолоке вокзалов все чаще мелькают остриженные головы и глубоко натянутые вязаные шапочки — словно эмблема, по которой легко узнают новобранцев.

Стучат колеса поездов, увозящих их в разные стороны от родного дома. Еще звучат в памяти наказания матерей: «Береги себя, сынок. В обиду не давай, и сам никого не обижай. Дружно живите, служите хорошо и пиши домой чаще», но голова уже занята будущим: как-то все сложится, что ждать от воинской службы? И если пять-шесть лет назад самым сложным для моих ровесников была разлука с домом, друзьями, то сегодня самый трудный и большой вопрос для каждого призывника: как встретит армия? Речь — о пресловутой «дедовщине».

Два года назад довелось беседовать с молодыми солдатами, которых старшие товарищи «наставляли» с помощью кулаков. В деле разобрались, виновных наказали... Словом, довольно заурядная история. И за давностью лет пора бы забыть ее. Но не забывается. И виной тому — не сама кулачная расправа, а объяснения молодых солдат: «Мы, когда шли в армию, знали, что молодых бьют первые полгода. На что же жаловаться? Ведь так принято. Надо потерпеть».

И кажется мне, что с этого «так принято» и «надо потерпеть» начинается тот разрыв норм, то стирание нравственных граней, которое изначально порождает всякое унижение человека человеком.

Неуставные взаимоотношения начинаются не в школе, не в ПТУ, не в армии, а в самом человеке, в его душе. Начинаются

в тот момент, когда он, уверовав в свою исключительность, начинает чувствовать себя вправе унижать другого или когда позволяет унижать себя.

Издравле среди людей считалось подлостью обижать слабого. Дав человеку разум, природа мудро наградила его нравственностью. И законы морали не случайно оставались в веках неизменны: «Не убей, не укради», «человек человеку — друг, товарищ и брат». В той или иной формулировке эти постулаты встречаются и в римских законах, и в Библии, и в «кодексе строителя коммунизма», потому что, как бы ни изменялось общество, понятия человечности и нравственности остаются неизменными.

Великий философ Кант говорил, что в нашем изменчивом мире лишь две вещи неизблемы и вечны, служат его опорой — «солнце над нами и нравственный закон внутри нас». Каждое отступление от нравственных норм понемногу разрушает мир. Но, к сожалению, философскими рассуждениями этого разрушения не остановить. Нужны конкретные дела.

К ОГДА дело касается армии, то, разбираясь с преступлением, в каждом случае сталкиваешься с тем, что, если бы неуклонно соблюдались требования уставов, большей части трагедий не случилось бы. Но далеко не все понимают, что устав — не потому закон воинской жизни, что так захотелось кому-то из офицеров, а потому, что в нем уже предусмотрены те «случайности», которые необходимо предотвратить. И задуман он не для того, чтобы «служба медом не казалась», а чтобы успешно выполнялись боевые задачи, надежно обеспечивалась защита Родины. И, между прочим, чтобы два года армии не стали трагедией для матери, чтобы через два года каждый воин

вернулся домой, чтобы не было нужды в заседаниях военного трибунала.

Именно поэтому в любых планах политико-воспитательной работы так много уделено места изучению уставов. Но не всегда у офицеров хватает терпения вдумчиво, не торопясь, с конкретными примерами разъяснять каждому солдату норму его поведения. А те, кто по своим функциональным обязанностям — сержанты, комсомольские активисты — призваны оказывать офицеру помощь в сложной этой работе, зачастую остаются в стороне. И дело здесь не только в общей духовной инертности современной молодежи, о чем мы сегодня немало говорим. Но и в том, что в целях повышения боеготовности мы сначала в мелочах, а потом и вовсе низвели роль общечеловечности до послушного исполнителя воли офицера. Вот, к примеру, сержанты — вроде бы, как и прежде, — младшие командиры, но права их в жизни куда ограниченнее, нежели в уставе, да и обязанности сержантов наполовину выполняют командиры взводов. Сами отучили людей от ответственности, а теперь начинаем удивляться, почему так равнодушно относятся они к делу.

Или комсомольские активисты. Всю их активность мы свели к организации досуга.

И как ответ — усиление неуставных взаимоотношений. Потому что любой группе людей нужен лидер. И хорошо, если волею случая им оказывается человек достойный. А если наоборот — то все понятия быстро переворачиваются с ног на голову, и жестокость становится синонимом силы, признаком мужественности. И тогда ударить человека — уже норма. А ударить один раз, занести руку для следующего удара гораздо проще! Особенно, если окружающие своим молчанием единодушно тебя поддерживают.

ДЕЛО, которое рассматривалось на заседании военного трибунала, поражаало своей несуразностью, нерезальностью, что ли. Казалось, такая ситуация просто не может, не должна была возникнуть. Если бы в любой книге появилось описание этого преступления, я уверена, автору долго пришлось бы «отбиваться» от возмущенных оппонентов. Потому что мы привыкли думать, что у каждого поступка должны быть мотивация, истоки, причины... Но в жизни далеко не все происходит по законам логики.

«...Около 20 часов 45 минут в ленинской комнате подразделения рядовой Муса Евлов по неосторожности ударил один раз в область лобной части головы пряжкой солдатского ремня рядового Эдуарда Утепешова, причинив последнему закрытую черепно-мозговую травму по неосторожности».

Это строки из постановления о возбуждении против рядового М. Евлова уголовного дела.

Рядовой Эдуард Утепешов служил в ар-

мии только начинал. Чуть больше двух месяцев прошло с того дня, когда сошел он с поезда на незнакомой сибирской станции, встретившей его непривычным морозом. Еще в новинку была военная форма, но служба есть служба, и Эдуард, как и все молодые солдаты его призыва, старательно изучал устав, привыкал к жесткому распорядку дня, знакомился со службой.

В этот день, ставший в его судьбе роковым, Эдуард вместе с сослуживцами вошел в ленинскую комнату после ужина. Сел писать письмо домой. Одно из первых своих писем, чтобы рассказать родным, что идет к концу первый месяц службы в армии, уже не на учебном пункте, а в подразделении, где воины выполняют боевые задачи. Успокоить мать, что никто его не обижает, что кормят нормально и уже появились друзья... Но это письмо до адресата не дошло.

«Когда я пришел в ленинскую комнату, там сидели младший сержант Чернев, рядовые Абакаров, Размазанов, еще несколько солдат, чьи фамилии я не знаю, — это строки из показаний Утепешова, которые он давал следователю, находясь в больнице. — Я начал писать письмо, когда в ленинскую комнату зашел солдат, фамилию которого я не знал. Он начал подходить ко всем, сидящим в ленинском отделении, и требовал снять ремень. Зачем он это делал, я точно сказать не могу».

Уже во время заседания военного трибунала Евлов, чья фамилия Эдуард запомнит теперь надолго, если не навсегда, объяснит все происшедшее тем, что у него ночью пропал ремень. Точнее — его подменили, подсунули с нечищенной пряжкой. И солдат ходил по подразделению, требовал у каждого показать ремень.

«Этот солдат подошел к сидящим в ленинском отделении, а потом ко мне. И потребовал мой ремень. Я спросил: «Зачем?», на что он выругался матом, и я вынужден был отдать ему свой ремень».

Однако Утепешов навыков армейской жизни еще не освоил. И, не зная, что пряжку ремня нельзя чистить наждачной бумагой, поцарапал ее, испортил. Так что забрать ремень молодого солдата вместо потерянного Евлова не смог. Но, поскольку сидел перед ним «молодой», решил исправить положение за его счет и попросил «почистить ему бляху». Но Утепешов отказался сделать это.

«Тогда он отдал мне мой ремень, и я надел его. А солдат своим ремнем, ко-

**«Евлов
Щина» как
победить
зло**

«сегов- щина» как победить зло

который был намотан у него на правую руку, ударил меня по голове.

Я спросил его: «Зачем ты меня бьешь?» Он ответил: «Ты что, сильно блатной? Всех бьют, а тебя нельзя? И ударил второй раз, а потом третий...»

После третьего удара у меня сильно заболела голова. И когда сидящий рядом солдат сказал ему: «Ты что делаешь? Прекрати!», я вскочил и выбежал из ленинской комнаты в коридор...»

Впрочем, «вскочил... выбежал...» — явное преувеличение. Спуститься по лестнице к медпункту один Эдуард уже не смог. А ответственный офицер, узнав о случившемся, легко нашел, откуда вышел пострадавший по следам крови на полу.

Солдата отвели в больницу: операция, капельницы, бесконечные осмотры и новые страдания. Трепанация черепа, неутешительные выводы врачей и возможная инвалидность. Медицина достигла многого, рядовой Утепешов остался жив. Но, к сожалению, она не всеильна — последствия таких травм сказываются на протяжении всей жизни.

А ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ продолжало жить своей обычной жизнью. Правда, понизили в звании, сняли с должности Григория Чернева. Того самого, который сидел в ленинской комнате вместе с подчиненными и лишь после третьего удара «посоветовал» Евлоеву: «Хватит, а то посадят».

Даже приезд родителей Утепешова и трудный, горький разговор с ними на общем собрании подразделения мало что изменили. Буквально через неделю снова начались в роте неуставные.

И во многом прав Евлоев, давая следователю такие показания:

«Я виноват и полностью признаю свою вину. Но как измерить вину тех, кто был рядом и не остановил меня, не пошевелил даже пальцем, чтобы не случилась эта трагедия. Равнодушие тех, кто был в ленинской комнате, и трусливое созерцание творящегося отступления от норм устава страшнее любого преступления».

Впрочем, во время заседания военного трибунала каждый из сидевших в тот день в ленинской комнате, ознакомившись с ответственностью за дачу ложных показаний, уверял, что именно он требовал прекратить избиение и именно ему принадлежит фраза, первым словом в которой было «перестань».

Но это — во время заседания трибунала. А в тот день, когда Утепешов уже лежал в госпитале, кто-то из молчаливых сослу-

живцев, прижавшись к дверному косяку, горячо шептал: «Если ты мужик, никому ничего не говори».

Странно меняется на наших глазах понятие нравственности. Искренне пытался оправдать своих подчиненных лейтенант С. Левкин, бывший в тот день ответственным офицером: «Возможно, они не доложили о происшедшем, потому что не поняли, что свершилось преступление...» Что же случилось с нами, если для того, чтобы понять, что избиение человека — преступление, нам нужна официальная санкция на возбуждение уголовного дела? Если дружба понимается не как помощь человеку, а как умолчание правды? Куда уж тут до древнего философа, сказавшего: «Платон мне друг, но истина дороже!»

Суд закончился. Евлоев приговорен к лишению свободы сроком на 4 года, с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима. Утепешов же вскоре вернется в больницу. Ему предстоит еще операция и длительное лечение. А в подразделении продолжается обычная повседневная жизнь — кто-то готовится к увольнению в запас, кто-то заступает на боевую службу. Трагедия этих двоих не оставила никакого следа в жизни сослуживцев, и нет никакой гарантии в том, что она не повторится. Потому что остались все предпосылки, приведшие к ней: ложное понимание дружбы, полнейшее равнодушие к чужой судьбе, наконец, разрушение нравственной основы личности, позволяющее поставить себя выше других...

Вот что самое страшное в этой истории: подмена морали, нравственности страхом перед законом. Да, законы выполнять необходимо. Но не надо путать причину и следствие. Ведь не мораль возникает вследствие принятия закона, а закон принимается, исходя из требований морали! Не случайно говорим мы, что самый беспощадный суд — суд собственной совести. Если он отсутствует, то никакие заседания военного трибунала не спасут нас.

Неуставные взаимоотношения начинаются не в армии. Трудно за два года перевоспитать человека. И все же без этого перевоспитания, без этой борьбы с неуставными нам не обойтись. Потому что всякая армия сильна единством, сплоченностью и дисциплиной.

Наша задача — не ждать, покада исправившееся общество выдаст нам идеальный личный состав, а работать с тем, что есть. Потому что через два года армии сегодняшние мальчишки вернутся в это самое общество. Через несколько лет будут по своему образу и подобию воспитывать детей, которые через 20 лет снова придут к нам. И вот тогда уже конкретно начнут сказываться результаты наших сегодняшних усилий. Не скоро! Да, пожалуй. Но если мы не начнем сегодня, то и через двадцать лет ничего не изменится.

Прапорщик Евг. БУТОРИНА.

УВВ по Западной Сибири.

«БУФЕРНАЯ РЕСПУБЛИКА»

ИЛИ КАКОВА ЦЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?

Трудно сказать, хорошо это или плохо, но мы уже привыкли к мысли: там, где большая беда — там и внутренние войска. А как же иначе, ведь людям нужна помощь! Но ведь и «красовые береты» — не боги, а простые смертные. И о них тоже следует заботиться. Особенно тем, чьим решением введены в НКАО войска.

***

Спецназ уже сомневается, что он — спецназ. Сначала офицерам и солдатам внушили, что главное — быстрота, натиск, решительность, смелость. И быть нужно на острие удара, чтобы одним броском достичь заветного рубежа. И вот они на острие, но нет ни ударов, ни бросков, да и рубежей не видно. Быют в основном их. Быют, пока они возят дрова старушкам и проводят отары овец через перевалы.

***

Обе стороны упрекают солдат в нерешительности. Азербайджанцы доказывают, что внутренние войска подыгрывают армянам, армяне же убеждены в обратном. На самом деле войска всегда на стороне слабого. Задача проста: не допустить кровопролития. Пусть даже ценою собственной крови.

ВРЕМЯ ЗДЕСЬ, в особом районе, исчисляется не месяцами и неделями — счет идет на дни, и иные мерки не признаются. Были долгие разговоры и короткие встречи с многими офицерами — от лейтенанта до полковника, — и мало кто из них на традиционный вопрос: «Давно ли вы в Степанакерте?» ответил: месяц, три, полгода, год... Называют дату приезда или, что гораздо чаще, точную цифру: 85, 112, 176 суток... Неловко пошутил как-то, подчеркивая эту вполне объяснимую закономерность: осталось, мол, пресловутыми «дембельскими календариками» обзавестись, дабы аккуратно прокалывать день минувший перед сном. И сразу понял, что сморозил глупость: разговор расклевался.

Позднее на себе ощутил, что каждый день — словно забег на короткую, длинную ли дистанции. Причем бег этот — с барьерами, и, увы, иной раз не всякому удается благополучно дотянуть до финиша. Войска несут потери, что ни для кого уже не секрет.

Избита, банальна фраза — «время такое». Но иначе и не скажешь: что поделаешь, такое уж оно — время Степанакерта, где даже такси с табличками «оперативная» на лобовом стекле — на службе у войск, а стало быть, машины военные.

Неуютно. На улицах вроде бы все свои, соотечественники, а взгляды порой ловишь на себе чужие, колючие, недобрые. Да и не только взгляды, очень даже просто нарваться на обидное, грубое слово, — в воздухе постоянно пахнет грозой. Как-то пристал ко мне один рыжий армянин. Раздирала, видите ли, его душу одна очевидная «несправедливость»: почему это задержанных возмутителей спокойствия, а попросту говоря «боевиков», увозят в следственный изолятор Шуши. И так ему обидно было: «Ездите тут (брань), а свою тюрьму в Степанакерте построить не можете (брань), зачем тогда ездите?» То, что в городе полно беженцев, которым негде жить и нечего за-

АДРЕС КОМАНДИРОВКИ: СТЕПАНАКЕРТ

частую есть, его совершенно не беспокоило, а вот отсутствие собственной каталажки угнетало, подпитывало неоправданную неприязнь к военным. Можно себе представить, как страсти порой накаляются, если уж из такой мухи делают слона. Права мудрость: нет попутного ветра для того, кто не знает, в какую гавань он хочет приплыть.

Признаюсь, было почему-то неловко перед солдатами и офицерами, принявшими город под охрану. Оттого ли, что уже десятки раз презревавшие из больших городов «для оказания практической помощи» касались тех же больших вопросов? Одни понимающие кивали, другие исписывали блокнотные листы с таким видом, будто теперь, после точки в конце последнего предложения, все изменится и по возвращении они костыми лягут, но проблемы решат. Впрочем, никто из «гостей» не разводил руками в бессилии — несолидно для проверяющего, — все внимательно выслушивали и обещали помочь. Только время шло, от слов остался осадок, а проблемы обострились.

Может быть, поэтому и краснел я под взглядами этих крепких парней в камуфлированном хэбэ, не верящих ни в пустые посулы, ни в горячие заверения, ни в черта, ни в дьявола?

А может быть, потому, что понимал: в их глазах выгляжу очередным заезжим искателем «жареного» и «соленого». Впрочем, нет, скорее всего потому, что я уезжал. Не сразу, не сию минуту, пусть через пять, десять дней, но непременно уезжал домой. А они оставались. И оттого вдвойне хотелось хоть чем-нибудь, самой малостью быть полезным им, живущим долгими месяцами в полужоночной обстановке. Почему «полу»? Потому что стреляют подчас не меньше. А противника нет.

«В Лисагоре на колонну вновь обрушился град камней, полетели бутылки с горючей смесью.

В ответ солдаты открыли предупредительный огонь...»

«Примерно в 20.45 на трассе

Горис — Степанакерт... совершено

нападение на колонну из 13

автомашин... При отражении

нападения пострадали также трое военнослужащих, сопровождавших колонну.»

*Из сообщений в газете
«Советский Карабах».*

ЧЕМ ТОЛЬКО могут помочь внутренние войска местному населению, оказавшемуся по чьей-то злой воле в эпицентре межнациональной вражды, тем и помогают. Прикрывают собой армян от пуль, ножей и камней азербайджанцев, заслоняют своими телами азербайджанцев от пуль, ножей и камней армян. Жизнь рискуют ежедневно ради незнакомых людей, попавших в беду.

А чем помогают им, внутренним войскам?

Да, на газетных страницах время от времени появляются одические восхваления их мужества и бесстрашия, стойкости и самопожертвования. И это, возможно, приятно тешит чье-то самолюбие, не более того. Президиумы, комитеты, коллеги, советы и бюро предпринимают меры, чтобы распутать туго затянувшийся узел межнациональных противоречий в НКАО. А вот заботы о тех, кто не только активными действиями — даже присутствием своим сдерживает кровопролитие, можно было бы — и нужно! — проявить куда больше. И в центре — Министерство внутренних дел и Главное управление внутренних войск, и на месте — комендант особого района и начальник политотдела комендатуры — делают все, что в их компетенции. Да, увы, не все зависит от их усилий. А вопрос этот, убежден, разрешить гораздо проще и быстрее, чем межнациональный.

«Именно благодаря присутствию внутренних войск мы можем спокойно жить и спать, не беспокоясь о судьбе детей.»

«Мы с уважением относимся к нашим солдатам, ценим их опасную и необходимую для нас службу.»

*Из подборки откликов в газете
«Советский Карабах».*

Под этими газетными строчками — десятки, сотни подписей. Но, повторюсь, уважения и признательности мало. Из них дом не построишь и кашу не сварить, а нередко именно этого — хлеба насущного — не хватает внутренним войскам.

Условия, в которых находятся «красные береты» подполковника Н. Гнеся, назвать сносными и терпимыми можно с очень большой натяжкой. Поначалу разместились в здании школы. Только немного благоустроились, как местные власти — на носу был новый учебный год — отказали в гостеприимстве. Ничего не попишешь, причина уважительная, хотя в целом руководство области и города вниманием войска не жалует. Командир батальона майор И. Екименко и по сей час только диву дается на «местные нравы». К примеру, нашли на свалке старые, гнутые ржавые трубы — сварили спортснаряды. И тут выяснилось, что трубы эти бесхозные, оказывается, не валялись — лежали. И милицейские чиновники заставили комбата дать расписку, что, уходя, он «возвернет» трубы, как писал один из героев Бабеля, «в первобытное состояние». Всего лишь одна деталь, один камень, брошенный в воду, а сколько кругов разошлось?

Итак, выселившись из школы, разбили палаточный лагерь на окраине города вблизи юркой речушки, воду из которой, даже

трижды кипяченую, может испить разве только самоубийца, Палатка есть палатка, укрыться от дождя, и солнца в ней можно, а зимовать трудно, ведь с дровами столь же сложно, как и с рисом, макаронами, гречкой в солдатском рационе.

Но выход был — железнодорожные вагоны. Его-то и предложило командование части в качестве альтернативного бездомному скитанию: полтора десятка плацкартных вагонов и пару-тройку купейных из тех, что без счета простаивают на тысячах железнодорожных станций страны. И ржавеют, ржавеют...

Куда только не обращались с просьбой оказать содействие, вплоть до Министерства путей сообщения. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Нет, никто не отказывал, напротив, вариант сразу сочли вполне приемлемым, ответили обнадеживающе: будем искать. И ищут, ищут... «Искатели», бесспорно, живут в прекрасно отапливаемых, комфортабельных многоквартирных квартирах. Живут неплохо и не торопятся, ибо не ведают и ведасть не хотят, что значит отстоять (не просто отстоять, а выполнить боевую задачу и постараться уцелеть) 12 часов на контрольно-пропускном пункте, не прячась от пронизывающего ветра, с мрачной перспективой вернуться в плохо отапливаемую брезентовую палатку.

ЕСЛИ УЖ ЗАШЛА речь о квартирах, нелишне напомнить: восемьдесят процентов офицеров части их не имеют. Стоит ли удивляться при всеобщей черствости к ближним, что сложные семейно-бытовые условия офицеров, оказавшихся в горячей точке отнюдь не по собственному желанию, их душевное состояние мало беспокоит городские власти пункта постоянной дислокации части. Иногда вообще складывается впечатление, что наш кадровый офицерский корпус, как и церковь, отделен от государства. И забыт. Есть, дескать, у вас командование, рассуждают те, кто распоряжается распределением жилья, пусть думает. И негоже, мол, в условиях жесткого хозрасчета и самофинансирования пускать дефицитные квартиры на ветер (читайте: давать офицерам), предоставлять их в распоряжение тех, от кого нет никакого дохода.

А стоит ли все без разбору мерить на деньги? Эдак мы завтра, перенеся ставший притчей во языцех хозрасчет на взаимоотношения людей, навесим яркие и броские ценники на дружбу, честность, веру... Интересно, почему на этом сверхциничном рынке были бы совесть, достоинство, принципиальность? И сколько стоят кровь, пот и нервы бездомных офицеров? А может, и им перейти на самокоупаемость: хотите привлечь войска для обеспечения общественной безопасности на улицах города, товарищ председатель горисполкома, давайте жилье!

Можно представить, какой дискомфорт царит в душах офицерской молодежи. Их жены и дети, снимающие, понятно, за деньги жалкие углы и летние кухоньки или «го-

стящие» месяцами у родственников по всему Союзу, не только лишены мужей и отцов, но и семейного очага тоже, огонь которого, как известно, свят.

Не все выдерживают. Сильные лишь зубами поскрипывают — пусть на душе кошки скребут, но на деле это не отражается; горячие — под ехидные насмешки разувевшихся пишут письма (не жалобы, а письма!) в высокие инстанции; слабые... Долго думал, говорить об этом или нет? И решил: надо. Не только истины ради и для воссоздания более полной картины «южной» жизни, но чтобы подчеркнуть лишней раз — службой «правят» не боги и не герои — люди. Слабых — единицы, и они уходят, увольняются из войска. И, конечно же, не по собственному желанию — по несоответствию должности.

Лейтенант Владимир Сушилини, и месяца не пробыв в Степанакерте, заявил: «Извините, товарищи, это все не по мне». Убеждали — бесполезно, уперся и ни в какую, написал рапорт.

И лейтенант Александр Марковский не потрудился даже мотивировать причину увольнения, просто сказал: не по силам, не смогу, трудно. Конечно, Степанакерт не причина, а лишь повод для людей случайных совершить «побег» из войска.

Дурной пример, говорят, заразителен. В очередь на увольнение встал лейтенант Олег Ильашенко. Переломить его позицию пока не удается. И ведь это явление, как показывает бесстрастная статистика, словно снежный ком с горы — все разрастается и разрастается.

К сожалению, уходят не только слабые, а это уже тревожный симптом. Политработники старший лейтенант Игорь Глебов и лейтенант Юрий Мельник — люди не робкого десятка, компетентные, волевые, понимающие важность выполняемых в Степанакерте задач. Их лично никакими трудностями не испугаешь, но семьи... Альтернативы не было, и десятидневный отпуск (здесь его называют каникулами) проблемы не решал. Хворым родным не объяснишь, что не время сейчас болеть, подождать следует, пока не утихнут межнациональные распри. Хвори — они нежданно-негаданно жалуют, не отмахнешься.

Труден и мучителен был выбор — семья или войска, но в конце концов с военной формой пришлось расстаться. Хотя не исключая, в более спокойной, мирной обстановке можно было пойти другим путем, допустим, сменить место службы таким образом, чтобы и офицеров, и семьи сохранить.

Обидно и другое: объективные причины увольнения налицо, а и тоскующий по большим деньгам кооператоров Владимир Сушилини, и прятывшийся перед отправкой на «юг» Александр Марковский, и старательный трудяга Игорь Глебов уволены по одной статье — служебное несоответствие. А ведь согласитесь, трусость и мотивированная нужда (необходимость — жестокая необходимость) — вещи несопоставимые, мы же сгребаем все в одну кучу, от которой, прощу прощения, дурно пахнет. Не пора ли на-

полнить наши войсковые законы и положить истинным духом человечности? Не следует видеть в каждом из тех, кто вольно или невольно прощается со службой, потенциального негодяя и вредителя. Не всегда же «кто не с нами, тот против нас». Всякое бывает, случается, и те, кто не с нами, — за нас.

«Мы понимаем, сколь тяжела ваша служба, и выражаем признательность всем, кто честно исполняет свой долг...»

Из Обращения съезда полномочных представителей населения Нагорного Карабаха к коменданту особого района, к офицерам и солдатам.

КАК ЗАМЕТИЛ один из командиров взводов, за признательность и понимание большое спасибо. Еще бы стакан чистой воды — напиться, да полкувшина — умыться.

Его поймет любой, побывавший в Степанакерте не проездом. Но только ли воды не хватает? Предвижу возражение — а кому здесь легко? И не принимаю его. Добровольцев тут нет, но есть солдаты, присягнувшие на верность Отечеству и выполняющие свой долг. Правительство, создав эту поистине «буферную республику», повторяюсь, должно было позаботиться о том, чтобы люди, на плечи которых легла двойная служебная и моральная нагрузка, не чувствовали себя изгоями. Ни в чем, начиная с обеспеченности специальными средствами и кончая, простите за прозу, содержанием своих портмоне.

Что касается обеспеченности, скажу коротко: первые полгода только каждый четвертый «краповый берет» подполковника Н. Гнеся имел бронжилет. На время нашей встречи — каждый второй. Что это означает на практике? То, что самому Николаю Ильичу и всем его офицерам бронжилеты «не положены». Не может же взводный экипироваться от макушки до подошв, оставив своего солдата «голым» перед пулями и ножами? А тактика экстремистов стара как мир: в первую голову выводить из строя командиров, дабы лишать подразделение организующего ядра. Учитывая, что при высокой подготовленности «краповые береты» это не так-то просто сделать, «боевикам» невольно помогают те, кто не в силах обеспечить личный состав всем необходимым для сохранения жизни (в прямом понимании).

«15 военным внутренних войск с трудом удается охранять село...»

Из письма жителей села Казанчи.

«Участились факты неподчинения граждан войсковым и милицейским

нарядам... Имели место неоднократные нападения на военнослужащих.»

Продолжаются нападения на автоколонны, обстрелы контрольно-пропускных пунктов.»

Из Обращения к населению Нагорного Карабаха.

ТЕПЕРЬ О ТОМ, о чем мы говорить, следуя ложной скромности, стесняемся — о деньгах. Их у будто бы обеспеченных (когда это было-то?) офицеров негусто: комбат за свой труд имеет, считайте, полтора рубля, а взводный и того меньше. И не надо тут же поспешно плюсовать к этой невеликой сумме деньги за воинское звание, не надо путать грешное с праведным — это, на мой взгляд, ежемесячный вексель, своеобразный счет за ежесекундную готовность и обязанность первым преградить путь преступнику, доплата за жизнь по распорядку дня, в котором, однако, сон, еда и личное время — далеко не обязательные атрибуты. Наконец, аванс за возможность, что называется, подставиться в полный рост и пуле-дуре и штыку-молодцу. Так что о «звездных» деньгах не будем. Оклад же по должности унизительно мал. Правда, подобные финансово-социальные перекосы не редкость в нашем отечестве: девушка, пересев со школьной парты в кабину вагоновожатого, имеет примерно столько же, сколько человек военный — летчик-испытатель с высшим образованием, например.

В условиях, приближенных (а они действительно предельно приближены) к боевым, денежных средств офицерам хронически не хватает. Судите сами, часть денег идет на оплату снятой семьей внаем квартиры, часть — на питание себе и родным (врозь — всегда дороже). Немалая толка — на дорогу домой через каждые 90 суток (к слову сказать, десять дней с дорогой в условиях полублокадного положения Степанакерта — не отдых, а сплошные вокзалы и аэропорты, где при наличии билетов нет рейсов, а при наличии рейсов — пусто в кассах). Ведь оплачивается только проезд к месту постоянного жительства и обратно, семья же у многих разбросана по всему Союзу. Есть и другие расходы, сумма которых рождает закономерный вопрос: что остается у лейтенанта?

Только долги. А если учесть, что деньги он получает в среднем за 16—18 часов «работы» в «южных» широтах, резонен и другой вопрос офицеров: можно ли этот явный нонсенс если не считать, то хотя бы называть оплатой по труду в соответствии с нормами социальной справедливости? Держа в памяти высокую степень риска и ничтожную, близкую к нулю — комфорта, а также полное отсутствие выходных и праздничных (лучше бы их вовсе не было, по здешним меркам) дней?

«У военнослужащих нет иной задачи, кроме обеспечения мира и порядка в регионе, недопущения гибели женщин, стариков, детей. Выполнять эту ответственную миссию приходится в тяжелых условиях. Многие офицеры уже более года живут в отрыве от семей, солдаты не получают увольнений... Не снимая бронежилетов и касок, нередко ночью непосредственно в боевых машинах, девятнадцатилетние юноши и их командиры честно выполняют важное правительственное задание...»

Из Обращения к населению Нагорного Карабаха.

Да, уже практически «выбиты» полуторные оклады и льготное исчисление службы (день за полтора) для войск, выполняющих служебно-боевые задачи в отрыве от мест дислокации (выходит, тех, кто волею служебной необходимости «прописался» в Степанакерте — личного состава подполковника Н. Криштопа, это не касается? Или их жизнь намного краше?).

Только тут же подумалось: а почему оклады, льготы именно полуторные? Разве в НКАО или Фергане легче, чем на той же Камчатке, где оклады и выслуга лет — двойные? Минус питание и жилье, отрыв от семей, плюс стрельба, отнюдь не беспорядочная, — сколько получается? Половинки не хватило?

Прорехи в бюджете? Это серьезно, но вряд ли разумно экономить на стабилизации неспокойной внутренней обстановки, брожение которой обходится в сотни миллионов рублей ежедневно.

И это еще не все. Трудоустройство жен — вечная забота людей военных, проблема проблем. За их вынужденную безработицу тоже не грех приплачивать главам семей. Да кому это докажешь? Кому объяснишь, что испытывает офицер, дни и ночи охраняющий покой жителей Степанакерта, когда узнает из писем жены, что им в Ереване, откуда прибыла часть, жизни нет. Детей бьют их сверстники другой национальности. А спроси: за что? Не ответят ни те, ни другие: малы еще, однако не слепы. Есть и случаи погромов квартир военнослужащих, даже днем страшно выйти на улицу. Представляете, каково это читать отцу, службу организующему и несущему?

«Мы просим вас расширить полномочия военнослужащих на территории... НКАО».

Из телеграммы медработников Мардакертского района.

РАСШИРИТЬ полномочия, предоставить права... Сколько раз меня загоняли в угол вопросом: «Почему на пули, летящие определенно в нас, мы отвечаем предупредительным выстрелом в воздух? И на град камней, каждый из которых может стать последним для молодого парня — «звена» войсковой цепочки? И на ножи, которые метают в часовых?» Попробуйте ответить сами.

О чем предупреждает выстрел в воздух? Ответ прост: о возможности применения оружия на поражение. Но те, кто ни в грош не ставят жизни солдатские, уже прекрасно уяснили: по ним стрелять не станут, не решатся. И общественного мнения убоются (а оно порой непредсказуемо), и зыбкости, неустойчивости правового, государственного положения внутренних войск в целом. Парадокс: войска стоят на защите прав и достоинства людей, а сами по сути дела бесправны, унижаемы и не менее своих подзащитных нуждаются в твердой почве под ногами.

На стороне экстремистов и хулиганствующих молодчиков — внезапность и наглая уверенность в том, что их жизни и здоровью ничто не угрожает. На стороне офицеров и солдат — необходимость находиться между двух жарких огней на позиции «буферной республики» и возможность заработать пулю и соответственно медаль «За отличную службу по охране общественного порядка».

Внешне военнослужащие выглядят относительно грозно, вполне по-боевому, на самом деле у них на вооружении лишь расхожие формулировки из Устава гарнизонной и караульной служб, едва ли пригодные к конкретным ситуациям в НКАО, да памятка о порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР» от 23 ноября 1988 года.

Говорят, ее составил какой-то лектор из Хабаровской школы милиции. Может быть, во всяком случае автор, кем бы он ни был, абсолютно не представляет себе специфики деятельности войск в обстановке, подобной степанакертской. Что может противопоставить, мягко говоря, правонарушению наш военнослужащий? Памятка, которой надлежит руководствоваться всем командирам, недвусмысленно рекомендует: составить протокол, взять объяснительную записку у «лица, привлекаемого к административной ответственности», собрать показания у потерпевшего и свидетелей, пригласить эксперта и дождаться, пока он составит заключение, оформить протокол об изъятии вещей и документов... Перечень «прав» и «ответных мер» неполон, да и нет необходимости его продолжать. Достаточно уточнить, что весьма распространенными видами правонарушений являются огонь из различного оружия и метание гранат, как станет понятно, насколько нелеп среди ружейно-пистолетных выстрелов офицер с его тщетными попытками собрать объяснительные записки.

Указом, а следовательно, и памяткой предусмотрены категории лиц, которых по соображениям высшей гуманности и задерживать то нельзя. К примеру, женщины, имеющих детей до 12 лет. Нет сомнения, пока вы выясняете возраст ее детей, иная подогретая наркотиками и националистическими страстями особа разобьет о вашу беспокойную соблюдение формальностей процедуры задержания голову кирпич. И, согласно памятке, после удара вы вправе составить протокол. Все это было бы смешно, если б не было так печально.

«В этот трудный час войска, находящиеся на территории области, нам необходимы как никогда».

Из письма труженников колхоза им. Нельсона Степаняна Аскеранского района.

«Вывод войск фактически означал бы начало в буквальном смысле гражданской войны».

Из Обращения участников пленума Нагорно-Карабахского облсовпрофа.

«До нормализации общественно-политической ситуации, в целях защиты и гарантии безопасности населения сохранить в Нагорно-Карабахской автономной области соответствующий контингент внутренних войск МВД СССР...»

Из постановления Верховного Совета СССР «О мерах

по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области».

Извечно русский вопрос: что делать? Войскам ясно — службу нести. Ясно ли остальным, что если время особое в этом особом районе, то, соответственно, отношение к людям в военной форме тоже должно быть особым.

**Майор А. УШАР, наш спецкор.
Коллаж А. АЛЕКСАНДРОВА.**

уберите дамоклов меч

За каждое нарушение должны отвечать конкретный виновник и лица, которые были обязаны (и имели возможность) устранить его причины. А как происходит в жизни!

КОГДА речь заходит о неуставных взаимоотношениях, меня как политработника больше всего тревожит их зримо проявляющаяся национальная окраска. Если еще три-четыре года назад мы внимательно наблюдали за группировками по срокам службы, чтобы старший призыв не навязывал своей воли младшему, то сейчас обстановка заметно изменилась. Стало не так важно, сколько прослужил. Гораздо значимей, сколько у тебя земляков. Если много — есть кому заступиться, — можешь часть своих обязанностей переложить на плечи сослуживцев. Мало — закатывая рукава и сам потей за других. Такова сегодня «неуставная политика».

Как-то в одной из рот довелось наблюдать и такую картину. Несколько солдат, устроившись на перекур, о чем-то оживленно разговаривали. Рядовой Рахимов остался рядом с ними, дождался паузы и с почтением протянул пачку сигарет рядовому Султанову: «Возьмите, пожалуйста, Султан-ака». Тот взял, даже не посмотрев в его сторону, только кивнул в знак одобрения.

Откуда такое подобострастие у одного и высокомерие у другого? Оба земляки, прослужили по полтора года... Беседую с Султановым, тот юлит: мол, уважают сослуживцы, отсюда и приставка «ака», и желание удружить. Рахимов истолковал свое поведение по-другому: «Все боятся Султанова, и я тоже». Почему? «Здесь-то что, — объяснял солдат, — по крайней мере, командиры за меня постоят. А дома?

Вы знаете, какие у него могущественные родственники? Напишет, и моим родителям житья не будет. Я этого не хочу. Уж лучше прислуживать, чем это».

Ничего не оставалось нам с командиром батальона, как обратиться выше, чтобы перевели Султанова в другое подразделение. Не лучший это выход, но...

В НЕПРОСТЫЕ ситуации жизнь часто ставит офицеров, особенно молодых. Многие ли готовы, к примеру, проводить воспитательную работу с подчиненными, учитывая их национальные особенности? Мы ведь к чему привыкали: к нам призываются молодые люди — кровь от крови, плоть от плоти братских советских народов. Но события в Алма-Ате, Ереване, Тбилиси, наконец, в Фергане и Сухуми заставляют взглянуть в каждого юношу пристальней и задуматься глубже: как он поведет себя в новых условиях?

Работать в такой обстановке трудно. В военных училищах этому не учили, а методические пособия, если они и есть в войсках, то до нас, по крайней мере, еще не дошли. Остается уповать на житейский опыт старших командиров и личный.

Впрочем, обладая хоть каким опытом, хоть наизусть выучи методику поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений, но как, к примеру, равномерно распределить военнослужащих разных национальностей по подразделениям, если по призыву в батальон приходит до 80 процентов солдат из Средней Азии (причем больше половины — узбеки) или Закавказья? Поверьте, при таких перекосах совсем не просто создавать здоровый психологический климат в подразделениях.

«гедгов-
щина» как
победить
зло

«беседов- щина» как победить зло

С ПЕРВЫХ дней было видно, что рядовой Владимир Третьяков тяготеет к службе. Дважды он самовольно оставлял часть. Причем, когда вторично вели розыск, о случившемся сообщили в военкомат и по месту жительства. Спустя некоторое время в роту приехала мать солдата. Вместе с ответственным секретарем парткомиссии при политотделе майором К. Муссалимовым мы принимали участие во встрече, которая проходила в подразделении. Перед тем мать нашего нерадивого солдата посмотрела, где живет сын, чем питается, как трудится (рядового Третьякова после его проступков, никто, разумеется, на боевую службу не назначал; его использовали лишь на работах да в суточном наряде). Служивцы не скрывали, что уважать Владимира им не за что.

Вроде бы проняло. Рядовой Третьяков стал виниться перед товарищами, просил командира положиться на его слово. Мать со слезами на глазах договаривала всех простить Владимира, доверить ему оружие, помочь исправиться.

Что ж, пошли навстречу обещаниям, заветам. Стал Третьяков заступать в караулы, и претензий к нему не было. Когда меня, спустя месяц с небольшим, назначили заместителем командира по политчасти именно в этот батальон, и сам смог убедиться, что солдат приободрился, повеселел, что ли. Я с ним беседовал несколько раз и в роте, и в карауле: все нормально, всем доволен, намерен и дальше не подводить себя и мать. И ведь не у одного меня были такие наблюдения. В начале февраля зашел разговор с секретарем парторганизации роты, коснулись поощрений личного состава. В числе первых кандидатов тот назвал и Третьякова. А буквально на следующий день он, вооруженный, уходит с поста...

Тяжело рассказывать, что случилось потом. Разве могли мы с майором Муссалимовым тогда, на встрече с матерью солдата, предположить, как трагически вновь всех сведет нас судьба. Как бы то ни было, при задержании рядового Третьякова, пытавшегося покончить с собой, Муссалимов погиб от его руки.

После роковых событий практически никого не обошел приказ о наказании виновных. Одних — за промахи в организации и контроле службы, других — за ошибки в политико-воспитательной работе. Но почему в этот круг не попали те, кто признал Третьякова годным к службе, кто в военкомате направлял его в войска, ежедневно выполняющие задачи с оружием?

У НАСИХ НЕ единицы — военнослужащих с отклонением психики, ослабленным здоровьем. Хорошо, если удастся выявить такого в самом начале его службы. А если нет? Тогда в подразделение стучится беда, наподобие той, о которой только что рассказал, или той, что принес рядовой А. Демисенов.

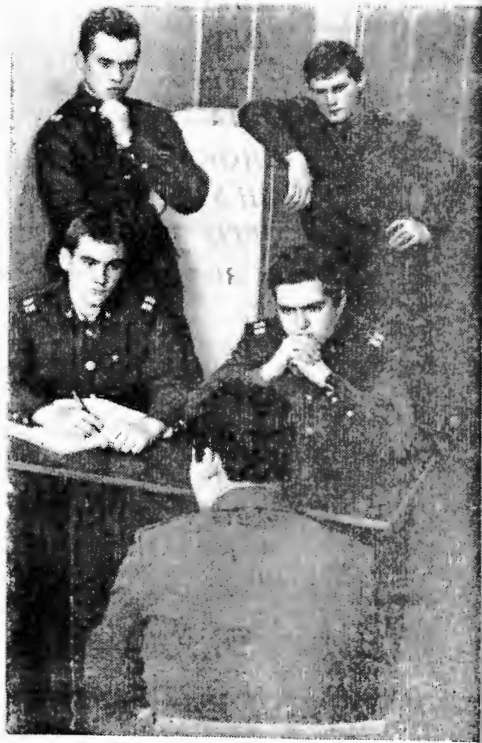
Этот новобранец, как мы знали, воспитанник детдома. Женат. Перед уходом его на службу семья вторично стала ждать прибавления. Комсомольская организация приняла решение оказать материальную помощь жене солдата, оставшейся с матерью в довольно тяжелых условиях. Офицеры приняли в добром начинании самое активное участие — собрали 80 рублей. А как же Демисенов отблагодарил коллектив? Он выпустил из-под охраны осужденного за обещанные полсотни.

Опять всех наказали, кроме... самого виновника, болевшего в детстве менингитом.

Вот и думаешь порой: солдата комиссуют, а его преступление так и будет висеть на части.

Не подумайте, что ратую за всепрощенчество. Я за то, чтобы люди чувствовали в наказании в первую очередь справедливость, а не его неотвратимость.

Капитан В. ТЮМЕНЦЕВ,
заместитель командира батальона
по политчасти.

Мужской разговор.

Фото Г. Протасова.

знакоьтесь: АТЛЕТИЗМ

*МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
ДОНЕСЛИ ДО НАШИХ ДНЕЙ
ЛЕГЕНДУ О ЮНОШЕ МИЛОНЕ
ИЗ ГОРОДА КРОТОН. БУДУЧИ
ОТ РОЖДЕНИЯ СЛАБЫМ
И БОЛЕЗНЕННЫМ, ОН ДАЛ
СЛОВО ЕЖЕДНЕВНО
ПРОХОДИТЬ ВДОЛЬ
ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ
С ТЕЛЕНКОМ НА СПИНЕ. ШЛО
ВРЕМЯ, ТЕЛЕНОК НАБИРАЛ
ВЕС, А МИЛОН УПОРНО
ВЗВАЛИВАЛ ЕГО НА СПИНУ
И НАЧИНАЛ СВОЙ ПУТЬ
ВДОЛЬ СТЕНЫ. ЧЕРЕЗ
НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТЕЛЕНОК
СТАЛ ОГРОМНЫМ БЫКОМ,
А ХИЛЫЙ ЮНОША —
МУЖЧИНОЙ БОГАТЫРСКОГО
СЛОЖЕНИЯ И НЕДЮЖИННОЙ
ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ.*

НЕМНОГО ИСТОРИИ

ЛЕГЕНДА... Но и она говорит о том, что с давних времен люди стремились к физическому совершенству, к силе мышц, а красивое пропорциональное телосложение почитали как талант. Вспомните статуи Геракла и Аполлона. Сколько в них изящества, красоты и мощи! Чтобы изваять столь гармоничные и совершенные фигуры, скульптор Эллады должен был иметь перед собой достойные образцы — живых атлетов. В Древней Греции, особенно в Спарте, физическому воспитанию придавали огромное значение. Недаром этот крохотный полуостров долгое время давал достойный отпор многомиллионным персидским завоевателям.

Естественно, возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы стать Аполлоном или Гераклом XX столетия? И вообще, возможно ли это? Ведь не всех природа одарила силой и красивым сложением. Вернемся к легенде. В ней, между прочим, довольно точно отражены основные принципы атлетических тренировок: настойчивость, постепенность, последовательность.

Именно атлетизм вооружит вас знаниями, которые помогут достичь гармоничного, красивого телосложения и значительной физической силы. Но, пожалуй, самое главное — тренировки, чтобы долгие годы

сохранять крепкое здоровье, бодрость и оптимизм. Атлетизм включает в себя не только силовые тренировки с различными отягощениями, это, можно сказать, стиль жизни, предполагающий рациональное питание и отказ от вредных привычек.

Итак, атлетизм. Немного из его истории. Испокон веков русский народ, закаленный суровым климатом и непрестанным трудом, любил в человеке силу и стать. Надо сказать, что православная церковь не всегда жаловала народные забавы, в число которых входил и самобытный спорт. Так, в специальной царской грамоте 1648 года предписывалось жестоко наказывать тех, кто от такого «богомерзкого дела не отстанет». Подобное отношение, характерное, кстати, и для других столетий, все же не смогло убить тягу народа к силе, здоровью, красоте.

XIX век принес с собой пробуждающийся интерес к спорту и физическому развитию. Мир словно почувствовал, говоря словами древнегреческого гимна, что «здоровье — благо высшее для смертных, второе — быть красивого сложенья». В 1885 году доктор В. Ф. Краевский открыл в Петербурге кружок любителей силы. Атлеты тех далеких лет решали не только спортивные, но и эстетические задачи.

В начале XX века в России издавалось множество атлетических журналов: «Геркулес», «Красота и сила», «Русский спорт» и другие. Внимание к красоте тела было огромным. Журнал «Геркулес», к примеру, постоянно публиковал статьи по эстетике печатал снимки античных скульптур и великолепно сложенных людей.

Годом рождения атлетизма как вида спорта принято считать 1946-й. Именно в это время канадец Бен Вейдер организовал международную федерацию бодибилдинга (ИФББ). «Бодибилдинг» — английский эквивалент слова «атлетизм», в переводе означает «строительство тела».

ТАК УЖ ПОЛУЧИЛОСЬ, что Россия, став прародительницей силовых видов спорта: тяжелой атлетики, гиревого спорта, атлетизма, упустила свой приоритет в отношении последнего. И лишь на рубеже 50—60 годов, во времена «оттепели», в нашей стране вновь возникает интерес к физическим занятиям, способным формировать красивое телосложение. Начинают появляться первые клубы атлетизма. Особенно бурный их рост отмечен в Прибалтике. В 1961 году были проведены первые соревнования. Правда, вскоре спортивное руководство запретило соревнования по атлетизму, ожидая угасания движения. Именно в те времена атлетизм объявили порождением чуждой идеологии — культуризмом. Между прочим, это второе название, взятое из французского языка, правда, теперь уже без негативного оттенка, тоже закрепилось за атлетизмом.

Несмотря на запреты, в Эстонии и Литве продолжали регулярно проходить соревнования по атлетизму. Усилиями Иннаро Мардо с 1971 года в Таллинне проводится мемориал Георга Тэнно — видного пропагандиста атлетизма. В 1978 году житель

Клайпеды Эдмундас Даубарас организовал турнир «Янтарный приз», Алексас Новиковас — турнир в Каунасе. Ленинградцы провели турнир «Белые ночи». Все эти соревнования стали традиционными и, фактически являясь неофициальными чемпионатами СССР, послужили основой признания атлетизма как вида спорта.

В 1987 году создана Всесоюзная федерация атлетизма СССР. Первым ее председателем был прославленный в прошлом тяжелоатлет, а ныне народный депутат писатель Юрий Петрович Власов.

Поистине триумфальным для отечественного бодибилдинга стал 1988 год, когда федерацией руководил доктор медицинских наук Василий Степанович Чайковский. В октябре именно этого года на Конгрессе ИФББ советская федерация атлетизма принята в ряды международной. СССР стал 134 членом ИФББ. В том же году советские спортсмены впервые участвовали в чемпионате мира по бодибилдингу в австралийском городе Брисбене. Лучший результат среди советских спортсменов показал минчанин Валерий Богданович. Именно с его системой тренировок мы познакомим наших читателей.

Сейчас в стране насчитывается свыше миллиона человек, активно занимающихся атлетической гимнастикой. Популярность атлетизма постоянно растет, расширяется календарь соревнований. В прошлом году проведено два матча СССР—США по атлетизму. Газета «Советский спорт» организовала крупный международный турнир «Мужчина и женщина-89». В нем приняли участие ведущие культуристы многих стран. Турнир стал генеральной репетицией чемпионата Европы-90, который будет проведен в СССР.

ВАЛЕРИЙ БОГДАНОВИЧ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ИЩЕЛИЛО «ЖЕЛЕЗО»

ВСЕГО ЛИШЬ несколько сотых балла не хватило минчанину Валерию Богдановичу, чтобы стать абсолютным победителем первого Кубка страны по атлетизму, проведенного летом 1987 года в Ленинграде. Он сильно переживал из-за низкой, по мнению многих, несправедливой оценки одного из судей, которая и решила исход соревнований. Но все-таки он попал в сборную команду страны, выступившую на 42-м чемпионате мира по атлетизму. И показал лучший среди наших спортсменов результат — девятое место в весовой категории до 80 кг. А я, помню, слушая его честолюбивые мечтания, удивлялся: так ли важна победа в соревнованиях, пусть даже столь престижных, если Валерий уже одержал победу? Над собой!

...Он вырос в семье, где спорт был в чести, занимался фигурным катанием, футболом, вольной борьбой, а нашел себя в атлетизме, в увлекательном занятии — быть скульптором своего тела. Родители, надо сказать, не одобряли нового увлечения сына. «Разве это спорт? — говорили они. — Займись лучше тяжелой атлетикой, у тебя есть данные». Но вскоре их отношение к атлетизму переменилось.

В результате несчастного случая Валерий получил тяжелую травму позвоночника — компрессионный перелом. Больничная койка, гипсовый корсет... Дни, недели, месяцы неподвижности. Врачи сделали все, что могли. А когда выписывали, предупредили: нужен покой, как можно меньше движений, в противном случае восстановление здоровья они не гарантировали. И прозрачно намекнули — возможны тяжелейшие последствия.

Не достигнув минимального уровня развития силы, трудно рассчитывать на успех в построении своего тела, в различных видах борьбы, с которыми читателям журнала предстоит еще знакомство в новом году. Это и понятно: разностороннее атлетическое развитие — неярменное условие и спутник техники исполнения приемов.

Первый месяц после выписки из больницы он ходил в корсете, который сковывал движения и постоянно напоминал о неполноценности, ущербности ранее тренированного, мускулистого тела. Валерий чувствовал, как день ото дня по капле уходит силы. И тогда он решил вернуться к занятиям с отягощениями. Сначала делал простейшие упражнения для рук и ног. Чуть позже включил в тренировки упражнения на перекладине и брусьях, затем разводки, жимы, тяги лежа на скамье. К примеру, тягу штанги к груди, чтобы не нагружать позвоночник, он выполнял лежа животом на скамейке. Вскоре многие упражнения мог выполнять уже сидя, а когда спина окрепла, стал нагружать и позвоночник. Сначала наклонны вперед, в стороны, прогибы назад. Все без отягощений, но с большим количеством повторений: более двухсот раз в каждую сторону. А некоторое время спустя Валерий выполнял их уже с отягощениями в руках. Вес их постепенно увеличивался.

С тех пор, как он получил травму, прошло 15 лет. Чувствует себя он хорошо, никаких болей в области позвоночника. В 1986 году ему сделали контрольный снимок — все нормально. Врачи даже удивились, что такая тяжелая травма осталась

практически без последствий. Валерия исцелило «железо». Сейчас он может сделать становую тягу с двухсоткилограммовой штангой. Про подтягивания я уже не говорю — его рекорд 50 раз. На собственном опыте убедившись в огромных возможностях атлетизма, он решил стать тренером.

Валерий отличается завидным упорством в достижении поставленной цели. У него два высших образования: окончил Белорусский политехнический институт, а затем и институт физкультуры. Последний с отличием. Он понимает, что чтобы стать хорошим специалистом, мало одного практического опыта, нужны глубокие знания по анатомии, биохимии, спортивной медицине...

Мне интересно было расспрашивать Валерия о его режиме дня, тренировках, диете, которую он сам, кстати, составляет. Поскольку атлетические тренировки направлены на создание мощных мышечных массивов с тонким слоем подкожного жира, диета в этом виде спорта приобретает очень важное значение. Атлеты высокого класса считают, что от правильного питания зависит 50 процентов успеха.

В РАЦИОНЕ Валерия шестьдесят процентов занимают углеводы, в основном сложные — крахмал, клетчатка...

Сахар сведен до минимума. Белки — двадцать пять процентов, как животные, так и растительные, чтобы обеспечить полный набор аминокислот. Жиры — пятнадцать процентов, третья часть из них животного происхождения, остальные — растительного. Количество белков он рассчитывает таким образом, чтобы приходилось 2 грамма на килограмм собственного веса. При необходимости добавляет в пищу различные белковые «ЭНПИты», которые выпускает наша промышленность. Такова диета при работе на мышечную массу. В короткий предсоревновательный период, когда совершенствуется рельеф, количество жиров еще более снижается, а белков увеличивается.

Тренируется Богданович на массу три раза в неделю, на рельеф — каждый день. Летом обязательно один-два раза в неделю бегают, и довольно-таки долго: 45—60 минут. Зимой ходит на лыжах. Любит велосипед, считает его лучшим тренажером для мышц ног. Категорический противник каких бы то ни было стимуляторов. Уверен: при правильно построенных тренировках и сбалансированном питании успех обязательно придет, а у новичков вообще мышцы очень чутко реагируют на любую нагрузку, нет нужды стимулировать их.

Когда я попросил его рассказать о тех упражнениях, с которых он начинал свои тренировки, он ответил, что в атлетизме очень важна система.

Система Валерия Богдановича, рассчитанная на тех, кто с нуля начинает атлетические тренировки, будет опубликована в следующих номерах журнала.

С. МАЗУРЕНКО,
корреспондент «Советского спорта»
для журнала «На боевом посту».

„МОСКОВСКАЯ КРАСАВИЦА„

«Уважаемая редакция! Мы с удовольствием читаем журнал «Советский воин». Там есть хорошая рубрика «Сверстница» — печатаются фотографии красивых девушек. А наш «На боевом посту» красивых девушек боится?..

Рядовые Карагодин, Шкода, Назарик
(всего 52 подписи)».

Что касается выбора телезрителями московской красавицы-89, то, хотя самую-самую определить, по известным причинам, просто невозможно, Лариса Литичевская, двадцатилетняя московская студентка, понравилась подавляющему большинству. Наверное, своею по-русски открытой, светлой красотой. Хороша и «Миссис Москва» — Елена Самонова — современна, интригующе загадочна.

Еще двух титулов — «Мисс Эффект» и «Мисс XXI век» — удостоена спонсорами манекенщица Елена Фивейскова. Не забыты и остальные финалистки — Юлия Лемигова, Ольга Егорова, Юлия Милых, Екатерина Сенаторская и Евгения Николаева.

Конечно же, споры о том, «надо ли награждать только за то, что они красивы», «ту ли выбрали», «так ли надо выбирать» и вообще «нужно ли все это» — не прекратятся.

Значительную часть пресс-конференции в концертном зале «Россия» накануне финала неожиданно заняла дискуссия, родившаяся, кажется, на пустом месте. Радио-журналистка спросила у организаторов: «Какими методами выявлялись интеллектуальные способности участниц?» Ведущий финальной программы Олег Марусев принял этот вопрос едва ли не как личную обиду — эмоционально и категорично убеждал присутствующих: «Не надо требовать от девушек особого ума. Красота — это уже талант! Давайте любоваться...» и т. п.

Но мы бы хотели, чтобы в наших красавицах было все прекрасно. Ведь, право же, не демонстраторов одежды мы выбирали.

Оторвавшись от телеэкранов, где только что блистали молодые москвички, мы дружно порадовались за них. Но и вспомнили, что рядом с нами — наши жены, матери, дочери — наши родные красавицы. Вспомнили, что завтра на службе рядом с нами будут трудиться женщины — мужественные и одновременно слабые, нуждающиеся в нашем внимании и помощи.

Уже во время работы над этими заметками мне случайно попало в руки письмо прапорщика В. Терентьевой: «Женщина на военной службе... Покрой нашей военной формы для женщины ни в какие рамки не укладывается. А качество ткани? Есть новая полевая форма. Хлопок. Свободный покрой. Но для женщин вариант не предусмотрен. Вот и мучаемся в летнюю жару, застегивая, как положено, под горло свои полушерстяные платья-панцири покроя, между прочим, 40-х годов. Об обуви вообще говорить не приходится. Смех один — не обувь».

Женщина, даже если у нее погоны на плечах, всегда хочет красивой быть. И это зависит от вас, товарищи мужчины».

Согласимся, что вариант, который для женщин «не предусмотрен», должен был быть предусмотрен для них в первую очередь. Уже только по той простой причине, что они — женщины.

И вообще, негоже нам забывать, что традиции преклонения перед женщиной издавна красили нашу армию, наших рыцарей. Неужто перевелись в наших полках славные кавалеры, истые гусары?

..Когда внимание телекамер и зала сосредоточилось в глубине сцены, где учился Пермского хореографического училища под аккомпанемент показательного оркестра Министерства обороны СССР филигранно отплясывали танец «Суворовцы», из задних рядов поднялся юноша в военной форме. С огромным букетом роз неторопливо, с достоинством прошел через весь зал, поднялся на авансцену и приблизился к королеве. Красавица с благодарной улыбкой приняла розы, а курсант, опустившись на одно колено, поцеловал ее руку. А через две минуты ребяташки в форме суворовцев так же торжественно поднесли цветы победительницам.

Честное слово, это было красиво!

Майор С. ШЕВЦОВ.

20

ЛАРИСА ЛИТИЧЕВСКАЯ,
ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА ТИТУЛА
„МОСКОВСКАЯ КРАСАВИЦА-89“

"Я помню
целое
мгновение..."

ФОТО И. МАСЛОВА И В. ПОЛУНИНА.

ВОСТОРГ МУЖЧИН. КОРОНА —
ПРЕКРАСНЫ ВСЕ. НО ЛИШЬ
ОДНА ПРИЗ,
СТАНОВИТСЯ МОСКОВСКОЙ
МИСС...
И В ЯНВАРЕ ПРИШЛА ВЕСНА.

1990

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	
Пн	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	Пн
Вт	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Вт
Ср	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Ср
Чт	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Чт
Пт	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Пт
Сб	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Сб
Вс	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	Вс

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

**НА Боевом
посту**

**ЖУРНАЛ ПОЛУПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	
Пн	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Пн
Вт	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Вт
Ср	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Ср
Чт	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Чт
Пт	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Пт
Сб	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Сб
Вс	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Вс

Зовите солдата

НА ВЫ

В части, где командиром офицер Л. Тихун, состоялась беседа за «круглым столом» с участием ветеранов внутренних войск, Великой Отечественной войны, политработников, секретарей партийных и комсомольских организаций, воинов-интернационалистов, общественности, работников военной прокуратуры, органов печати.

Встречу открыл политработник офицер **М. САХИБГАРЕЕВ**. Он представил ее участников и предоставил слово ветерану Великой Отечественной войны и Вооруженных Сил, писателю **В. П. ГЛЕБОВУ**:

— Я убежден: корни «дедовщины» находятся вовсе не в армии. Я в войсках прослужил более тридцати лет, и когда начинал свою службу, то даже слова такого в нашем понятии не было. Теперь же это зло широко распространилось. Почему?

Виной тому, по-моему, является очень низкое состояние культуры в обществе. Ведь армия, в том числе и внутренние войска, — это часть всего народа. И бороться с «дедовщиной» нужно всем нам вместе. Мы, писатели, видим в сложившейся ситуации и свою вину. Не секрет, что литературных произведений о современной армии публикуется очень мало, а те, что есть, зачастую не отражают всех проблем, которыми живет сегодняшний солдат. Да и прессе нужно смелее вторгаться в жизнь воинов, давать объективные оценки происходящим в ней событиям.

Здесь присутствуют многие командиры, политработники. Скажите, все ли из вас называют солдата на вы, знают ли по имени-отчеству? Всегда ли обращаетесь к нему так, как предписывает устав? Не слышу ответа... Вот вам и первая причина «дедовщины». Как бывший кадровый офицер хочу дать совет: борьбу с неуставными взаимоотношениями надо начинать с себя.

■ **Ведущий, офицер М. САХИБГАРЕЕВ:**

— Скажите, Владимир Петрович, как вы начинали свою службу?

■ **В. П. ГЛЕБОВ:**

— В 1941 году я попал под Смоленском на передовую. Бывалые солдаты помогали нам во всем, опекали нас, берегли, учили

тому, что нужно было знать для боя. Я за неделю с помощью ротного старшины познал все нюансы боевой выучки.

Да, конечно, люди были разные. Например, один из бойцов, москвич, все донимал солдата по фамилии Цыпенков, совестливого, скромного паренька, сальными вопросами о его личной довоенной жизни. Но бойцы взвода тут же отреагировали, заступились.

В училище, где я учился позже, тоже существовал культ порядочного человека. Там офицеры и солдаты всегда были рядом, вместе, на виду друг у друга. Сейчас же, по моим наблюдениям, происходит обратное: офицеры — сами по себе живут, сержанты — тоже обособленно, а солдаты «варятся в собственном соку».

■ **ВЕДУЩИЙ:**

— Каковы, по вашему мнению, предпосылки возникновения неуставных взаимоотношений?

■ **Ефрейтор Вадим ШАДРИН**, секретарь комсомольской организации роты:

— До службы в армии я восемь лет провел в школе-интернате. Кстати, это учебное заведение было одним из лучших в Ленинграде, однако многие проблемы и там разрешались с помощью кулака. За-

«дедовщина» как победить зло

«дедовщина» как победить зло

тем была учеба в ПТУ — то же самое. После я стал в этом же училище мастером. В моей группе 13 учащихся состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, еще трое имели судимости. Я полностью поддерживаю Владимира Петровича Глебова, высказавшего мысль, что там, где бескультурие, — там и «дедовщина».

Эта аксиома целиком относится и к нашей части, где все еще низок уровень культуры офицеров, прапорщиков, младших командиров. К слову, отбор в учебные подразделения по подготовке сержантов вообще не выдерживает никакой критики: туда зачастую попадают люди случайные.

Еще одна причина неуставщины — социальная несправедливость. Часто добросовестный, примерный солдат вовсе остается неотмеченным. В нашей роте в минувшем году восемь военнослужащих побывали в краткосрочных отпусках. Но интересен такой момент: не все, кто ездил домой, был того достоин, многие же из тех, кого надо было поощрить именно таким образом, остались незамеченными. Дело в том, что командир роты решает этот вопрос без учета мнения солдатской общественности.

Что касается оценки работы партийной и комсомольской организаций, то, думаю, здесь надо учитывать общую атмосферу в роте, ее нравственный климат. В своем коллективе мы регулярно делаем опрос воинов, каждый солдат и сержант выставляет баллы по соответствующей шкале своим сослуживцам. И это мнение для нас — главное. В работе же комсомольцев основное внимание обращаем не только на организацию досуга, но и на вопросы повышения боевой готовности, качества проведения занятий, так как именно в караулах, в часы боевой учебы зачастую и происходят случаи неуставных взаимоотношений.

■ Командир части офицер Л. ТИХУН:

— Согласен и с Владимиром Петровичем, и с ефрейтором Шадриним. Да, «дедовщина» берет начало не в армии, а в семье. Все это так... Но раз есть «дедовщина» в войсках, то может ли сказанное выше освободить нас от ответственности за то, что происходит сейчас в наших подразделениях? У нас есть и традиционно хорошие роты. Там и с учебной все в порядке, и с дисциплиной все в ладах, и караульная служба надежная. Но рядом с ними есть и другие постоянно отстающие роты, регулярно поставляющие своих солдат в дисциплинарные части... Так давайте

сообща подумаем, как им помочь навести порядок, поправить положение. Подскажите, посоветуйте, поделитесь опытом...

■ Лейтенант А. ПОЛЯКОВ, заместитель командира роты по политчасти:

— Я всего лишь два месяца в этой должности, но сделал уже такой вывод: искоренить неуставные взаимоотношения мы пытаемся не комплексно, а кавалерийскими наскоками, мало заботимся о людях.

Например, долгое время не решаются вопросы благоустройства городка, до сих пор у нас нет спортзала. Зимой мы занимались лыжной подготовкой, летом будем играть в волейбол, осенью и весной, в дождь, в непогоду — заниматься нечем. А где пустое времяпровождение, там, известно, и нарушения дисциплины. Сейчас правда, пытаемся организовать художественную самодеятельность, но нет музыкальных инструментов.

■ Старший лейтенант В. ДОРОДНИКОВ, заместитель командира учебной роты по политической части:

— Младшие командиры должны пользоваться всеми правами, предоставленными им уставами. А у нас же, на практике, офицеры не доверяют сержантам, становятся как бы надсмотрщиками над ними, выполняя их обязанности. Необходимо поднять роль младших командиров. До направления в учебное подразделение пусть бы они послужили хотя бы полгода. И подходить к отбору будущих сержантов нужно ответственно: у нас, например, в минувшем учебном периоде восемь курсантов даже таблицу умножения не знали. Стыдно!

■ Сержант В. ДОЛГОБОРОДОВ, заместитель командира взвода:

— Я был трижды на учебных пунктах и убедился: в учебных подразделениях очень мало внимания уделяется методической подготовке, практическим занятиям. Мне правда, помогли подполковник Вовк и старший лейтенант Сытин. Но считаю, что это скорее счастливый случай, чем отработанная система обучения. Часто еще приходит сержант в роту, и тут же выясняется: он ведь и команду на построение личного состава не может подать правильно! Куда уж там до тонкостей воспитательной работы!

Так что, думаю, одна сторона борьбы с «дедовщиной» здесь видна: будут лучше сержантские кадры — будет и порядка в ротах больше.

Офицеры должны быть ближе к своим младшим командирам. А то ведь как иной раз бывает. Получишь нагоняй от офицера — где находишь сочувствие? Ясно, у солдат, своих подчиненных. Так и отдаляемся от офицеров...

■ ВЕДУЩИЙ:

— Почему все-таки в подразделениях, где служат, как правило, два-три десятка партийных и комсомольских активистов, нарушители все еще нередки держат верха?

■ Майор Д. ПАК, заместитель командира подразделения по политчасти:

— Потому, что иногда наши усилия не находят должной поддержки у командования части. Приведу конкретный пример. Солдат, призванный из Азербайджана, не хотел служить. Приезжал его отец, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР. Говорит нам: «Ваш солдат — вы его и воспитывайте!» А как, если наказать как следует и то нельзя! «Довоспитывались»: солдат тот допустил ЧП, нас всех наказали, а он дослужил и спокойно уехал домой.

■ **Подполковник юстиции М. ИБРАГИМОВ**, председатель военного трибунала гарнизона:

— Что касается наказаний, то, как свидетельствует наша юридическая статистика, штрафные санкции не всегда дают те результаты, которые мы ожидаем. Даже наоборот: чем в подразделениях требования жестче — тем положение с дисциплиной хуже... Такая вот парадоксальная ситуация.

Что, на мой взгляд, нужно сделать? Первое — борьбу за искоренение неуставных взаимоотношений каждому офицеру начинать необходимо с себя. Со своего внешнего вида, с выполнения функциональных обязанностей, с личной дисциплинированности.

Второе — замполиты рот, а здесь, как я вижу, таких большинство, должны взять на себя роль связующего звена между солдатом и командиром. Замполит должен отвечать за сердца и души подчиненных.

Третье — для борьбы с «дедовщиной» надо обязательно привлечь не только актив подразделения, но товарищеские суды, военных дознавателей, заседателей, юристов.

Четвертое — мы не разясняем солдатам их право на необходимую оборону. Если казарменный хулиган тебя ударил, имеешь право ему ответить физически, закон, в таком случае, на стороне защищающегося. А то ведь бывают анекдотические ситуации: помню, в одной части «дед», хилый, слабенький солдат второго года службы, избил поочередно двенадцать своих сослуживцев, крепких, здоровых парней!

И последнее. Надо всем избавляться от равнодушия. Вот у вас в части в прошлом году был осужден лейтенант Белгородцев, совершивший тяжкое преступление. Оказалось, что и раньше он допускал грубейшие нарушения боевой службы. Трудно поверить, что никто ничего не видел и не знал. Видели, знали и молчали — воспитывали таких же равнодушных солдат.

■ **Подполковник А. ЗОЛОТОВ**, ответственный секретарь партийной комиссии при политотделе части:

— Почему у нас не идет на убыль число неуставных взаимоотношений? Виною тому, считаю, наша некомпетентность и неумение работать с людьми.

Нам, офицерам, нужно любить своих подчиненных, любить дело, которому служим, как верно подметил здесь писатель Глебов. А я бы к этому еще добавил: и

беречь надо людей. Я прослужил немало лет, был взводным, замполитом, командиром роты. Ни один из моих подчиненных не угодил в дисциплинарный батальон, и никого не пришлось отправлять домой в цинковом гробу...

Сегодня многие из нас разучились слушать людей, отвыкли говорить с ними откровенно. Зачастую мы, политработники, сами не учимся, а пользуемся только тем, что услышим сверху... А давайте скажем честно: всегда ли командир бывает прав? Не всегда. Да к тому же и различные общественные советы порой им превращены в карающие органы. И там, где замполит в такой ситуации остается в стороне, — там создается широкое поле для различных правонарушений.

■ **Старший лейтенант Д. КОЗЫРЕВ**, заместитель командира подразделения по политической части:

— В сентябре минувшего года снят с должности командир одного из взводов нашей роты. До сих пор ему замены не нашли. Хорошо ли это? Чехарда с кадрами — вот еще одна причина возникновения в коллективах неуставных взаимоотношений...

■ **Старший прапорщик А. КАЛИНИН**, секретарь партийной организации роты:

— Хочу спросить: товарищи офицеры, кто из вас был поощрен за то, что своевременно предотвратил случай неуставных взаимоотношений в роте? за то, что не скрыл какого-либо происшествия, а объективно доложил о случившемся командованию части? Поднимите, пожалуйста, руку. Нет таких? Вот то-то и оно.

Вы в своей практике, наверное, не используете и право поощрения своих активистов за поддержание в подразделении твердого воинского порядка.

За одиннадцать лет службы в части я сделал вывод: офицеров ротного звена часто наказывают без разбора. Стоит только провиниться солдату — офицер тут же получает взыскание. Потому-то многие замполиты, командиры взводов порой относятся к нарушителям, как к собственным врагам. Где уж в такой ситуации им до душевного контакта с солдатом! Думаю, что практику огульного наказания офицеров надо нам изменить, а за предотвращение ЧП в роте человек должен быть отмечен. Любой.

■ **Майор А. ИГНАТОВ**, старший инструктор политотдела части:

— В последние полтора года очень много ведется разговоров о неуставных взаимоотношениях в армии. Но по-прежнему за частоколом слов не видны результаты конкретной работы, в том числе и комсо-

«дедовщина» как победить зло

мольских организаций, в их предостережении. Там, где сильно влияние молодежи, там и дела обстоят хорошо. Примером может служить бюро ВЛКСМ, которое возглавляет присутствующий здесь ефрейтор В. Шадрин. У них воскресный день отдан комсомольским активистам: они сами организуют досуг и сами отвечают за все мероприятия.

И потом, «дедовщина», по-моему, бытует и в нашей, офицерской среде. Примеров можно привести сколько угодно. Как-то был свидетелем, когда полковник Мамонтов отчитывал одного командира роты за «ушутую» фуражку. Капитан молча выслушал, а затем сказал старшему офицеру: дескать, у вас точно такая же. «Будешь полковником — будешь носить», — ответил Мамонтов, не смутившись... Вот и получается по старинке: тот прав, у кого больше прав. Стремись утверждать себя с позиции силы, нажима, с высоты занимаемой должности — добрых перемен в таком случае не жди.

■ В. П. ГЛЕБОВ:

— Солидарен с той частью вашего выступления, где вы говорили о предоставлении комсомольским организациям больших прав. Вот возьмем товарищей ефрейтора Шадрина. Они же не только о личном досуге заботятся. В центре их внимания и вопросы укрепления дисциплины, организации боевой учебы, караульной службы. Основные, так сказать, вопросы.

Недавно я был в гостях в одной из частей, находящейся по соседству с вашей. Там тоже не скывают разумные инициативы комсомольцев. Активисты, например, создали из числа наиболее дисциплинированных военнослужащих специальные группы по реагированию на неуставные взаимоотношения. И они же взяли шефство над теми, кто слабо владеет русским языком, не успевает на политических занятиях, словом, заботятся и о повышении идейно-политического уровня сослуживцев. Работа их мне видится очень ценной.

■ Полковник юстиции В. ФИЩЕНКО, военный прокурор гарнизона:

— Я занимаюсь вопросами правоохранительной работы в армии с 1971 года. Были и тогда неуставные взаимоотношения, но за последнее время они стали более жестокими. Сейчас идет «вторая волна»: преступления совершают и молодые солдаты, которые мстят своим обидчикам, чинят самосуд. Нас, работников военной прокуратуры, беспокоит равнодушие многих военных, способствующее, как известно, преступлению. Как свидетельствует ряд уголовных дел, в ротах на высказывание солдата расправиться с тем или иным сослуживцем офицеры, получившие такую информацию, не реагируют... Чтобы победить «дедовщину», необходимо каждому из нас победить в себе безразличие к происходящему.

Мы не покончим с «дедовщиной», если будем бороться с ней формально. Мне

как-то встретился политработник, который заставил солдат роты вырезать из «Комсомольской правды» статью «Случай в спецвагоне» и носить ее с собой в военном билете: хорошо, говорит, влияет на поведение солдат... А когда в роте вскоре произошло несколько чрезвычайных происшествий, этот горе-замполит пытался прикрыть вырезкой свою бездеятельность.

И еще об одном моменте. Многие в этом зале являются родителями. Необходимо, чтобы мы наряду с воспитанием своих детей занимались подготовкой молодежи к армии. Часто ли мы бываем в тех же школах, ПТУ, техникумах? Знаем ли проблемы молодежи, помогаем ли своими советами и практическими делами в их решении? Думаю, что немногие занимаются по-настоящему военно-шефской работой. И раз «дедовщина» уходит своими корнями в стены школ и других учебных заведений, то нам с вами и туда не следует забывать дорогу.

■ Нина Федоровна СТОЛЯРОВА, мать рядового Олега Тумова:

— Нам, родителям, нужно налаживать более тесные связи с командованием части, навещать своих солдат, поддерживать с вами переписку, словом, быть в курсе событий службы сыновей. Многие матери обеспокоены нетоварищескими отношениями в армии. И когда я провожала своего Олега, тоже переживала. Прошло немного времени, я побывала в роте, где он служил. Была, конечно, обрадована: встретили хорошо, разместили, и казарму посмотрела: где спят, как одеты, чем накормлены.

Дорогие товарищи, я хочу, чтобы вы всегда помнили: мы, солдатские матери, очень надеемся на вас.

■ Офицер Л. ТИХУН:

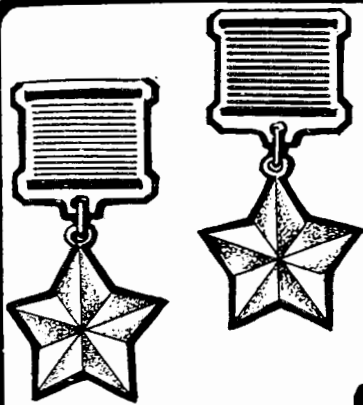
— Думаю, что каждый из нас сделает выводы из сегодняшней встречи. Нам не надо искать на стороне виноватых, нужны практические дела. Закончить хочу словами из Письма Военного совета и Политуправления внутренних войск: «Неужели все мы вместе не можем вырвать с корнем эту заразу, вытравить из воинских коллективов болезнетворную плесень? Глубоко убеждены: можем! Но только тогда, когда в борьбу с чуждым советскому образу жизни проявлением включится каждый, кому дороги честь войск, достоинство и гордость человека».

«Дедовщина» обязательно отступит, если навалимся на нее всем миром.

Записал капитан В. НЕСЕН.

Приволжское УВВ.

«дедовщина» как победить зло

Трава на легенду

**Павел РОМАНОВ, журналист,
ветеран внутренних войск**

НА КВАРТИРЕ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ПАВЛА
ИВАНОВИЧА ШУРУХИНА
СОБРАЛИСЬ ЕГО БОЕВЫЕ
ДРУЗЬЯ-ЧЕКИСТЫ: КОМАНДИР
ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПОЛКОВНИК Д. Н. МЕДВЕДЕВ,
КОМИССАР ОТРЯДА
ПОДПОЛКОВНИК
Н. Ф. КУЛАКОВ И БЫВШИЙ
АДЪЮТАНТ МЕДВЕДЕВА
НИКОЛАЙ КОРОЛЕВ,
В ПРОШЛОМ БОКСЕР, ПЕРВАЯ
ПЕРЧАТКА СТРАНЫ.
ВСТРЕЧА ПРОИСХОДИЛА
В КАНУН ЮБИЛЕЙНОЙ ДАТЫ—
ДНЯ ПОБЕДЫ. ЗА ОКНОМ
ШУМЕЛ ДОЖДЬ, ДРУЗЬЯ
СИДЕЛИ ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ
СТОЛОМ И ВСПОМИНАЛИ
О МИНУВШЕЙ ВОЙНЕ...

...**СЕНТЯБРЬ** 1941 года был на исходе. Серое в свинцовых тучах небо, казалось, вот-вот разразится дождем.

Капитан Шурухин поджидал вышедших из окружения товарищей, с которыми начал здесь, на Брянщине, партизанскую борьбу. Люди собирались надежные. Среди них — комиссар отряда, политрук войск НКВД Николай Брежнев. Начало войны встретил вблизи Бреста. Под Минском, раненным, попал в оккупационную зону, но сумел освободиться. Человек решительный и смелый, хороший организатор.

Под стать ему и командир разведывательной группы, работавший ранее в райотделе НКВД, Николай Приходко — высокий, худощавый, широкий в плечах, с черными цыганскими глазами. Он хорошо знал окрестные лесные массивы, дороги и тропы, населенные пункты и жителей в них. Мог найти в тылу надежную опору. В отряде был единственным, кто владел немецким языком.

Командир диверсионной группы — лейтенант Александр Рогов — парень сорвиголова. Сапер, он имел опыт в изготовлении различных типов мин, знал, как обращаться с немецкими. Умел подрывать мосты. Начхоз Егор Жмуркин, недавний секретарь сельского Совета Дубровок, и Анна Сорокина, бывшая учительница начальной школы, окончившая краткосрочные курсы медицинских сестер: она возглавляла лечебную часть.

Местом расположения штаба был избран дремучий лес, примыкавший к железнодорожной станции Клетня. Через нее из Германии в направлении Минска и Москвы шли поезда с живой силой и техникой...

Обсуждая планы завтрашнего дня, партизаны не заметили, как за окном опустит

лись сумерки. Решили наутро выступить в лес.

...Боевое крещение шурухинцев не заставило себя ждать. Утром, в Мамевском лесу, едва цепочка партизан свернула на проселочную дорогу, как вернулись разведчики.

— Впереди автоколонна, — доложил старший разведки Николай Приходько.

— Сколько их? — насторожился Шурухин.

— Мотоциклы, крытый грузовик с солдатами, легковой автомобиль.

— Очень красивый, — добавил Рогов.

— Видать, важная птица едет.

— Ну, тогда нужно пощипать ей перья. Брежнев, с группой займи оборону левее дороги, — скомандовал Шурухин. — Рогов — в засаду справа. Колонну пропустить, пока не окажется между вами и Приходько. А ты, Приходько, перекрой дорогу.

Наступила напряженная тишина. Скрылись в верхушках елей встревоженные птицы. Слабым эхом катился над деревьями гул далекого самолета.

Первым показался мотоциклист. Он остановил машину у дуба, огляделся. Шурухин с тревогой взглянул на товарищей: выдержат ли нервы? Не дай бог, кто ненароком нажмет на спусковой крючок — спугнет колонну. Вот и первая машина. За ней — грузовик. Пора!

Резкой дробью прокатился по лесу залп. Боком свалился с мотоцикла фашист.

Резко затормозил грузовик. Из него выпрыгивали эсэсовцы, поливая свинцом наугад кусты из автоматов. Очутившись под перекрестным огнем, они заметались. Партизаны пустили в дело гранаты.

Легковая машина пыталась развернуться и уйти. Вслед ей пулю за пулей посылал политрук Брежнев. Однако расстояние до нее было слишком большим. Но тут отличился Приходько.

Полетела граната, машина нырнула в кювет и перевернулась.

Шурухин поспешил к машине.

— Командир, смотри-ка кого ухлопали — генерал!

— Вот это да! — присвистнул Шурухин. — Подстрелить такого гуся... Быстро обыскать. В селе наверняка слышали стрельбу. Гитлеровцы не бросят своего генерала.

НАЧАЛЬНИКА тыла 92-й фашистской армии генерал-лейтенанта Бернгардта бесило от угроз из Берлина за прекращающиеся ЧП на участке железной дороги Минск — Брянск...

Он срывал зло на своих комендантах и, зыдыхаясь от гнева, тыкал пальцем в карту:

— Не видите, что делается у вас под носом: у Злынки спущен под откос эшелон с солдатами и техникой, у Клетни взорван мост, ту- расстреляны охранные посты, а здесь уничтожен гарнизон эсэсовцев... Когда же будет наведен порядок?..

На Брянщине партизанское движение стало грозой для фашистов. К концу декабря 1941 года гитлеровцы вынуждены были сосредоточивать против партизан большое количество войск.

А тем временем Шурухин искал встречи с Медведевым.

Редист Анатолий Шмаринов первым проложил ниточку связи между ними.

Павлу Ивановичу не терпелось увидеть знаменитого героя, который через линию фронта сумел прорваться в тыл врага и за короткое время на Брянщине сделать такое, что о нем и его бояцах стали ходить легенды...

И вот долгожданную встречу предложил сам Медведев. Его адъютант — Королев был направлен к Шурухину. Ехал он в санях, не таясь.

Его остановил шурухинский дозор вдалеке от лагеря на одной из лесных дорог. Королев у партизан вызвал явное подозрение. Они решили ему намять бока, снять с плеч тулуп и доставить в пиджачке командиру. Но не тут-то было. Недоужинной силы человек, он вмиг разметал парней и отнял у них оружие.

— Хороши герои, сейчас посмотрим, как поглядит на вас командир, — скрывал улыбку в усах Королев.

Трое молодых партизан шли под его конвоем за санями. Перед въездом в лагерь один из них осмелел и, дернув Королева за рукав, сказал:

— Дядя, пошутковал трохи и будя. Тебя мы признали. Ты ж боксер — по портретам бачу, не позорь перед хлопцами...

Королев сжалился, возвратил ребятам оружие, угостил их махоркой, признался, что он действительно тот, за кого они его гиняли...

Встретив Николая Королева и прочитав записку от полковника Медведева, Шурухин просиял:

— Как Дмитрий Николаевич, здоров?..

— На костылях, да еще радикулит его ододел,— сообщил Королев.

— Жаль,— покачал головой Шурухин. — Передайте командиру — завтра я у него буду. А сейчас чай. Не думал вас встретить. До войны не раз видел на ринге...

ШУРУХИН, готовясь к встрече с полковником Д. Н. Медведевым, не хотел ударить в грязь лицом. Ему организовали возле раскаленной бочки баню. Начхоз из трофеев подобрал одежду.

Комиссар отряда Брежнев на всякий случай составил боевое донесение. За три месяца отрядом проведено 12 боевых операций. Уничтожено 3 самолета, 10 автомашин. Захвачены важные документы и фашистское знамя. С боем взята станция Клетня. Взорваны и уничтожены четыре железнодорожных и деревянных моста, три паровоза, два пункта телефонной и телеграфной связи, скипидарный завод, склад с горючим. Пущено под откос 20 вагонов с живой силой и техникой противника. Убиты: один генерал, 10 офицеров, 16 предателей, захвачено у фашистов 300 тысяч советских рублей и около двадцати тысяч немецких марок.

Утром к землянке капитана Шурухина подали до лоска начищенную, впряженную в легкие санки чалую Ласку. Когда командир вышел из землянки, столпившиеся у входа партизаны не узнали его: на нем была черная папаха с красной лентой, на плечах трофейная бекеша, на ногах — хромовые сапоги. Лицо тщательно выбрито, оставлены только лихо подкрученные усы. На плечах — скрипучие ремни, по бокам — маузер и сабля.

Шурухин отправился в сопровождении отчаянного пулеметчика Михаила Сиповича. Партизаны долго смотрели им вслед.

Несмотря на болезнь, полковник Медведев обрадовался гостю. Он поднялся с постели и вышел во двор. Окинув пристальным взглядом Шурухина, Дмитрий Николаевич воскликнул: «Орел, второй Денис Давыдов!»

За чаем сразу начался деловой разговор. — Павел, я считаю, что нам с тобой делить нечего,— начал напрямик Медведев. — Как ты смотришь, если нам соединить отряды?

Он не скрывал, что за последние бои ряды его отряда изрядно поредели. Не лучше обстояло дело и у Шурухина.

Капитан вздохнул, задумался, вспомнив последний бой у города Мглин. Верно, бойцы дрались героически, уложили свыше тридцати фашистов, но немало и своих отчаянных парней тогда оставили за той чертой, откуда никто не возвращается...

— Я посчитаю за счастье, Дмитрий Николаевич, драться с вами плечом к плечу...

— Вот и хорошо. Командиром отряда меня утвердили в Москве, а тебе я предлагаю быть моим заместителем.

— Благодарю за честь, Дмитрий Николаевич!

Вскоре отряды соединились.

К концу 1941 года гитлеровцам удалось напасть на след партизан. «Колокольчики» своевременно оповестили командира о высадившихся с машин фашистах, которые полукольцом двинулись в сторону расположения отряда, и, если бы не ум и хитрость Медведева, отряду бы не удалось спастись...

Парализовать действия партизан эсэсовцы стремились и другим образом. Они начали засылать к медведевцам своих агентов под видом красноармейцев и командиров, находившихся в окружении или бежавших из плена, или местных жителей, которым-де оккупанты стали поперек горла и они пришли в отряд с целью возмездия...

Одному из таких удалось втереться в доверие к партизанам, показать себя сообразительным и отчаянным во время нападения на полицейский участок. Он старался угождать партизанам, на лету схватывал любую команду. Однажды отправился с ведрами за водой к отдаленной проруби. За ним решил проследить бдительный часовой. Агент, ничего не подозревая, сошел с торной тропинки и запелся в сторону камышей, где под кустом у него была припрятана рация... Взятого с полициным фашиста допрашивал Шурухин. От него он впервые услышал, что в Жиздрах активизирует свою деятельность филиал НТС (народно-трудового союза русских солидарцев) — той самой организации, которая была создана еще белогвардейцами и отличалась изощренной жестокостью.

Допрашиваемый упомянул, что филиал НТС в Жиздрах якобы возглавляет некто Корзухин.

Об этом капитан сразу поставил в известность командира отряда.

ПОЕДИНОК «Медведев — Корзухин» начался. Получив спецзадание, Шурухин был послан с группой опытных разведчиков в Жиздру. Через связных ему удалось узнать о недавно созданной гитлеровцами спецшколе по подготовке агентов и провокаторов.

Командование отряда собралось на совещание. О разведке в Жиздре докладывал Шурухин.

— Кто такой Корзухин, какую он занимает должность, установить пока не удалось, но ясно одно, что он у гестаповцев важная персона... По-моему, надо его обезвредить...

Шурухина поддержал комиссар отряда Н. Ф. Кулаков.

— Надо идти на Жиздру.

Общее руководство осуществлением операции Медведев возложил на Шурухина, а ответственными специальными групп по розыску и взятию Корзухина назначил опытных разведчиков Починкина и Исаева.

Корзухина предстояло взять только живым... Ночью партизаны вошли в Жиздру. Скрытно подойдя к городу, Шурухин со штурмовыми группами устремился к эсэсовской казарме и дал команду пустить в ход гранаты...

В одном белом высккивали фашисты и сразу попадали под автоматную пулеметную огонь...

Штурмовая группа лейтенанта Рогова ворвалась в казарму, прикончила прятавшихся по углам фрицев и, возбужденная схваткой, начала вытаскивать во двор трофеи: автоматы, пулеметы, патроны в ящиках, гранаты, минометы, документы, продовольствие, одежду и деньги.

К казарме на легкой автомашине подскочил начальник полиции города Жиздры Новосельцев и сразу же был пристрелен: предателя разведчики знали в лицо, и суд был скор.

Но где же Корзухин?

К Шурухину прибежал командир спецгруппы Починкин.

— Сбились с ног, товарищ капитан, не можем его найти. Как сквозь землю провалился...

— Искать! Прочесать город, осмотреть все углы городской управы,— строго приказал Шурухин.

В центре города они остановились у дома бургомистра.

— Окружить! — распорядился Исаев. Прикладами автоматов был сбит входной запор двери.

Кабинет городского головы оказался незапертым. Исаев тихо открыл дверь, переступил во тьме порог и, осветив зажигалкой, увидел на столе лампу, зажег ее и тут же отпрянул, заметив уткнувшегося в кресле в дорогой шубе мужчину.

— Эй, штандартенфюрер. Хенде хох! — шутливо произнес разведчик, направляя на него пистолет. Тот не шелохнулся. Разведчик стукнул ногой его по колену.

Послышалось бормотание, русские слова...

Исаев сердито взял его за воротник и вытряхнул из кресла. В кабинет уже набились партизаны.

— Что за гусь?

— Черт не поймет: то ли немец, то ли русский...

Один из партизан здоровенной ручищей встряхнул пьяного, и тот поднял на медведьих осоловелые глаза.

В кармане неизвестного — гестаповское удостоверение на имя Николая Владимировича Корзухина, списки, шифр, фотокарточки, как позднее стало известно, — агентом...

— Значит, попался, стерва, — облегченно вздохнул Исаев. — Тебя-то мы и разыскивали...

Еще раз просматривая документы, Исаев обратил внимание на старую групповую фотографию.

— Редкая, дедовских времен?

— Не ошиблись. Это Керенский Александр Федорович, — горделиво поднял голову Корзухин.

— Слышали?

— А рядом с ним мой отец, — продолжал тот, — член Временного правительства России — обер-прокурор Синода, князь Львов.

— Но твоя фамилия Корзухин?

— Я сменил фамилию. А в сходстве с отцом вам нетрудно, полагаю, удостовериться...

Исаев кивнул головой, вглядываясь снова в старую фотографию.

Сомнений быть не может: отец и сын были поразительно похожи.

СОБИРАЯ документы, Исаев изучающе смотрел на сына знатного дворянина и думал: гитлеровский холуй надеется, что его как «важную персону» сразу не расстреляют, а направят в Москву. В этом он не ошибся. Львов-Корзухин оказался ценной находкой — носителем нужных сведений.

Над городом Жиздрой в небе разошлись тучи и занималась красная заря. Но в эту ночь люди не спали, встревоженные громом выстрелов, взрывами гранат. А поутру они, увидев, что в городе свободно разгуливают по улицам с оружием партизаны, плакали от счастья, выбегали из домов и бурно приветствовали бесстрашных героев-мстителей...

В конце центральной улицы на площади Шурухин выстроил партизан и, подтянув обозы с трофеями, бодрым маршем двинулся из города. Среди провожавших была сгорбленная старушка, неистово крестившаяся...

— Что ты, бабушка, крестись, мы же не иконы? — обратился к ней Шурухин.

— Как же, светик, роденький, на вас не креститься? Да вам, спасителям, вся Россия в ножки должна поклониться...

Слова старой матери тронули командира. Ему, да и всем партизанам жалко было покидать штурмом взятый город, но приказ есть приказ. Их ждали новые дела...

После ожесточенных сражений в Брянских и Пропойских лесах и выхода на Большую землю Шурухин расстался с Медведевым и уехал на Воронежский фронт. Надо сказать, что долгая работа с чекистами оказала благотворное влияние на капитана: недолго пробыв в роли командира батальона, отважный офицер был выдвинут на должность командира стрелкового полка 42-й Краснознаменной стрелковой дивизии, входившей в 40-ю армию. Эта часть была сформирована из воинов-чекистов.

25 октября 1943 года питомцу внутренних войск Павлу Ивановичу Шурухину Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. К концу войны подполковник стал дважды Герцем Советского Союза.

На родине Шурухина, в селе Новоникольском Быковского района Волгоградской области установлен бюст героя. Жители свято чтят память о своем земляке.

губ Морица Саксонского

Я ХОТЕЛ было начать с рассуждений о пьесе Эжена Скриба «Адриенна Лекуврер», которая пришла на русскую сцену с Элизой Рашель в главной роли, но потом передумал, решив начать с того, о чем мало извещен наш читатель...

Если забраться в самую гущу лесов Курляндии, то севернее речной долины Абавы мы выйдем к озеру Усмас, в котором есть райский островок Мориссала, еще в 1910 году объявленный заповедником. Посреди же острова, среди многих деревьев, недавших топора, издревле растет дуб, возраст которого перевалил уже за 700 лет, а внутри дуба — столь громадное дупло, что в нем легко умещаются десять человек. Местные жители называют этого великана «дубом Морица».

Валентин ПИКУЛЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА

Не стану восторгаться деревом — пусть оно живет хоть тысячу лет; я поведаю о Морисе Саксонском, который в 1727 году прятался в дупле этого дуба. Надеюсь, читателю интересно — от кого же он прятался в этой курляндской глухомани?

К сожалению, легендарный Морис хорошо укрылся и от нас, ибо наши историки, если и вспоминают о нем, то прежде всего как об авторе всеобщей воинской повинности, за что читатели и остаются крайне ему благодарны...

НАЧАЛО — точно в духе той давней эпохи, словно фабула нарочно придумана для романов Дюма, а суть такова.

Прослышав об убийстве брата, шведская графиня Аврора Кенигсмарк появилась в Дрездене, бывшем тогда столицей Саксонии. Красавица была озабочена тем, чтобы немецкие банкиры вернули ей бриллианты убитого брата. С просьбой о помощи Аврора обратилась к Августу Сильному, который был курфюрстом Саксонии. Свидание состоялось в замке Морисбурга; оценив красоту просительницы, курфюрст обещал ей свое могучее покровительство, в результате которого последовали неизбежная беременность графини и возвращение ей бриллиантов.

Осенью 1696 года родился мальчик, которого — в память о свидании в Морисбурге — нарекли Морисцем. А через год Август Сильный был избран королем польским, сядя на двух престолах сразу — и в Дрездене (там он курфюрст), и в Варшаве (там он король). В 1700 году Аврора Кенигсмарк удалилась в монастырь, а беспутный папенька увез сына в Варшаву, где мальчик и жил на птичьих правах бастарда (незаконнорожденного). В этом же году разгорелась Северная война, шведский король Карл XII жестоко истерзал Прибалтику, его драбанты топтали земли поль-

ские и саксонские. Август Сильный оказался тоже «на птичьих правах», удирая от шведов то из Варшавы, то из Дрездена, а Мориц с детства изведаль прелести бездомной кочевой жизни, которая ему — еще ребенку — безумно понравилась.

В коалиционной войне со шведами Август был невольным (а кстати, и неверным) союзником царя Петра I, и, утомленный постоянными ретирадами, он в 1702 году вызвал Аврору Кенигсмарк из обители Кведлинбурга, велел ей приодеться наряднее.

— Если, — сказал он монахине, — плодом нашей встречи явился сын Мориц, то плодом вашей встречи, мадам, со шведским забиякой должен стать разумный мир, и тогда пусть русский царь сам разбирается в делах на Балтике. С меня хватит! Я уже набегался. Пусть теперь побегаёт русский царь...

Но даже греховная красота Авроры, появившейся в грязной палатке Карла XII, не произвела на «забияку» никакого впечатления, и война продолжалась. В 1709 году — памятный год Полтавы! — Морицу исполнилось двенадцать лет, и он вступил под знамена польско-саксонской армии. Начиналась удивительная жизнь — на распутьях дорог, оснащенных виселицами, в боевом грохоте полковых барабанов, в громе рвущихся ядер.

— Замечательно! — восклицал мальчишка, радуясь...

Заискивая перед царем, Август послал его к Петру I, чтобы тот включил его в ряды своей армии, и летом 1710 года Морица видели в числе русских воинов, штурмовавших ворота Риги, доселе нерасторжимые: В свои пятнадцать лет он выглядел уже бравым офицером, на него стали поглядывать невесты. Август Сильный имел сотни побочных детей, ни одного из бастардов не признавая своим. Но для Морица он сделал приятное исключение, признав себя его отцом, он даже присвоил ему титул графа Саксонского, обещая ежегодно выплачивать ему 10 000 талеров.

— Не сомневайся, сынок, — сказал Август, — этого вполне хватит тебе не только на вино, но даже на женщин...

Денег, увы, не хватало! Красивый, сообразительный и энергичный, граф Мориц Саксонский стал привлекательным женихом, но брачные узы его не соблазняли. Август, решив обуздать сына, повелел ему жениться на Виктории фон Лебен:

— Пойми! Богаче невесты, нежели Викторня, нет и не будет в моей Саксонии, так какого же черта тебе, балбес, еще надобно?

Женившись, Мориц так закутил, что скоро от богатейшего приданого жены остался, как говорят русские, «пшик на постном масле». Слухи о мотовстве сына дошли до Кведлинбурга, где его мать замаливала грехи, и Аврора, выпрямившись от поклона, велела передать Августу, чтобы тот повлиял на сына.

Август Сильный принял жестокое решение:

— Мориц совсем распустился, а потому — ради исправления его нравственности — я желаю сослать его... в Париж!

Хорош же был Дрезден времен Августа, если даже Париж считался образцом благолепия (впрочем, смеяться не станем, ибо при Петре I лучшей назидательной книгой для воспитания девиц считался «Декамерон» Боккаччо). Между тем, раздоры супругов стали притчею во языцех, и, застав мужа в близком соседстве со служанкой, Викторня потребовала развода.

Эта «неприятность» случилась в 1721 году, который завершился приговором суда. Морица развели с Викторней, и ей, как порядочной даме, судьи разрешили вступать во второй брак, а Мориц Саксонский, как изменник и прелюбодей, навсегда терял юридическое право жениться вторично. Впрочем, этот приговор не ужаснул Морица, который, приехав в Париж, всюду называл себя убежденным холостяком. Далее позволю себе процитировать: «При дворе и в салонах Парижа он оказался необыкновенно популярным: мужчины находили его в высшей степени порядочным и приятным человеком, а дамы были без ума от его внешности, от его военных и донжуанских подвигов».

Конечно, он был представлен и королю Франции.

— Моя шпага, как и моя храбрость, — заявил он, — всегда к услугам вашего королевского величества...

Десять тысяч саксонских талеров обернулись для него жалованьем в десять тысяч французских ливров — Мориц был назначен в бригадные генералы версальской гвардии. Дамы парижского света, супруги изнеженных и слабосильных маркизов, вскрикивали от восторга, когда он, блаженно улыбаясь, показывал им «русские фокусы»: разрывал пополам лошадиные подковы, а железные вертела для поджаривания дичи в каминах закручивал в штопор... Разве же это трудно, мадам?

Но я, читатель, еще не сказал самого главного.

Полузакрыв глаза и призывно раскинув руки, к нему уже спешила радостная Адриенна Лекуврер, дочь башмачника и прачки, гениальная актриса из «Комеди Франсез», всегда домогавшаяся только дружбы с мужчинами. Только дружбы, а теперь...

— Мой любимый Геракл, — шептала она, счастливая.

— Но обреченный служить тому обществу, в котором всегда не хватало Гераклов, — отвечал Мориц.

Не лишенная доли тщеславия, Адриенна полюбила его, а он полюбил ее, но об этой любви я расскажу позже. Позже, ибо три года подряд Мориц хранил верность одной Адриенне, а в 1726 году он жестоко разомкнул любовные объятия:

— Извини. Для полноты счастья мне сейчас не хватает сущего пустяка... всего лишь престола.

Ради такого пустяка дело за расходами не стоит, и потому Адриенна Лекуврер вручила ему свои драгоценности.

— Только вернись, — заклинала она Морица.

— Я обязан вернуться, чтобы не быть должным женщине...

Читатель не должен сомневаться: Мориц сдержал слово.

В ДОРОГЕ Морица сопровождал его верный слуга Жан Бовз, которому он доверял очень многое, как ближайшему другу.

— Кажется, — рассуждал Мориц в пути, — судьба подкинула мне такие козырные карты, с которыми было бы смешно не выиграть. Престол герцогов Курляндских, занимаемый династией Кетлеров, вассален Речи Посполитой, где королем мой отец. Сейчас в Митаве тоскует вдовая Анна Иоанновна, а Курляндию правит из Гамбурга бездетный герцог Фердинанд, которого митавские рыцари ненавидят и ждут его смерти...

Прибыв в Варшаву, Мориц эти же доводы изложил перед отцом, а отец предупредил, что любовная «акция» с герцогиней Анной Иоанновной грозит вмешательством России и Пруссии.

— Но ты прав, что династия Кетлеров при последнем издыхании, и ты, сын мой, попробуй оживить ее своей любовью. Но — поторопись! — сказал Август Сильный. — Претендентов на шаткий престол в Митаве всегда найдется достаточно...

Верно! Историк Карнович писал, что Европа давно воцелела к Митаве: «Разные герцоги, принцы, маркиграфы и ландграфы мечтали о том, как бы им попасть в герцоги курляндские, вследствие чего явилось в ту пору множество искателей руки и сердца Анны Иоанновны». Всех перечислять я не стану, ибо только один Мориц Саксонский смело и решительно выступил в роли жениха, заявив отцу перед отъездом в Митаву:

— Эта вдовушка вряд ли устоит перед моим штурмом! Наконец, у меня есть на примете еще и российская цесаревна Елизавета, которая немало слышана о моих достоинствах...

Из Петербурга саксонский посол Лефорт хваливал ему Елизавету Петровну в таких выражениях: «У нее круглое, как у кошки, лицо, голубые глаза с поволокой и приятно возвышенный бюст... ей все равно, тепло или холодно, а живость ума делает ее ветреной... она рождена для Франции!» Описание достоинств цесаревны Лефорт заключал выводом, что Елизавета заочно влюблена в Морица, почему и ждет его на берегах Невы. Стоит напомнить, что на Руси царствовала тогда Екатерина I, а управлял ею всеильный князь Меншиков, и слово этого временщика было законом для всех и даже для нее, для самодержицы.

Жан Бовз — по дороге в Митаву — пугался сам и пытался напугать своего любвеобильного суверена:

— Как бы этот «штурм» переспелой вдовицы не обошелся нам кровью, ибо давно известно, что Меншиков сам желает стать герцогом курляндским... Вы, граф, не боитесь могучего соперника?

— Я готов скрестить шпаги, — отвечал Мориц...

Вот и Митав! Анне Иоанновне страстно хотелось замуж, а потому она предстала перед женихом во всем своем величии. Мориц поначалу даже обомлел: какая стать, какие бока, какой гигантский бюст, какие глазницы, какая рожа... Отношения меж ни-

ми определились, и бабище, изнывавшей во вдовстве, не стоило труда увериться в самой пылкой «любви» красавца. Между тем, чтобы время не пропадало даром, Мориц влюбил в себя и фрейлину герцогини Менгден, — так что все складывалось прекрасно еще и потому, что на сейме в Варшаве шляхта решила прибрать Курляндию к своим рукам, разделив ее на воеводства, что немало возмутило курляндских рыцарей.

— До каких же пор, — горланили они в ландтаге, — мы будем ждать, когда сдохнет Фердинанд, до каких же пор мы будем даром кормить эту русскую обжору, сидящую на самом краешке митавского престола... Хотим Морица!

28 июня 1726 года курляндский ландтаг единогласно избрал Морица Саксонского в герцоги курляндские:

— Но с единым условием — чтобы женился на герцогине Анне, и пусть он сам, как муж, заботится об ее прокормлении...

Анна Иоанновна блаженствовала, известив Петербург о своем счастье. Герцогиня восторгалась любовной пылкостью Морица, а фрейлина Менгден не уставала дивиться его проворству, с каким он мгновенно разделял ее каждый вечер.

— О, как вы опытно, граф! — восхищалась девица...

Однако в Петербурге на эту возню в Митаве взирали с опаской. Русский кабинет не боялся обидеть Августа — курфюрста саксонского, но ему совсем не хотелось ссориться с Августом — королем Речи Посполитой, которая всегда под самым боком России, достаточно грозная и не в меру буйная. Кроме того, Екатерина I желала бы видеть на престоле митавском своего зятя, герцога голштинского. Но при этом царица боялась и князя Меншикова, который топал на нее ботфортами, как на служанку:

— Или ты забыла, кто доставил тебе престол великороссийский? А теперь своего голштинского засранца на Митаву сажаешь, не желая со мною по-божески расплатиться...

Меншиков еще в 1711 году давал Августу Сильному взятку (в 200 000 рублей), чтобы тот помог ему взобраться на митавский престол, а теперь... теперь надо действовать. Анна Иоанновна была срочно отозвана из Курляндии в Ригу, а в Митаву прибыл посол князь Василий Долгорукий, внушавший рыцарям:

— Да что вы, рыцари, в парижского сикофанта уперлись? Или иных не видите из-за леса темного? А наша императрица желает видеть у вас герцогом высокоблагородного и светлейшего князя Меншикова или же своего мудрого зятя голштинского...

Тут курляндские рыцари стали хвататься за шпаги:

— Тому не бывать, чтобы нас на русской веревке таскали! Дело с Морицем решенное. Ландтаг уже по домам разъехался, и голосов для нового ландтага в Митаве не собрать.

— А тогда на себя пеняйте! — пригрозила дипломат.

Жалобное письмо Анны Иоанновны к Екатерине I, конечно же, попало в карман князя Меншикова, и по дороге на Ригу он прочитал его вновь; вдовица не скрывала симпатии к Морицу, о чем писала так: «И оный принц моей светлости не противен!».

— Во, сучка! — ругался Меншиков. — Нашла кобеля...

Меншиков ехал якобы ради «инспекции» крепостей в Прибалтике, но цели имел иные — личные. В рижском замке его поджидала Анна Иоанновна «с великою слезною просьбою», чтобы Морицу быть ее мужем и герцогом курляндским. Меншиков грубо пресек ее сладострастие, объявив это чувство «вредительством интересов российских». Разговор повел круто:

— Или сами того не ведаете, что Мориц зачат в блуде от метрессы курфюрста, а ваша светлость — как никак — из дома Романовых, не чета сему махателю. А будь я герцогом, так дохожу с ваших имений в Курляндии не утаил бы... А ежели супротивитесь мне, так я могу и неласковым быть!

Анна Иоанновна затрепетала, а Меншиков не шадил ее:

— К сему добавлю... знайте! Пока вы тут слезьми обливаетесь, Мориц каждый вечер сгоняет лишний жир с вашей же фрейлинки. Да попадитесь ему ваша дородная светлость, так он бы от вас один жалкий прутик оставил. То ведомо вам буди!

Анна Иоанновна зарыдала. Меншиков ей — тоном приказа:

— Ныне за верное станется, ежели держать вашу светлость от Митавы подале. Вот и катитесь в Питер, и там сидеть тишайше, пока я сам о вашем счастье не озабочусь...

Герцогиня тронулась в Петербург, а светлейший — в Митаву. Он был оповещен, что «курляичики» стоят за Морица, а других герцогов им не надобно. Меншиков, прибыв в Митаву, заявил рыцарям, что за ним шагают двадцать тысяч солдат, и потому чтобы не мешкали с созывом нового ландтага, дабы избрать в герцога непременно его — светлейшего и сиятельного.

— А сколь много солдат у вашего Морица? Сосчитайте...

При Морице состоялся 12 офицеров, 104 солдата, 98 конных драгун и 33 человека домашней прислуги. Однако встречи с Меншиковым было не избежать. Мориц дважды виделся с князем, а каждое их свидание напоминало словесный поединок, чреватый обижением шпаг. О том, как велись эти беседы, известно от самих собеседников, доверивших свои разговоры бумаге.

— Что же будет с Курляндией, если силою русских штыков вы изберете в герцога сего светлейшую персону? — спрашивал Мориц. — И что будет, если ландтаг постоит за меня?

Меншиков ответил, что местные рыцари не пожелают разделять участь волков в Сибири, а сама Курляндия «не может искать ничьего покровительства, кроме русского...»

— Вы откровенны! А посему отвечу своей откровенностью. Сколько вам дать, чтобы вы убралесь из Митавы?

— На такой деловой вопрос, — нисколько не обиделся Меншиков, — я отвечу тем же вопросом: сколько мне дать вам, чтобы вашего духу не было в Митаве?

Из письма Морица: «Меншиков явился с видом властителя всего рода человеческого. Он даже изумлен, когда увидел, что эти ничтожные твари (курляндцы) отказываются от такой чести — быть под его управлением... он сказал мне, что свое право на Курляндию может доказать палочными ударами. Чтобы спровадить его обратно в Ригу, я предложил пари на 100 000 рублей, сказав, что эту сумму пусть получит один из нас, кто станет герцогом курляндским. Меншиков ударил со мною по рукам...»

Вот, читатель, как вершилась в те времена политика!

Убеденный в том, что ландтаг достаточно запуган его угрозами, а престол в Митаве достанется ему, Меншиков вернулся в Ригу, где и стал ожидать результатов новых выборов. Лефорт в эти дни продолжал заманивать Морица в Петербург, извещая, что цесаревна Елизавета горит любовным нетерпением. Между тем, ландтаг и не думал собираться, отчего Меншиков пришел в ярость, желая вести в Курляндию русские войска и арестовать Морица. От тех далеких дней сохранился рассказ, более схожий с анекдотом. Будто бы нападение на Митаву состоялось, но Морица спасло именно то обстоятельство, что в эту ночь он пировал с фрейлиной Менген. Услышав, как трещат двери, разбиваемые прикладами, граф с присущим ему проворством раздел фрейлину, облачившись в ее платье, а Менген быстро натянула его лосины, накинула его мундир, Мориц выгрызнул в окно — и был таков... Финал этой сцены неожиданный: «Захвативший помянутую девицу русский офицер так пленился ею, что не замедлил на ней жениться!»

Однако методы князя Меншикова всполошили Петербург: митавский конфликт становился опасен последствиями, которые трудно предсказать. Меншикова срочно отозвали в Петербург, чтобы он понапрасну людей не пугал, а князь Василий Долгорукий любезно предложил Морицу выехать в лес — для охоты.

— России, — сказал он в лесу, — никак нельзя ссориться с поляками из-за вас, а мне весьма прискорбно, любезный граф, исполнить приказ о вашем немедленном удалении из Митавы...

Весной 1727 года скончалась Екатерина I, и смерть ее повергла Морица в отчаяние. Он понимал: Меншиков, став единовластным диктатором России, не замедлит с ним расправиться. Предчувствие не обмануло: генерал Петр Ласси двинул в Курляндию восемь тысяч русских солдат, предупредив Морица письмом, чтобы бежал из Митавы скорее, иначе — угрожал Ласси — графу предстоит знакомство «с очень отдаленной страной».

— Собирайся! — велел Мориц лакею Бовэ. — При всей моей страсти к приключениям, я совсем не желаю знакомиться с природой Сибири и чудесными нравами ее жителей!

Путь отступления Морица сейчас указывает на карте железная дорога от Елгавы до Вентспилса. Ласси оказалась мужичиной сердитым и «наступал на пятки» графу, преследуя его, он свирепо «дышал ему в затылок». Изнуренный отряд Морица Саксонского выбрался к озеру Усмас, здесь решили отдохнуть, затаившись на острове Зивьюсала (который после этого случая местные жители, ливы и латыши, переименовали в Морицсала).

Мориц спрятался в дупле могучего дуба, его волонтеры укрылись в кустах, почти невидимые. Но Ласси разгадал их уловку, прокричав с берега, чтобы сдавались в плен, иначе он выкатит пушки, и тогда от этого райского островочка останется одна голая плешь. Мориц из дупла прогорланил в ответ ему:

— Женералы! Прошу десять дней... для размышлений.

— Сорок восемь часов... не более! — отвечал Ласси.

Капитуляция была неизбежна. Мориц наказал Бовэ хранить, как святыню, шкатулку с избирательным актом ландтага:

— На старости лет мне будет приятно почитать о себе, что я все-таки был, черт побери, герцогом курляндским...

— Что вы задумали, граф? — встревожился Бовэ.

— Я не желаю, чтобы люди, служившие мне, валялись здесь в лужах крови. Пусть сдаются на милость победителя. Но меня среди пленных генерал Ласси не отыщет...

Он собрал свой отряд и, как хороший товарищ, простился с каждым. Потом легко запрыгнул в седло, взбудрив лошадь.

— Не надо мне перезрелой герцогини Анны, не нуждаюсь и в игривости цесаревны Елизаветы — меня давно ждет несравненная Адриенна Лекуврер, самая прекрасная женщина Парижа!

С такими словами он разогнал лошадь галопом, и — в ослепительных каскадах брызг — она обрушилась в озеро, поплыв к берегу, напряженно вытянув уши... Благополучно прибыв в Париж, граф Мориц Саксонский с удивлением узнал, что его могучий соперник князь Меншиков пал с высоты своего надменного величия и сам оказался в «очень отдаленной стране», где, наверное, мог бы встретить и Морица, если бы не ловкость Морица, если бы не его выносливая лошадь...

ВОЛЬТЕР был сердечным другом Адриенны Лекуврер, потому он и стал большим другом Морица Саксонского. Они оба любили эту женщину, но каждый обожал ее по-своему. К несчастью, летом 1729 года в Морица серьезно влюбилась герцогиня Бульонская, очень распутная женщина, и далее началась криминальная история, тайна которой до сих пор не раскрыта.

Адриенна, как женщина, никак не могла мириться с появлением соперницы, пусть даже очень знатной и богатой, а Париж знал о новой страсти Бульонской, с интересом наблюдая за схваткой двух «тигриц» из-за Морица Саксонского. Победила все-

таки Адриенна, которая в расинковской «Федре», ведя заглавную роль, вдруг — в полной тишине театрального зала — обратилась к ложе, где восседала ее соперница:

Я не из женщин тех,
беспечных в преступленьях,
Что гнусность совершить
готовые всегда,
Умеют не краснеть
от тяжкого стыда...

Все зрители поняли намек Адриенны, и в грохоте аплодисментов герцогиня Бульонская покинула театр, провожаемая шиканьем и свистом. Адриенна была болезненной, а вскоре ей предложили загадочные таблетки, одна из которых издавала подозрительный запах. Это обнаружил сам Мориц.

— Ни в коем случае не принимай их, — велел он актрисе. — Я пошлю эти таблетки на анализ химику Этьену Жоффруа...

Жоффруа испытал их на своей собаке, ибо в те времена такой «химический» способ был самым верным, но собака осталась жива. Зато неожиданно скончалась Адриенна Лекуврер. Она умерла на руках Вольтера — так пишут одни; она умерла на руках Морица Саксонского — так пишут другие. Но путаницы тут нет, ибо первый и второй, оба выдающие, приняли последний вздох великой актрисы. Вздох ее они приняли, сие верно, но, потрясенные смертью, они забыли пригласить юре, чтобы тот исповедовал умирающую, и Адриенна умерла без святого причастия. Церковь же в ту пору относилась к актрисам, как к профессиональным «чертовкам», отдавшим себя для служения дьяволу, и все сказанное, вместе взятое, довершило трагедию жизни...

Ночью — ни Вольтера, ни Морица не было — полиция прислала мортусов, которые, замотав тело Адриенны в рождоу, воровски утащили его на загородный пустырь, где уже была приготовлена яма. Мертвую бросили в яму, тут же обильно засыпав ее негашеной известью, чтобы от Адриенны не осталось даже костей, а землю над ее прахом мортусы сровняли так гладко, чтобы не сохранилось даже могилы.

— Счастливец! — сказал Мориц Вольтеру. — Вы хоть способны изливать свою ярость в разгневанных стихах и эпиграмах, а на что способен я, жалкий человек?..

В этом же году курляндская герцогиня стала русской императрицей Анной Иоанновной. Переиначивать прошлое — занятие наивное, но историки все же иногда задаются каверзным вопросом: что, если бы Мориц сделался мужем Анны Иоанновны? Если бы такое случилось, русский народ не изведал бы ужасов «бионовщины», зато Россия, соответственно драчливому характеру Морица, наверняка не выбиралась бы из военных авантур. Наконец, гадая на крапленых картах истории, можно задать вопрос — что, если бы заочный роман с цесаревной Елизаветой завершился бы их браком, и не восседала бы тогда на русском престоле новая династия — Романовых-Саксонских? Но строить домыслы на сыром песке минувшего мы не станем, пусть читатель пофантазирует сам...

Потеряв свою Омфалу, Геркулес погрузился в уныние. Мориц спал или читал, читал или спал, избегая шумного света. Его оживила война за «польское наследство», а в 1737 году Бовэ опять потрясал перед ним избирательным актом ландтага:

— Проснитесь, граф! Фердинанд умер, а в Европе снова возник вопрос о пустующем престоле герцогов в Митаве...

Но Анна Иоанновна утвердила этот престол за Бироном.

Мориц все эти годы проживал во Франции, где и дождался кончины Анны Иоанновны, после чего Бирон сразу отправился зимовать в Пелым, а на престоле Романовых воцарилась веселая и бесшабашная Елизавета, когда-то влюбленная в Морица. Маркиз Шетарди, версальский посол при ее дворе, настойчиво звал Морица в Россию, чтобы «разогреть старые дрожжи», а Версаль вдруг проявил интерес к делам курляндским. Престарелый кардинал Флери, заправлявший политикой Франции, сказал Морицу:

— Надеюсь, акт о вашем избрании в герцоги еще не съеден мышами? Так прихватите его в Россию, ибо момент для вас чрезвычайно удачный: Елизавета коронуется в Москве, и на радостях ей ничего не стоит посадить вас на митавский престол, еще не остывший после сидения на нем герцога Бирона...

Был теплый душевный вечер 10 июня 1742 года, когда Мориц появился в Москве, а маркиз Шетарди сразу дал в его честь великолепный ужин, длившийся до утра — с винопитием и танцами. Москва уже была насыщена о его приезде, и в разгар ужина появилась сама Елизавета... Да, она хотела повидать Морица, но теперь женщиной двигала не наивная влюбленность, а лишь одно женское любопытство. Протягивая руку для поцелуя, императрица поцеловала Морица Саксонского в лоб.

— Я так много слышала о вас, — сказала она...

Морицу было уже 46 лет, а — по меркам того времени — мужчина в подобном возрасте считался уже «стариком», и померкшая красота Морица не произвела на Елизавету должного впечатления. В ответ на приглашение к танцу она сказала:

— Первый контрданс я занята, за вами — второй...

Если ему второй, то кому же первый? Первый контрданс Елизавета провела с молодым чернобровым красавцем.

— Кто это? — ревниво спросил Мориц у Шетарди.

— Алексей Разумовский, сын свинопаса, — отвечал посол.

— О, боги! — вздохнул Мориц. — Ему первый контрданс, а мне второй... Значит, я уже готов для могилы!

Вскоре камергер Воронцов дал для Морица завтрак, на котором была и Елизавета в мужском костюме; она сама предложила гостю прогулку верхом, выразив желание показать ему Москву. Он галопом скакал с нею по улицам, но вдруг хлынул оглушительный ливень, и Елизавета с Морицем спасались от дождя в кремлевских покоях, Елизавета сказала:

— Хотите, я покажу вам сокровища моих предков?..

Показывая драгоценности Оружейной палаты, не желала ли она наказать его упреком — что он потерял, не откликнувшись на ее давние призывы? Елизавета призналась:

— Когда Ласси изгонял вас из Митавы, ваш отец, дабы утешить меня, прислал мне чайный сервиз из Мейссена, а я ведь тогда же сказала послу Лефорту: «Мне сейчас не фарфор, а... муж надобен!» Почему вы тогда не приехали?

— Об этом лучше спросить у того же генерала Ласси...

На этот намек, весьма горький в устах женщины, Мориц отвечал намеком на вакантный престол в Курляндии, но Елизавета сказала, что политикой ее кабинета ведают мужчины.

— А я, женщина слабая, могу только бить тарелки или плакать... Однако, — завершила она беседу, — Петербург не желает нарушать древние привилегии курляндских рыцарей, кои обоснованы на статьях их старинной конституции.

После такого ответа Мориц откланялся. Конец!

ОСТАЛОСЬ сказать последнее — едва ли не самое насущное.

С детства звенящий шпорами, Мориц замечал многое на войне, на что закрывали глаза его современники. Он много читал, чтобы сравнить старое с новым в тактике боя и в стратегии войн. Ему же было еще и тридцати, когда известный шевалье де Фолар, сам военный мыслитель, сказал о Морице так:

— Я еще не встречал таких талантов полководца, только бы этот малый не подставлял свою голову под ядра!..

Ядра миновали голову Морица, в которой уже роились мысли иной эпохи — будущей. Неразлучный Бовэ давно привык к причудам Морица, который иногда начинал пророчить:

— Почему бы солдату не заменять хлеб сухарями, а дурацкие шляпы — железными касками? Пехоту надобно усилить ружьями, заряжаемыми с казны, чтобы не заталкивать пули шомполом. Нет, милый Бовэ, я совсем не стремлюсь к истреблению людей. Напротив, я помышляю о войнах с ничтожным пролитием крови.

Это правда. Мориц всегда берег солдат. Однажды был такой случай. Генералы сказали ему, что схватка обойдется в сущую ерунду — всего в дюжину солдат, на что Мориц ответил:

— Дюжину солдат? Но это не ерунда. Лучше я отдам неприятелю дюжину голов своих генералов...

Он считал битву при Полтаве шедевром военного искусства, призывая французов подражать русским: «Вот каким образом благодаря искусным мерам можно заставить счастье склониться в свою сторону», — писал он. Морица привыкли видеть кутящим с женщинами, но, пожалуй, один только Бовэ знал, как усидчив он, когда замыкался в творческом уединении, постигая тайны полководческого искусства. Мориц завещал, чтобы в армии обязательно учи-

тывались народные традиции, «так как люди весьма привержены к ним, и даже от самых вредных обычаев отказываются неохотно и с великим трудом — в силу национальной гордости, в силу природной лени или просто по глупости...»

Еще смолоду он провел немало баталий и не одну из них выиграл. Но в числе множества его побед самой внушительной и самой прославленной стала битва при Фонтенуа, в которой он разбил англичан, голландцев и ганноверцев, союзных австрийцам, Фонтенуа стало боевой гордостью народа Франции, а сам Мориц сделался для французов национальным героем.

— Я не радуюсь, — сказал он Бовэ. — Каждый мой успех порождает озлобленный лай шавок-завистников...

18 марта 1746 года — сразу после Фонтенуа! — в парижской Опере состоялось театральное «коронование» Морица, а знаменитый скульптор Пигаль — еще при жизни маршала — заранее соорудил для него погребальный саркофаг в Страсбурге.

— Невесело жить, заведомо зная, что тебя поджидает прекрасная гробница. К сожалению, — рассуждал Мориц, — полководец, даже приносящий только победы, всегда остается подобен плащу, о котором вспоминают лишь во время бурного ливня...

Эти слова полностью оправдались, когда наступил мир, и придворная камарилья задвинула Морица в глубокую тень, Версаль до конца жизни хотел доказать свое превосходство.

— Но доказать придворной сволочи свое превосходство я могу не театральной, а лишь подлинной коронацией...

Не будем удивляться! Таков был век, а Мориц был кровное дитя своего времени. Короны тогда не валялись на мостовых, но зато оставались девственные страны, еще не знавшие королей. После митавского конфуза Мориц обратил пламенные взоры на далекий и загадочный Мадагаскар, однако версальские политики оберегали этот остров от посторонних вожделений, как свою будущую колонию. Мориц наметил для себя другой островок — Тобаго, которым когда-то владели курляндские герцоги. Но Тобаго перехватили голландцы. Мориц был согласен стать даже королем разбойников Керсики, но и Керсика оказалась ему недоступна. Видя, как он хлопочет о короне, Бовэ подсказал самое верное решение:

— В чем дело? Я бы на вашем месте не ломал голову зря, а сразу бы объявил себя царем иудейским!

Странно, что этот проект — быть новым Моисеем — пришелся Морицу по душе, и он вознамерился собрать всех евреев в джунглях Латинской Америки, где и будет водружен его престол, украшенный звездами Давида. Нам это кажется смешно, но Мориц почему-то свято уверовал в то, что евреи не откажутся иметь такого brave царя-маршала, каков он сам!

Последние годы жизни, пренебрегая знатью, Мориц замкнулся в Шамборе, окружив себя лишь писателями, философами, художниками и артистами. Но осенью 1750 года, навестив Версаль, он дал пощечину

Людовику Конти, принцу королевской крови.

— Вам это дорого обойдется, — отвечал Конти...

Высокое положение соперников в обществе Франции обязывало их дуэлировать втайне. Об этом поединке почти никто не знал, и молодой Конти ранил Морица, который был вынужден скрывать свою рану даже от врачей. Все должны были думать, что он страдает от водянки, давно изнурившей его.

— Жизнь — это лишь сон, — говорил Мориц друзьям. — Мой сон был таким чудесным, почти волшебным. Но — увы! — каким коротким он оказался... И как быстро спешат стрелки часов.

Накоонец, его часы остановились, и Мориц завещал:

— Так бросьте же меня в любую поганую яму и засыпьте мое грешное тело ядовитой известью... Я хочу раствориться в этом проклятом мире, как растворилась и она!

Этими предсмертными словами Мориц Саксонский невольно доказал, что любил только одну женщину на свете — божественную и глубоко несчастную Адриенну Лекуврер...

Нам от Морица остался могучий дуб, много веков дремлющий в тишине колдовского озера, да его сочинения, изданные посмертно, в которых он рассуждал о нравственности на войне, о гуманных методах боя. Для нас он всегда останется не только искателем приключений, но и военным теоретиком, предвосхитившим тактику революционных армий будущего. Наши историки ставят Морица Саксонского в один ряд с такими полководцами, каковы были Монтекуколи, Евгений Савойский, Мальборо, Тюренн, Фридрих Великий, Петр Салтыков и даже... даже Наполеон!

А пьеса Скриба «Адриенна Лекуврер», в которой выведен и граф Мориц Саксонский, в 1919 году последний раз была поставлена на русской сцене. Если бы эту пьесу возобновить в наших театрах, она многое бы нам напомнила...

СУРОВОЙ НИТЬЮ

* * *

Мелкая крошка небесного мела
Сыплется прямо на грязное тело
Долгой дороги,
уставшей как будто
Гнать меня в пригород
каждое утро.

Здесь я когда-то
дышал в колыбели,
Здесь материнские песни старели,
Крикнул
на школьном пороге звонок
И прикусил язычок.

В облике ратном
судьба мне явилась.
Помню — внезапно душа удивилась:
Сжал я в ладонях, а сердце ожег
О путеводный клубок.

Дверь отшатнулась,
дорога метнулась,
Ветром сиротства
слеза навернулась,
Полю солдатскому вольно сучить
Жизни суровую нить.

Благо крепка этой нити основа:
Мать подарила крестьянское слово,
Слогом рабочим его укреплял
Батин металл.

Жизнь моя, неугомонная пряжа,
Вот и твоя износилась рубаха,
Крылья торчат сквозь рядно,
Треснуло веретено.

Л.В.

Дай отдышаться
в лихом промежутке:
Ноги запрели в железной обуви,
Каменный хлеб искрошился давно.
Ночь ли? В глазах ли темно?

Но кочевую судьбой без убытка
Вьется моя путеводная нитка,
Не успеваю вязать узелки,
А забывать не с руки,—

Как меня обочь пронесится мимо
То, что до боли сердечной
любимо,
Прахом, как снегом,
заносит висок.
Неугомонен клубок.

Дальше и дальше,
 разлукам навстречу
 Мчится клубок моих противоречий.
 Полю солдатскому вольно сучить
 Эту суровую нить.

Битые и клятые, зарытые,
 Все они надеются и ждут
 Дня, когда потомки мозговитые
 Вникнут, оправдают, воздадут
 Судьбам,

что прочерчивались начисто,
 Душам, что ходили на правез
 И плевали кровью на бодрячество,
 Всем и вся услужливую ложь.
 Но понятно будет ли отчаянье,
 Болью искаженные черты
 Тех, кто тратил время
 на молчание
 У порога вечной немоты.
 Не создал,

не выписал,
 не вырастил
 И ушел, и не под пьедестал,—
 А слезами эти травы выросил,
 Эти корни светом напитал.
 Но восходит поросль тароватая
 И глядит тревожно на былье:
 Мать-земля, талантами богата
 Только ли зарытыми в нее?!

Дорогая, хорошая, здравствуй!
 Здравствуй,

сердцу обещанный дом!
 Юный день — молодой и вихрастый,
 Встретил нас на пороге крутом.

До него четверть века в дороге
 Пробыл я и никак не пойму:
 Кто ж толкнул меня

в нужные сроки
 К золотому окну твоему?

Не пойму —
 среди броских и вешних
 Как я жил, не горя, не любя?
 Ведь теперь и в потемках

кромешных
 Зрячим сердцем увижу тебя:
 Мягкий взгляд,

волны русого света
 От упрямых тяжелых волос...
 Знаю, нет и не будет ответа
 Мне на мой несуразный вопрос.

Жизнь мудра. Все она разрешила,
 По местам расставляя в судьбе:
 Подарила тебя, подарила
 Двух дочурок, подобных тебе.

И когда говорю тебе:
 «Здравствуй!»,

Под шинелью скрываю сырой
 Юный день — молодой и вихрастый,
 Нам отмеренный щедро с тобой.

И ЧЕСТЬ ФАМИЛЬНУЮ СБЕРЕЧЬ

ОЧЕРК

Михаил ГОРБОВ

*ДОРОГУ ОТЦА — ГЕРОЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК,
НАВЕЧНО ЗАЧИСЛЕННОГО
В СПИСКИ Н-СКОЙ ЧАСТИ,
СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА
И ЗАПРОВАЛЬНОГО — ВЫБРАЛ
В ЖИЗНИ ЕГО СЫН — МАЙОР
СЕРГЕЙ ЗАПРОВАЛЬНЫЙ.
ДОРОГУ, ПРЯМО СКАЖЕМ,
ТЕРНИСТУЮ. НО И ВНУК ГЕРОЯ
— ИВАН ЗАПРОВАЛЬНЫЙ,
ВОЗМОЖНО, ШАГНЕТ
В ВОИНСКИЙ СТРОЙ,
ПРИМЕРЯЕТ УЖЕ ОТЦОВСКУЮ
ФУРАЖКУ.*

ЕСЛИ БЫ раньше Сергею Ивановичу сказали, что он будет страдать бессонницей, ни за что не поверил: нервы в порядке, а до старости далеко.

Но вот, поди ж ты... Уже далеко за полночь, а сна, как говорится, ни в одном глазу. Включил ночник, взял с прикроватной тумбочки книгу, попробовал читать. Не читалось, принять снотворное не хотелось, тихонечко встал и босиком, чтобы не потревожить жену Капитолину, прошел в детскую комнату. В лунном свете, проникавшем сквозь тюлевые занавески, лицо сынишки Вани казалось матово-бледным. Раскинув руки на подушке, мальчишка еле слышно посапывал.

Сергей Иванович залюбовался малышом. «Вылитый дед Иван», — вспомнились слова матери Александры Дмитриевны, Ваниной бабушки. Ох уж эти бабушки и дедушки: им так и не удается разглядеть у внука или внучки хоть какие-то свои черты.

Дед Иван... Было ему три с половиной десятка лет, когда однажды утром ушел на службу, да так и не вернулся. Тот день запомнился Сергею Ивановичу на всю жизнь. Он смотрел с друзьями у соседей

телефильм. В комнату вошла встревоженная хозяйка дома тетя Валя и тихо шепнула на ухо:

— Сереженька, беги скорее домой. Там, кажется, что-то случилось...

Позже Сергей узнал подробности гибели отца. Тогда в роту, которую лейтенант И. Запровальный только что принял, прибыл представитель штаба части майор Попов. Офицер кратко доложил о состоянии службы в подразделении, затем, уже неофициально, признался: «Не все, товарищ майор, идет у меня гладко...».

Внезапно раздался телефонный звонок: лейтенанта срочно вызывали в караул.

— Что ж, — сказал майор, — отложим пока разговор. Поезжайте на объект, а я тем временем побываю на занятиях в одном из взводов.

Запровальный быстро оделся и скрылся за дверью. Встретивший его начальник караула доложил: несколько осужденных, работающих на этом объекте, пытались совершить побег, но, поняв, что это не удастся, вернулись в здание.

— Кто такие? Хоть запомнили в лицо?

— Да нет, было далеко, и часовой их не разглядел.

— Надо узнать, кто это был. Наверняка они не оставят своей попытки.

Через КПП лейтенант направился в цех, надеясь, что там несет службу контролер, который видел возвращавшихся. Когда офицер поравнялся с хозяйственным помещением, оттуда выскочили несколько осужденных и бросились на него. Лейтенант не растерялся. У первого метнувшегося к нему преступника он вырвал самодельную пику и прижал бандита к земле. Ошеломленные смелостью лейтенанта, некоторые из нападавших бросили приготовленные ломки, но тут сзади подбежал еще один преступник с топором. Поднятая лейтенантом над головой железная пика не выдержала смертельного удара... Подбежавшие на помощь караульные обезоружили и задержали бандитов. В неравной схватке лейтенант Запровальный погиб.

ДЕТСТВО, каким бы оно ни было, остается в памяти навсегда. Помнит Сергей Иванович, как проводил с детьми отец редкие, а потому такие желанные и радостные дни семейного досуга — выезды на рыбалку, по ягоды и грибы, которыми в те далекие времена были так щедры здешние леса. Счастливое время. Счастливое, несмотря на то, что жили Запровальные вшестером в одной маленькой комнатухе. Жили мечтой о просторной квартире с водопроводом, ванной и горячей водой, газовой плитой и паровым отоплением. Бывало, возвращаясь от друзей, дети рассказывали, что у соседей жилье богаче. На это батя неизменно отвечал:

— Погодите, детки, будет и у нас просторнее.

А однажды, видимо, поняв, что ребятам ждать совсем нелегко, Иван Григорьевич поехал с ними в город. Подвез к строящемуся дому:

— Здесь нам обещают квартиру. Так что давайте, ребятки, потерпим еще немножко. Ладно?

Терпеть и вправду пришлось недолго. Вскоре семья переехала в новую квартиру. Все в ней было, как обещал отец: ванна, и паровое отопление, и газовая плита на кухне. Не было только отца. Так жизнь для Запровальных неожиданно обернулась самой трагической своей стороной.

Особенно досталось матери, оставшейся с четырьмя, мал мала меньше, детьми. И сейчас еще Сергей Иванович по-сыновнему восторженно удивляется, как эта тихая, немногословная женщина сумела вытянуть из нужды и поставить на ноги сыновей. Конечно, не без помощи добрых людей — соседей по дому, женсовета и всего коллектива части, в которой служил ее муж. Того пособия, что получала мать, не хватало, чтобы свести концы с концами. Пришлось устраиваться на работу. Чтобы не оставлять надолго детей, пошла уборщицей в штаб. Убежит до зари, пока дети спят, быстро управится с делами и скорее домой. Рассчитывала поработать там временно, пока дети подрастут, да так и осталась при части навсегда. Сменила только профессию — теперь трудится в портновской мастерской, ремонтирует солдатское обмундирование и белье. Понятно, держит ее здесь не только работа — хочется быть поближе к коллективу, в котором еще жива память об Иване Григорьевиче. Да и сын Сергей, теперь уже майор, всегда рядом: его кабинет через коридор. Всегда можно заглянуть, перекинуться словом, узнать, как поживают внучат. Давно ее сыновья разлетелись из родного гнезда: старшие выбрали в жизни отцовскую дорогу — стали офицерами. И лишь Володя, меньшей, отслужив в армии срочную, пошел слесарничать на завод. Правильно, кто-то должен обеспечивать тылы...

«Что это я так разволновался сегодня? Обо всем уже думано-передумано», — ругнул себя Сергей Иванович и, тихо ступая по мягкому паласу, вернулся в спальню. Но сон не приходил. Только теперь Сергей Иванович признался себе, что дело

действительно не в этих воспоминаниях о днях минувших. Ими он безнадежно пытается отвлечься от забот сегодняшних, в частности, от того неприятного разговора, что состоялся с начальником политотдела соединения. Полковник побывал в казарме, побеседовал с солдатами и, кажется, остался доволен увиденным и услышанным. Но когда вернулся в кабинет, он вдруг спросил:

— Что это у вас, товарищ комбат, за конфликт с подчиненными? Вот жалоба от лейтенанта Волкова. Пишет, что притесняете, даже терроризируете... Слова-то какие, а? Или, может, напраслину возводит лейтенант? Так сказать, по молодости сгущает краски?

— Да нет, товарищ полковник, все правда, — вздохнул комбат и неожиданно улыбнулся: — Хотя как на эту правду посмотреть...

— Значит, у каждого правда своя?

— Выходит, так.

— И-интересная философия.

— Да уж какая есть. Зато своя.

Долгим был разговор. Вспоминая его теперь в подробностях, Сергей Иванович все больше убеждался, что досталось ему от начальника политотдела поделом. Впредь будет наука. Командиру не к лицу горячность, необдуманность. Но и лейтенант хорош... В его возрасте можно вести себя скромнее. Понятное дело, надоела бытовая неустроенность, отсутствие жилья. Слов нет, виноваты и ротный, и комбат: как следует не вникли в нужды молодого офицера. Может, опрометчиво поступил он, майор Запровальный, запретив Волкову появляться в военном городке в гражданской одежде. Хотя тут можно по-разному посмотреть: подразделение тогда несло службу по усиленному варианту, и всякие вольности только снижали бы воинскую дисциплину. Но лейтенант не желал этого понимать и словно провоцировал комбата. Чуть поприжали его — жалоба, просьба уволить из войск.

МЫСЛИ опять вернули Сергея Ивановича в детство. Нужда заставила мать определить его в интернат. И не только потому, что в доме не было нужного достатка, — совсем неуправляемым становился мальчишка. Только тщетны были ее надежды. Под влиянием сверстников он начал курить и даже вино пробовал. Хорошо, мать спохватилась и вернула сына в прежнюю школу.

Сыграла роль и память об отце, рассказы о нем сослуживцев и друзей. Под их влиянием Сергей твердо решил стать офицером, посвятив себя защите Отечества. По совету военрука поехал поступать в пограничное училище. Но провалился на экзамене по физике. Еще было не поздно попытать счастья в другом училище. Но Сергей не стал испытывать судьбу, пошел работать на завод. Потом его призвали во внутренние войска, а через год он стал курсантом Орджоникидзевского высшего военного командного Краснознаменного училища имени С. М. Кирова МВД СССР.

То ли по счастливому совпадению, то ли по воле начальства после окончания

училища лейтенант Сергей Запровальный был назначен командиром взвода в то самое подразделение, где он проходил срочную службу и где когда-то служил отец. Это и радовало, и прибавляло ответственности: ведь здесь на него будут смотреть как на сына героя войск, навечно зачисленного в списки личного состава части. Удалось ли ему оправдать доверие?

Да, считает Сергей Иванович. Чести отца он не посрамил. Хотя не всегда хватало ему отцовской выдержки, такта, хладнокровия. Бывало, подводила оставшаяся с мальчишества ершистость. Проявлялась она не столько в отношениях с подчиненными, сколько в разговорах с начальством. Не умел (да не умеет и теперь) Запровальный выбирать окольные пути к правде.

И вот он уже комбат, майор.

Вспоминая ту ненастную осень, когда он принял небогатополучный батальон, Сергей Иванович обстоятельно рассказывает, с чего он вместе с замполитом майором Владимиром Степановичем Балдуевым и начальником штаба майором Вадимом Петровичем Васильевым начинал, как он выражается, строить новый дом. А начинать многое пришлось, в сущности, с нуля.

— Главное, — говорил своим помощникам комбат, — создать коллектив.

Это была нелегкая задача. Побеседовав почти со всеми солдатами, сержантами, прапорщиками, особенно в той роте, где случилось ЧП, майор Запровальный выяснил, что основной причиной прежних бед являлось попрание уставных требований, и прежде всего в отношениях военнослужащих между собой. Люди годами не слышали от офицеров нормальной речи, лишь окрики, подкрепляемые нередко матюками. На этой почве возникали конфликтные ситуации, случались и происшествия. Их всячески скрывали, посылая наверх успокоительные реляции, победные рапорты.

Майор Запровальный сделал для себя тогда единственно верный вывод: надо вернуть людям веру в устав, а стало быть, в законность и справедливость. И начал новый командир с себя, отдавая все силы перестройке жизни и службы личного состава. Полнеющий, даже несколько грузноватый, он оказался на удивление подвижным, энергичным. Уходил домой после отбоя. Часто, особенно в караулы, наведывался ночью. Соблюдение распорядка дня, подготовка и проведение занятий, инструктаж войнов, заступающих на боевую службу, бытовые условия в караульных помещениях — эти и многие другие вопросы были постоянно в центре его внимания. Часто и сам включался в работу, учил, помогал, советовал, а главное — приучал молодых офицеров и прапорщиков к самостоятельности, личным примером показывал, как надо строить отношения с подчиненными. Все это делалось с уставом в руках.

— Устав, — разъяснял он офицерам, — не противоречит человечности. Наоборот, всем своим духом утверждает ее, несмотря на кажущуюся суровость требований. Солдата угнетает не столько эта суровость, сколько несоблюдение уставных норм, особенно в части, касающейся взаимоотношений военнослужащих. У нас же иные на-

чальники считали: чем громче окрик, чем солнее слово, тем выше требовательность. В прошлом, случалось, любители брать горлом, а не трудом пользовались авторитетом и поддержкой у начальства, даже строили на этом карьеру. К счастью, те времена уходят, ныне все больше растут в цене профессионализм, организаторский талант, человечность, близость к людям, забота об их повседневных нуждах.

Кстати, о заботе. На нее комбат сделал особую ставку. Перечисляя все, что ему уже удалось, Сергей Иванович по привычке загибает пальцы. И по каждому пункту дает пояснения. Хотя и без них видно сделанное. Зайдите в казарму, на первый взгляд все здесь по уставу. И вместе с тем чувствуется какая-то домашность. Поражает обилие цветов — они и на подоконниках, и на тумбочках, и в специально изготовленных кашпо на стенах. Ухаживают за ними, кроме дневальных, все солдаты — у многих имеется свой любимый цветок. У каждой кровати — коврик, ночные тапочки.

БАТАЛЬОН, как и всякое подразделение внутренних войск, предназначен для боевой службы. Половину всего времени воины проводят в караульных помещениях. Угнетает постоянное нервное напряжение, да и сама обстановка. На такой почве и стрессы возможны. Как избежать их? Помогает опять же забота о людях. В «караулке» уютная спальня, библиотечка интересных книг, свежие газеты, журналы, настольные игры для бодрствующей смены. Есть и телевизор. Рядом с караульным помещением небольшая теплица. Зреют огурцы, помидоры, зеленеет лук... Свободен от службы — можешь при желании и с разрешения начальника караула зайти, прополоть грядку, полить растения. Хорошая разрядка. Снял усталость — легче снова заступать на пост. Заметна прибавка к солдатскому столу.

Приятно было Сергею Ивановичу наблюдать, как оттаивают солдатские сердца, веселеют глаза, как меняется отношение людей друг к другу. В нем все больше чувствуется теплоты, уважительности, доброты. Рассказывая об этом, комбат приводит совсем свежий пример. Провинился на посту рядовой Фомичев. Были беседа у командира, выяснение, суд общественности. Не было лишь одного — разноса, оскорбляющего личность провинившегося. Все проходило в спокойной, но очень требовательной обстановке. И солдат понял: ему желают добра, надо служить по совести.

По совести... Именно к солдатской совести, сознанию обращается комбат в работе с людьми. Служил в батальоне сержант Александр Бердюгин. Толковый командир. Но имел одну слабость — проделки земляков покрывать. Сам он челябинский, до армии на тракторном заводе трудился. Узнав об этом, Сергей Иванович собрал уральцев и говорит:

— Что ж это вы, товарищи, земляка своего и командира подводите? Допускаете нарушения и вынуждаете его на сделку с совестью идти, выгораживать провинивших-

32

ся? Нехорошо получается, други мои, не по-мужски. Уральцы всегда отличались честностью, правдивостью. И мне за вас просто стыдно. Выходит, если я ваш земляк, значит, должен поблажки делать? Мне кажется, следовало бы, наоборот, земляка поддерживать отличной службой, примерным поведением. Скажем, так, как это делают свердловчанин Михаил Калашников, челябинец Дмитрий Синюков, Александр Сартаков из Кургана... Вот это, действительно, по-нашему, по-уральски...

Постепенно входила в нормальную колею и боевая учеба. Майор Запровальный старался не пропустить ни одного выезда в учебный центр, куда поочередно направлялись подразделения после возвращения с боевой службы. Всю неделю там шли с ними занятия: отрабатывались строевые приемы, упражнения боевых стрельб, тактические действия в бою, тренировки на штурмовой полосе. И всюду попевал командир батальона — инструкторов офицеров и сержантов, участвовал в обучении солдат. Вместе с ними ходил в атаку, в рукопашные схватки. По ходу разъяснял значение физической подготовки. А она для солдата, несущего службу в карауле, нужна не менее, чем в бою. Здесь порой возникают такие ситуации, что выручить могут только сила, ловкость, быстрая реакция.

Батальон вышел в передовые, можно бы и угомониться. Однако по-прежнему нет спокойствия на душе у комбата. Новые заботы одолевают его. Недавно пришло пополнение. Значит, много придется начинать сначала, постепенно вводить молодых в строй, следить, чтобы в среде тех, кто прослужил год, не зародилось успокоение, а еще хуже — высокомерие, которое может обернуться пресловутой «дедовщиной». Чтобы не допустить этого, путь один — работа, работа, работа. А тут, как назло, не все еще офицеры готовы к такому испытанию. Особенно молодые. Как тот же Волков.

Опять Волков! Дался тебе этот лейтенант. Разве не достаточно того, что вопрос о нем уже решен: уволить. Не желает служить — и не надо. С глаз долой — из сердца вон. Но почему-то не получается так. Не покидает майора какое-то затаенное чувство своей вины. Может, правда, не сумел подобрать ключа к этому молодому офицеру, не всегда был к нему справедлив? Молодежь нынче слишком чувствительная пошла. Со старым аршинном подходить к ней глупо и опрочметчиво. Кажись, неважный из тебя воспитатель получается, Сергей Иванович. Не то что отец...

«Для каждого находил нужное слово... умел будить у человека светлые мысли и чувства», — пришли на память слова листовки, рассказывающей о лейтенанте Иване Григорьевиче Запровальном, которую сын хранит как самую дорогую реликвию. «А как я?» — Сергей Иванович долго смотрит немигающими глазами в темноту и сам себе признается: сравнение не в его пользу. Однако какой-то внутренний голос подсказывает: «Но ты, отец, был политработником. Тебе по должности полагалось быть таким». — «А разве командиру близость

к людям мешает?» — «Случалось, мешала. Приблизить человека, а он норовит из этого свою выгоду иметь». — «И много таких встречалось?» — «Один, точно, был». — «Вот видишь, только один. Нельзя же судить по одному обо всех. Подозрительность и попытка держать людей на дистанции отчуждает командира от подчиненных. Они это чувствуют и стараются не попадаться на глаза». — «Понимаю. Надо эту дистанцию сокращать». — «И получается?» — «Кажется, да». — «Молодец!»

Наконец похвальное слово услышал. А то получается, что все у нас, сыновей, хуже, чем было у отцов. Но в чем-то должно быть сходство. Скажем, в готовности не дрогнуть в решительную минуту. О тебе, отец, все известно: не дрогнул, не струсил, боролся до конца. А вот Толе довелось не раз смотреть смерти в глаза: мой брат, а твой сын старший лейтенант Анатолий Запровальный целый год воевал в Афганистане. Вертолетчиком. Что это значит, у нас знает каждый, даже школьник. Правда, сам он скромничает, не любит распространяться насчет своих заслуг. Но боевые его друзья утверждают, что под душманскими пулями и «Стингерами» вел себя достойно, награжден медалью. «За боевые заслуги» просто так не дают.

— Что касается меня, — говорит Сергей Иванович, — то мне в таких переплетках бывать не довелось. Были, правда, довольно скромные эпизоды. Возвращаюсь однажды со сменившимся караулом в военный городок. Замечаю вдруг краем глаза, как из магазина, что на перекрестке двух безлюдных улиц, пулей вылетает здоровенный мужчина, а вслед за ним женщина в белом халате. Очевидно, продавщица. Машет мне: остановись. Говорю шоферу: «Притормози». Тут и выясняется, что тот мужчина ограбил кассу магазина.

«Сержант Гриб, — приказываю командиру отделения, — задержать грабителя!» Солдаты выскочили из кузова и кинулись вдогонку за беглецом. Я вслед за ними. Не успел он свернуть за угол, как мы настигли его. Думали, начнет сопротивляться. А он остановился и спрашивает:

— Чего гонитесь за мной?

— Пройдете, гражданин, в милицию, там узнаете.

— Можно и в милицию. Только, боюсь, влетит вам, пинкертоны.

Глаза такие нахальные. На секунду мелькнула мысль: может, и вправду гонимся за ним зря. Влипнем в историю. Но тут меня, как говорится, осенило.

— Товарищ сержант, — командуя снова Николаю Грибу, — ну-ка, пройдите назад вдоль тротуара и хорошенько палисаднички осмотрите. А мы тут с гражданином подождем.

Не прошли солдаты и тридцати метров, как нашли за забором выброшенные грабителем финский нож и пачку денег — почти четыреста рублей.

...Засыпая, но еще видя улывающий и растворяющийся в ночи образ отца, Сергей Иванович умиротворенно подумал: «А Ванюша, твой внук, уже фуражку мою примеряет»...

«...депортации в Прибалтике»

«В Москве заново сейчас переписывается история КПСС. У нас, к сожалению, этих белых пятен, кровавых пятен было не меньше, а еще больше, наверное... Если в Москве могут сказать, что мы сами все это делали, то у нас, к сожалению, это делалось часто чужими руками».

Юстас Палецкис, заведующий идеологическим отделом ЦК Компартии Литвы.

ИТАК, сын первого президента Литовской Советской Социалистической Республики недвусмысленно намекает сегодня, что многие трагические страницы истории его народа написаны «чужими руками». Чьими же? Судя по позиции Палецкиса, нетрудно дать ответ на этот вопрос. Именно его, ответственного работника ЦК КП Литвы, росчерк стоит под нахмувленной Декларацией о суверенитете Литвы (подписана в Швеции на острове Готланд), рядом с подписями пресловутых Герляцкаса — главы «Лиги свободы Литвы» и Бобялиса, возглавляющего «Комитет освобождения Литвы». Так вот, есть в Декларации одна строчка: «Прослушав сообщение о теперешнем положении оккупированной Советами Литвы...» Правда, Палецкис утверждает, что в оригинале Декларации на литовском языке слов «оккупированной Советами» нет. Но ведь в оригинале подписанного им документа на английском они, эти-то слова, есть! Вывод напрашивается сам собой.

Суждений, подобных высказанному Палецкисом, сегодня и в прибалтийских кругах массовой информации, и на митингах местных народных фронтов, других неформальных организаций высказывается немало. Часто затрагивается тема выселений из республик в пред- и послевоенные периоды. И как во многих других случаях, оценки «депортациям в Прибалтике» даются тенденциозные, хотя сами по себе акты несправедливости, беззакония в отношении некоторых народов заслуживают решительного осуждения.

УСТАНОВЛЕНИЕ Советской власти во всех Прибалтийских республиках произошло без кровопролития. При отсутствии частей Красной Армии не позволило местной буржуазии развязать сопротивление, но вовсе не исключало этого. Национализация фабрик, заводов, земельной собственности, торговых предприятий, банков стала причиной острой конфронтации их владельцев с государственной властью, и это вряд ли кто в состоянии отрицать. То, что удалось избежать казалось бы неминуемой гражданской войны, разведших, как известно, в России после октября 1917-го эксплуататоров и эксплуатируемых по разные стороны баррикады, создало неординарную обстановку в республиках.

В этих условиях правомерно поставить вопрос, какую позицию должны были занять бывшие эксплуататорские классы и выразители их интересов во всех сферах государственной и общественной жизни? Ответ однозначен: подавляющее большинство заняло враждебную позицию по отношению к Советской власти и собственному народу. Только на территории Эстонии в 1940—1941 годах было разгромлено много контрреволюционных групп, обезврежено около 1 000 агентов зарубежных государств. В Таллине находился прибалтийский филиал «Русского общевоинского союза» (РОВС), которым из Берлина руководил генерал фон Ламке, подобные враждебные народной власти организации действовали и в других местах.

Чтобы ослабить остроту противостояния

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Но оказалось немало и таких, кто во время оккупации Прибалтики безжалостно расправлялся с партизанами, своим же народом. Они-то и не захотели сложить оружие, а стали терроризировать граждан. Жертвами зверств «лесных братьев» в Латвии стали 3 000 человек, причем 140 семей были уничтожены полностью. Последняя расправа с ни в чем не повинными людьми на территории Литвы относится к 1956 году. В Эстонии с 1940 по 1950 год был зарегистрирован 1 861 бандитский акт, в том числе 15 диверсий, 21 нападение на исполкомы и сельские Советы, 628 вооруженных разбоев, 755 вооруженных нападений на хутора и граждан. За это время ликвидировано 663 вооруженных отрядов и групп, арестовано 5 680 человек. Можно привести немало типичных примеров. Вот один из них.

Винни Як Августович, 1902 года рождения, с незаконченным высшим образованием, переведен в Красную Армию из эстонской буржуазной армии в сентябре 1940-го, старший лейтенант. Проходил службу в 182-м отдельном разведбатальоне в должности начальника хозяйственной части. В июне 1941 года во время передислокации из Эстонии в тыл Союза в районе города Выру дезертировал и скрывался в лесах Таргумасского уезда, а 9 июля 1941-го прибыл в город Эльва, где был назначен оккупантами комендантом города и служил в должности до 2 августа 1941-го. Членами «Омакайтсе» и немецкой полиции в городе было арестовано 150 советских граждан, 35 из них расстреляно.

Как комендант города, для контроля три раза присутствовал в проводимых членами «Омакайтсе» и немцами расстрелах советских граждан. В его присутствии были расстреляны 12 человек, из них двоих он застрелил лично, в том числе бойца истребительного батальона.

Жертвами зверств «лесных братьев» в Латвии стали 3000 человек, причем 140 семей были уничтожены полностью.

В октябре 1941 года Я. Винни поступил на службу в немецкую армию, где до марта 1944-го в чине старшего лейтенанта служил в должности командира роты в эстонском полицейском батальоне. Со своей ротой шесть раз участвовал в облавах на партизан на территории Ленинградской области. За это время его подчиненными было убито и ранено 40 партизан. С марта по сентябрь 1944 года в чине капитана служил командиром батальона эстонского пограничного полка. В районе Нарвы участвовал в боях против Красной Армии. С октября скрывался в лесах вместе с изменником Родины Паас Карлом...

Теперь мы подошли к вопросу о том, могли ли «лесные братья» после освобождения территории республики от гитлеров-

цев самостоятельно так долго продержаться? Ответ здесь однозначен. Нет, не могли. Что же составляло ту питательную почву, которая так долго позволяла им терроризировать население республик? Это были прежде всего семьи бандитов, осужденных изменников Родины, националистов, участников белоповстанческих и карательных отрядов, полицейских, немецких пособников, кулаков. Немало из тех, кто скрывался в лесах, втягивали в свою орбиту родственников, знакомых, которые не только прятали бандитов, обшивали, обстирывали, кормили и лечили их, но и вели разведку, непосредственно предшествовавшую бандитским нападениям на сельские Советы, магазины, склады, почтовые отделения, сберегательные кассы, аптеки...

Подрыв базы бандитских формирований в послевоенное время начался, когда на основании распоряжения НКВД СССР от 16 июня 1945 года за пределы республик были вывезены семьи лиц немецкой национальности, главарей и активных участников банд.

В последующее время, вплоть до 1952 года, на основании постановлений Советов Министров всех Прибалтийских республик, по утвержденным Советами Министров республик спискам в ходе операций выселялись семьи пособников бандитов-кулаков и националистов.

Списки подлежащих выселению составлялись на основании решений исполкомов сельских Советов. Включение в эти списки являлось инициативой местной власти.

Основная причина выселения не может сводиться, как это пытаются преподнести сегодня в республиканской прессе в Прибалтике, только к тому, что это были самостоятельные хозяева (читай кулаки) или просто семьи «борцов» за независимую Эстонию (Латвию, Литву). Необходимость депортаций коренилась в существовании в то время подпольного бандитствующего националистического движения. Другого пути покончить с массовым бандитизмом в тех условиях не было.

Массовые депортации тех лет лишали бандитов социальной базы, заставляли выходить из схронов, как говорится, на свет божий для поисков продовольтствия, медукаментов... В осенне-зимнее и весеннее время следы невозможно было замаскировать, что позволяло выявить районы базирования и нанести решительный удар по всему националистическому бандитскому подполью.

По данным периодической печати, в основном совпадающим с официальными, из всех трех республик с 1941 по 1952 год было выселено на различных основаниях граждан многих национальностей (а не только эстонцев, латышей и литовцев) 210 тысяч человек. И конечно же, были среди них те, кто пострадал необоснованно.

Процесс пересмотра дел на выселенных за пределы республик начался с 1957 года. В частности, комиссия Президиума Верховного Совета Литовской ССР и Совета Министров Литовской ССР до 23 ноября 1964 года принимала решения об освобождении лиц из спецпоселений; о раз-

решении вернуться и проживать в Литовской ССР; о признании выселения необоснованным с возвратом конфискованного имущества. За это время было признано необоснованным выселением в 1941—1952 годах примерно 10 тысяч человек. Впоследствии дела на переселенцев, кроме кулацких семей, принял к рассмотрению Прокурор Литовской ССР. К настоящему времени все дела на выселенных из пределов республики пересмотрены, а общее количество реабилитированных составило около 10 процентов от всех подвергшихся этой акции. Возвратилось и проживает на территории республики около 60 тысяч человек. Некоторые бы и хотели поехать на родину, да не могут, ибо еще живы родственники тех, кто от них пострадал и во время войны, и после нее.

Проблема высланных на спецпоселение рассматривалась и в других Прибалтийских республиках, поэтому новой ее называть нельзя, в том числе и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев». В соответствии со статьей 1 Указа снимались ограничения со спецпоселенцев и они освобождались из-под административного надзора органов МВД. Это распространялось на бывших пособников националистических подпольных формирований и бывших кулаков, а также членов их семей, членов семей бывших помещиков, фабрикантов, торговцев, руководящих деятелей бывших буржуазных правительств.

Устанавливалось, что возвращение спецпоселенцев к прежним местам жительства допускалось только с разрешения исполкомов местных Советов, с территории которых они были высланы.

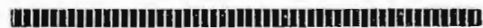
С 1988 года во всех Прибалтийских республиках начался новый этап реабилитации граждан. Принятыми законами о внесудебных массовых репрессиях в 1940—1950 годах полностью и безоговорочно осуждаются внесудебные массовые репрессии, совершенные в эти годы, и реабилитируются все лица, высланные на спецпоселения. Что это означает на практике? Это означает, что безоговорочной реабилитации подлежат следующие категории граждан: семьи бандглаварей и активных участников банд, семьи кулаков и бандпособников, вывезенные за пределы республик по распоряжению НКВД СССР от 16 июня 1945 года и на основании постановлений Советов Министров Прибалтийских республик от 1949 и 1951 годов.

Необходимость и правомерность такого подхода к действительно невинно пострадавшим от репрессий лицам вряд ли может вызывать сомнение. Однако огульная реабилитация всех высланных не может способствовать восстановлению исторической правды, а тем более справедливости.

В соответствии с принятыми недавно Советами Министров республик постановлениями (независимо от органов, применявших репрессии, и времени реабилитации) всем возвращается имущество, возмещается причиненный материальный ущерб, а

в случае невозможности возвращения имущества выплачивается компенсация.

При всем этом неясным остается вопрос, кто возместит материальный ущерб лицам, пострадавшим от «лесных братьев» и их пособников, а также тем, кто батрачил на семи помещиков и кулаков, создавая своим трудом ценности, которые теперь возвращаются или компенсируются их бывшим хозяевам?

Сегодня в Прибалтийских республиках во всех бедах, связанных с массовыми репрессиями, обвинения высказываются в адрес русских, украинцев, белорусов, хотя первичные документы, послужившие основанием для ареста и выселения, написаны на эстонском, литовском, латвийском языках.

Еще больший парадокс в том, что тех, кто воевал в легионах СС, был платным агентом гестапо, чиновником оккупационного управления, занимался бандализмом в послевоенные годы, на наших глазах превращают в борцов-антифашистов, в истинных патриотов, сражавшихся за свободу Латвии, Литвы и Эстонии. За словами следуют дела. Возьмем, к примеру, общество охраны памятников истории и культуры в Эстонии. Само название общества вряд ли у кого может вызвать сомнение, а вот цель его заслуживает того, чтобы ее назвать: восстановление памятников павшим в освободительной войне, сбор средств для увековечения памяти «лесных братьев». Сами же исторические памятники архитектуры их заботят меньше всего.

В настоящее время в Прибалтийских республиках во всех бедах, связанных с массовыми репрессиями, обвинения высказываются в адрес русских, украинцев, белорусов... Однако если посмотреть на первичные документы, послужившие основанием для ареста и выселения, все они написаны на эстонском, литовском, латвийском языках. И вовсе не случайно даже при наличии специального допуска к архивным делам реабилитируемых спецпоселенцев, не говоря уже о делах «лесных братьев», под всякими предлогами не допускаются исследователи некоренной национальности.

Напряженная обстановка в республиках Прибалтики не может продолжаться до бесконечности. Рано или поздно определенность восторжествует. Хотя трудно предсказать развитие дальнейших событий. Но сегодня есть над чем задуматься людям, для кого Советская власть сделала многое.

С. КУЗЬМИН, кандидат юридических наук.

НАШ ПЕРВЫЙ КОНКУРС

ИДЕЯ конкурса войсковой песни в Оршанско-Хинганском Краснознаменном Центральном УВВ родилась давно. Обидно нам стало: Всесоюзный конкурс «Когда поют солдаты» проводится не только среди воинов Вооруженных Сил, но и с участием представителей дружественных армий, а военнослужащие внутренних войск, к сожалению, в нем были представлены, кажется, лишь один раз. Вот и решили комсомольцы организовать свою встречу с песней.

Конкурс намечено было разделить на два этапа. Первый — непосредственно в подразделениях и частях. Победители затем должны были съехаться в Москву. Как все устроить — организаторы толком не представляли. Опирались на когда-то увиденное и услышанное на КВН, в других молодежных программах.

Первый «блин комом» получился уже в частях. Как выяснилось, во многих подразделениях первый тур организовать не удалось: подвело отсутствие

опыта на местах. И вышло так, что путевки в Москву достались практически «без боя» всем пожелавшим участвовать активистам художественной самодеятельности...

О своей готовности соревноваться заявили шестнадцать индивидуальных исполнителей и четыре группы. Оговорили заранее количество исполняемых произведений — по два. Тематика их могла быть самой разнообразной, но большинство тяготело к военным, преимущественно «афганским», патриотическим песням. Правда, рядовой Андрей Скиба в дуэте с капитаном Анатолием Филиповским представил песню собственного сочинения «Случилось так...» Солдат посвятил ее конфликту двух братских республик — Армении и Азербайджана, и благодаря злободневности текста, простоте и современному звучанию музыки она стала гвоздем конкурсной программы.

Второе место среди индивидуальных исполнителей занял семейный дуэт Шу-

стиковых — папа, майор Игорь Шустиков, и сын, Максим. Первую песню пел глава семьи, называлась она «Геройский взвод». Затем на сцену в казацком костюме вышел Максим, и Шустиковы вместе исполнили «Казачью песню» Александра Розенбаума. Аплодировали им от всей души.

Обратил на себя внимание и старший лейтенант Олег Тен. В его исполнении на конкурсе прозвучали две авторские песни: «Там, за горами» и «Разговор с солдатом».

Среди вокально-инструментальных ансамблей первенствовала группа под руководством прапорщика Владимира Титова. В ее составе была даже флейтистка — рядовой Ирина Шлыкова, единственная женщина среди участников конкурса. Но секрет успеха коллектива, конечно же, не только в этом. Слаженно, я бы сказал, профессионально исполнили войны песни: «Солдаты не уходят от любимых» и «Сон» (авторы подполковник Владимир Миткеев и прапорщик Владимир Титов). Неплохо звучала и аппаратура, отрегулированная «под себя» группой Титова.

Кстати, о музыкальном сопровождении. Еще до начала конкурса мы разговаривали с Владимиром, и он высказал недовольство:

— Если бы мы знали, что здесь такая аппаратура, привезли бы свою!

— А что у вас за аппаратура?

— Отечественная, конечно. Но наполовину собранная своими руками. Звучит гораздо лучше этой...

Упреки в адрес организаторов во многом справедливы. Хотелось, конечно, исполнителям, приехав в столицу, работать на более качественных инструментах, нежели те, что имелись в местных клубах. Возможно, в будущем положение несколько улучшится.

Конкурс солдатской песни Центрального управления войск стал событием в жизни воинов. Некоторые накладки были, не без этого, но в целом все прошло успешно. Солдаты и сержанты рассчитывают видеть эти конкурсы не изредка и не вдруг, они верят, что у них в УВВ родилась хорошая традиция.

А не организовать ли нам всесоюзный конкурс по всем войскам? Вопрос этот, по-видимому, надо адресовать представителям Политического управления, отвечающим за работу с комсомольцами и молодежью.

Д. ПОЛТАВСКИЙ.

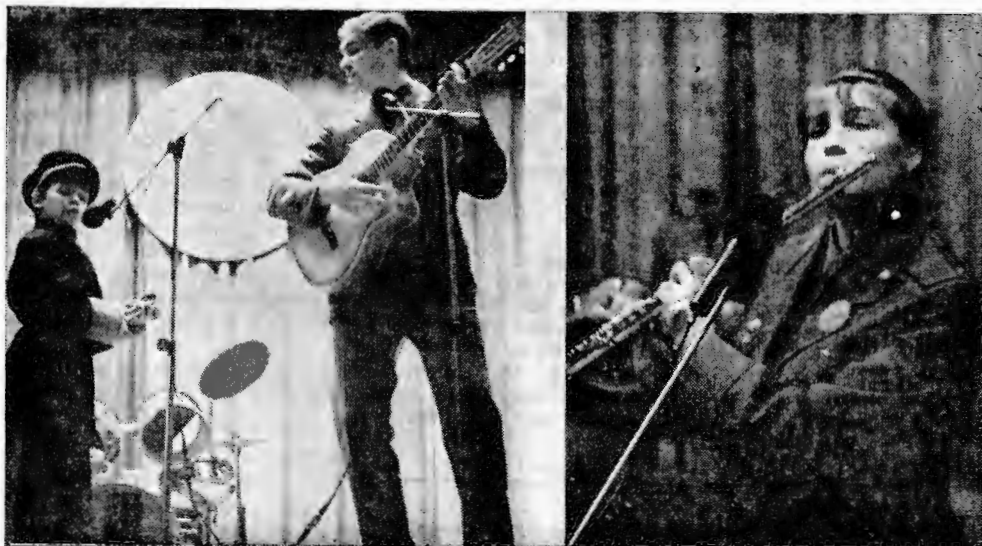
ОТ РЕДАКЦИИ. Редакционная коллегия поддерживает инициативу молодежи Оршанско-Хинганского Краснознаменного Центрального управления внутренних войск. Редакция намеревается стать одним из организаторов такого конкурса. Готовы учредить специальный приз журнала «На боевом посту».

Победители — вокально-инструментальная группа под руководством прапорщика В. Титова.

Семейный дуэт Шустиковых.

...И флейты нежный звук (солирует Ирина Шлыкова).

Фото рядового А. Хамидходжаева.

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ, УМЕЙ...

ПИТАТЬСЯ

«Говорят, живет в г. Шахты Надежда — так и зовут, просто по имени. И тем она замечательна, что учит людей правильно питаться. Те, кто следуют ее советам, преображаются на глазах: диабетики за два месяца становятся здоровыми, голстяки сбрасывают полноту и вместе с ней букет своих недугов. Как она это делает? Расскажите, ведь и мы хотим быть здоровыми.»

Пропорщик В. САВЕЛЬЕВ».

«ЗДОРОВЫЙ образ жизни — это единственный способ не болеть», — утверждают энтузиасты. Привлекает внешняя простота предлагаемых методов: никаких лекарств, правильное употребление пищи, регулярные систематизированные движения — это посылно каждому, естественно, как сама жизнь.

Надежда Алексеевна Семенова тоже шла от жизни, от ее изначальных основ. Выслушав в 39 лет приговор медиков: безнадежна, она пустилась в поиски способа избавления от болезней. Инженер-пищевик по образованию и роду работы (в недавнем прошлом), она левольно исходила из представления о человеческом организме как о некоем устройстве, которому пища дает возможность работать, но одновременно может и повредить, если будет поступать в неверных сочетаниях ее составных частей.

Продукты белкового характера (мясо, рыба, бульоны, яйца, бобовые, грибы и т. д.) вызывают в желудочно-кишечном тракте выделение ферментов кислой реакции, а продукты, содержащие преимущественно углеводы (хлеб, картофель, сахар, крупы и т. д.), — ферментов щелочной реакции. При совместном употреблении этих продуктов кислоты нейтрализуются щелочами, и углеводы и белки недопереваренными продвигаются в желудочно-кишечный тракт. Часть их пленкой «накипи» оседает на стенках кишки и замуровывает каналы пищеварительных желез, по которым должны поступать необходимые для пищеварения ферменты. А основная часть непереваренной пищи в виде обезвоженных законсервированных каловых камней, способных храниться

долгие годы, скапливается в складках-карманах толстой кишки. Всасывающая поверхность кишечника, у взрослого человека превышающая 300 м², становится источником засорения, токсикации крови.

При совмещенном приеме пищи во много раз повышается и расход пищеварительных соков по сравнению с тем, который понадобился бы в соответствии с химическим составом пищи. Это хроническое превышение нагрузок на железы зедет к их преждевременной неспособности обеспечивать пищеварение. Так, например, возникает сахарный диабет.

Как этого избежать? Выход один — раздельное питание. Углеводный стол должен быть отделен от белкового и наоборот минимум на два-три часа. За это время желудок, работающий в оптимальном режиме, производит первичную кислотную обработку белков или пропускает углеводные продукты со щелочными ферментами слюны, и пищевой комок эвакуируется в двенадцатиперстную кишку и дальше.

В отдельную группу Н. Семенова, в соответствии с теорией Шелтона, выделяет живые продукты, т. е. продукты, не подвергнутые тепловой обработке и поэтому сохранившие в себе не только питательные вещества, но и ферменты для их расщепления. Это зелень, фрукты, сухофрукты, ягоды, свежие соки, арбузы и т. п. Эти продукты помогают нам усваивать и белки, и углеводы, и поэтому совместимы и с теми, и с другими.

Особое место занимают дыня и молочные продукты. Они не терпят никакого совмещения.

ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ

Дыня — продукт-санитар, способствующий очистке желудочного тракта, и при неправильном использовании может вызвать рвоту или понос.

Молоко и молочные продукты не только не совместимы с другими продуктами, но и непереносимы для большинства людей, теряющих с возрастом способность расщеплять основные его составляющие — казеин и лактозу. В этом, согласно «Теории адекватного питания» академика А. М. Уголева, причины большинства энтерологических заболеваний и нарушений обмена веществ.

Соотношение используемых в пищу продуктов можно показать в следующей схеме (см. рис. на с. 62).

Эта схема — ключ к нашему здоровью! С ее помощью каждый может составить свое меню, не допуская при этом опасного для здоровья совмещения белков и углеводов. Можно использовать и консервированные овощи и фрукты: кислые предпочтительно к белкам, сладкие — к углеводам.

Жиры применяются всюду — по вашему вкусу. И все же предпочтительны растительные.

Однако раздельное питание будет менее эффективным, если предварительно не вывести из организма все, что, как на свалке, копилось годами.

ПРОМЫВАНИЕ КИШЕЧНИКА

Столовую ложку лимонного сока (не заменять лимонной кислотой) влить в два литра охлажденной кипяченой воды. Вместо лимонного сока можно использовать яблочный уксус: 2 ст. ложки на 2 л воды. Для промывания использовать кружку Эсмарка. Положение — на локтях и коленях. Вдыхать ртом, живот расслаблен. Биологический час кишечника определяет оптимальное время для процедуры — с 5 до 7 утра, но для удобства можно проводить и вечером, перед сном по следующей схеме:

1-я неделя — ежедневно;

2-я неделя — через день;

3-я неделя — через 2 дня;

4-я неделя — через 3 дня;

5-я и всегда — один раз в неделю.

Промывание помогает избавиться от первопричины многих нарушений в обмене веществ, а также от геморроя.

Одновременное с промыванием раздельное питание устраняет всякие гастроэнтерологические болезни, диабет, гипертонию, холецистит.

Как часто, не задумываясь, человек употребляет лекарства, молоко, дрожжевое тесто, а ведь при этом кишечник обильно заселяют чужеродные микроорганизмы — конидии, стафилококки, дрожжи. Они внедряются в слизистую пищеварительных путей, питаются нашей кровью. Их выделения часто ядовиты и опасны для жизни человека. Врачи, как правило, диагностируют: дисбактериоз.

БОЙ ДИСБАКТЕРИОЗУ

В течение недели-двух каждый день съедать зубок чеснока (без хлеба) утром натощак за час до еды и зубок вечером через два часа после еды.

Признаком исцеления будет прекращение вслучивания желудка после приема пищи. Процессы брожения перестанут мучить человека.

Не надо бояться возникающего нередко жжения в пищеводе и желудке. Так и должно быть в особо запущенных случаях: убивая паразитов, сок чеснока всасывается в обнажившиеся ранки и вызывает жжение. Не исключено усиленное сердцебиение. Ведь чеснок — единственный продукт, содержащий в себе растворенный германий, укрепляющий «пружинную» систему всех наших клапанов.

Для восстановления уникального ферментативного гормонально-секреторного аппарата слизистой желудочно-кишечного тракта Н. Семенова рекомендует настой из овса: «Овес (зерна) промыть, просушить, смолоть. Засыпать в термос 2 ст. ложки молотого овса и залить 0,5 л кипятка. Настаивать 3—4 часа». Такой настой хорошо использовать при лекарственных аллергиях, анемии, диабете, пониженной кислотности, нарушенной перистальтике, хронических болезнях легких.

Почти как фантастику воспринимаешь простые с виду способы очистки суставов, печени, почек, лимфы, крови, сосудов, предлагаемые Н. Семеновой. При этом она не устает напоминать: этапы очистки тела надо проводить последовательно и ни один не начинать, не проведя очистку кишечника указанным выше способом. Ни в коем случае не применять для этого слабительные средства. Почему? Они вызывают нарушение водного баланса крови. В кишечник как бы стягивается влага прежде всего из стенок кишечника. К тому же освобождается в этом случае только срединная часть кишечника. Пристенные же залежи непереваренной пищи еще более обезвоживаются, как бы прикипают к стенкам и могут вызвать трещины в кишечнике.

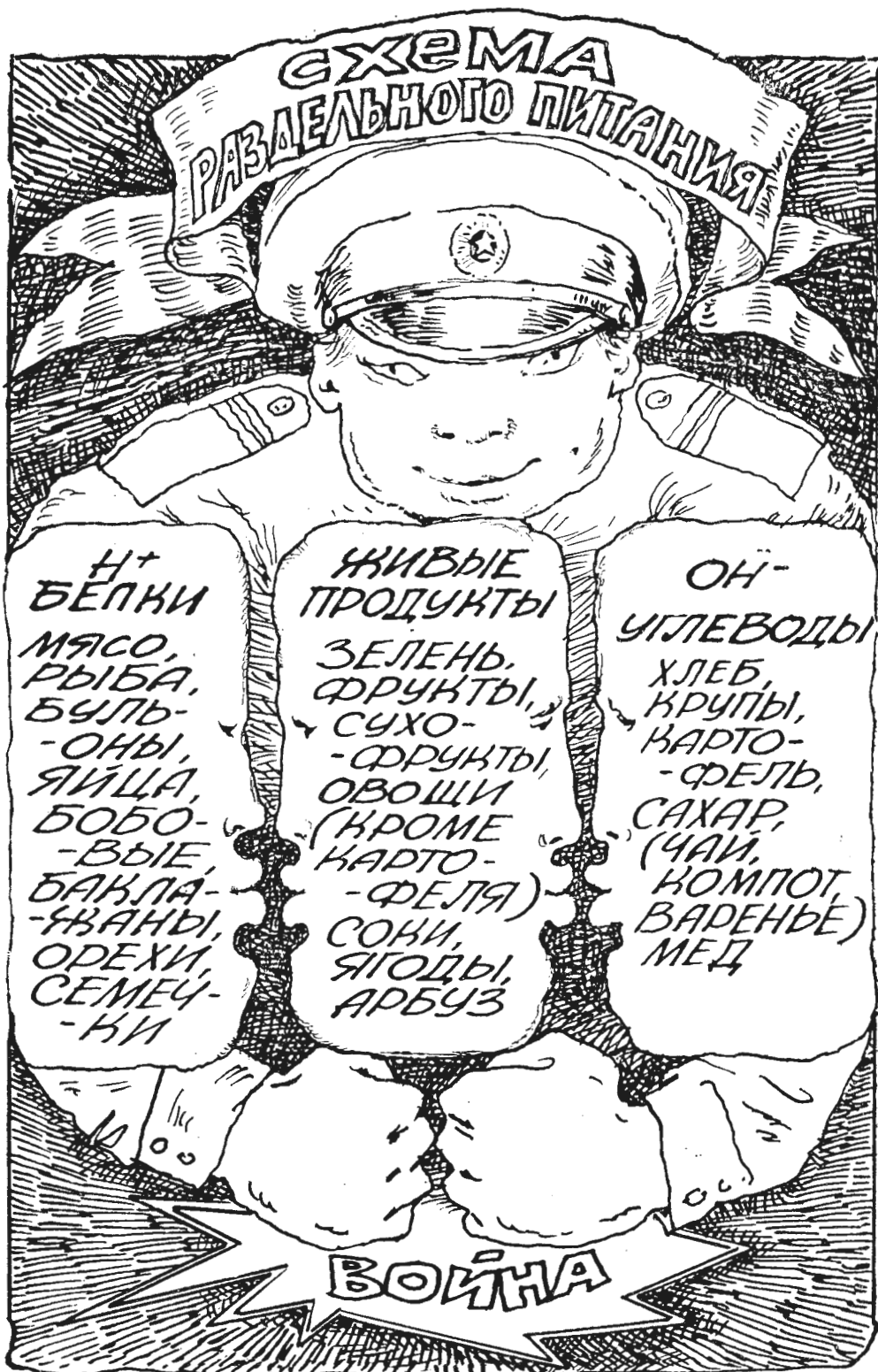
Вот методы, которые использует Н. Семенова, выбрав их из множества народных рецептов.

ОЧИСТКА СУСТАВОВ

Прокипятить 5 г лаврового листа в течение 5 мин. в 300 мл воды. Отвар настаивать в термосе 3—4 часа, затем процедить и пить с перерывами маленькими глотками на фоне общего питания в течение 12 часов (все с разу ни в коем случае нельзя, чтобы не спровоцировать кровотечение). Процедуру повторять 3 дня. Через неделю — еще такой же трехдневный курс. В первый год такую очистку проводить раз в квартал, в последующие — раз в год.

Кстати сказать, при неочищенном кишечнике очистка суставов может вызвать сильную аллергию.

Н. Семенова испытала на себе, что это лечение эффективно при отложениях солей в суставах, снимает погодные боли, суставную усталость. Ведь врачи, ставившие ей диагноз «ревматизм» (были поражены суставы и сердце), потом разводили руками: «Ошиблись в диагнозе...» В первый же год использования раздельного питания и очистки суставов она смог-

ЗАПОМНИТЕ! Белки с углеводами не совместимы, употреблять их одновременно — вредно для здоровья. А живые продукты не только совместимы и с белками, и с углеводами, но и помогают их усвоению в организме.

ла увеличить пробежки от 200 м до 2 км, а через два года она пробежала свой первый десятикилометровый марафон. «Бег спасает от диеты», — говорит Н. Семенова. — Десять километров пробежки равносильны одному дню голодания: сжигает все лишнее. Но голод — состояние для человека неестественное, а бег — естественное». Еще через два года она пробежала полный марафон, а потом и стокилометровый. Недавно участвовала в Московском международном марафоне мира.

ОЧИСТКА ПЕЧЕНИ И ЖЕЛЧНОГО ПУЗЫРЯ

Для процедуры приготовить 300 г оливкового масла и 300 г лимонного сока, свежий яблочный сок (в любом количестве).

1-й день — утром натощак промыть кишечник, как рекомендовано выше; весь день питаться яблочным соком (по потребности);

2-й день — повторить то же самое;

3-й день — вновь повторить то же самое, но яблочным соком питаться до 19 часов (именно в это время — час биоритма печени — ее протоки расслабляются и из них выпадает застойная желчь и шлаки). В 19 часов надо лечь в постель, положить на область печени грелку и пять каждые 15 минут масло и сок в следующем порядке: 3 ст. ложки оливкового масла и сразу же 3 ст. ложки лимонного сока. Выпив все 300 г и масла, и сока, можно отдохнуть. Когда начнет работать кишечник, пойдут зеленые билирубиновые камни, пробки холестерина. Выброс шлаков обычно проходит в три приема в течение суток.

Опыт показывает, что те камни, что вызывают дискомфорт в желчном пузыре и заставляют оперироваться, — лишь малая доля всех шлаков, скапливающихся в желчных протоках даже у здорового человека. Поэтому печень требует регулярной профилактики. В первый год можно чистить раз в квартал, в последующие — раз в год.

Опытные хирурги, проверив состав выбрасываемых шлаков, обнаружили, что вместе с печенью и желчным пузырем очищается и аппендикс: выбрасывается все, что копило годами.

ОЧИСТКА ПОЧЕК

Летом в арбузный сезон одну неделю питаться только арбузами с черным хлебом в любом количестве. Наиболее подходящий момент для выведения камней из почек или мочевого пузыря — час биоритма почек, т. е. 2—3 часа ночи. В это время надо принять теплую ванну и тут же есть арбуз. Иногда процедуру приходится повторять 2—3 раза через 2—3 недели до достижения результатов.

Есть еще один способ — с использованием пихтового масла. Понадобится всего 20—25 г масла и сбор трав: зверобой — 50 г, душица — 50 г, шалфей — 50 г, мелисса — 50 г, спорыш — 50 г. В течение недели — вегетарианское питание с приемом чая из смеси трав с медом. На 7-й день за 30 минут до еды выпить 100—150 мл настоя из трав, в котором предва-

рительно размешать 5 капель пихтового масла. Пить через соломинку, чтобы предохранить зубы от разрушения. Прием настоя трав с пихтовым маслом повторять три раза в день в течение пяти дней. Результат очистки обнаружится через несколько дней: в течение месяца и более будут выпадать тяжелые — от песка в них — бурые маслянистые капли.

ОЧИСТКА ЛИМФЫ КРОВИ

Составить смесь по методу доктора Уокера: 900 г сока грейпфрута, 900 г сока апельсина, 200 г сока лимона, 200 г талой воды, приготовленной в холодильнике.

С утра приготовить и выпить раствор: на 100 г воды 1 ст. ложка глауберовой соли. В процессе сильного потоотделения через каждые 30 минут выпивать по 100 г смеси соков с водой. Процедуру повторять три дня подряд.

ОЧИСТКА СОСУДОВ

Приготовить смесь: 1 стакан укропного семени, 2 ст. ложки молотого валерианового корня, 2 стакана натурального меда — поместить ее в термос и долить кипятком до 2-х литров. Настаивать сутки, а затем принимать по 1 ст. ложке за 30 минут до еды.

И вот все виды очистки органов тела выполнены — от прежнего человека остались только фамилия, имя и отчество да природный проект — генный код для формирования тела. И именно теперь очищенный организм сможет с пользой воспринимать полную нагрузку физических тренировок — оздоровительный бег, статическую гимнастику, закаливание холодом и жаром (баня с парной и обливанием), аутотренинг.

Есть только один способ выжить, считает Н. Семенова, — вести свое тело в режим наибольшего соответствия законам природы. Очищенное тело становится относительно чистой электросистемой, которая и создает адекватную оболочку биополя. Тогда можно приступать и к тренировкам по развитию биорадиационной чувствительности, к биоэффектам и их использованию.

Убежденность Надежды Семеновой столь сильна, достижения в освоении оздоровительной системы столь разительны, что у нее появилось множество единомышленников и последователей. В ее родном городе Шахты они объединились в клуб «Здоровье». Овладев описанной выше системой комплексного естественного оздоровления, многие пошли дальше — освоили статическую гимнастику хатха-йога, приемы аутотренинга, акупрессуры, методы мануальной терапии. Костяк клуба — 30—35 человек — занялись упражнениями по развитию биоэнергетической чувствительности рук, а затем стали изучать специальную диагностику и целительство биорадиационным способом.

Сотни людей совершают вместе с Надеждой Семеновой путь к здоровью, вновь и вновь осознавая, что единственное спасение от болезней — путь разума.

С. ЯРОСЛАВЦЕВА.

ГЕНРИХ ЯГОДА-

палач

и жертва

*В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МНОГО
СКАЗАНО О БЕРИИ, ПИШУТ
О «ЖЕЛЕЗНОМ НАРКОМЕ»
ЕЖОВЕ. НО ЯГОДА
ПО-ПРЕЖНЕМУ КАК БЫ
ОСТАЕТСЯ В ТЕНИ. СЕЙЧАС,
КОГДА В НАРОДЕ
ПРОБУДИЛСЯ НЕБЫВАЛЫЙ
ИНТЕРЕС К НАШЕЙ ИСТОРИИ,
ВОЗНИКАЕТ ЗАКОННЫЙ
ВОПРОС: КТО ОН,
ГЕНРИХ ЯГОДА?*

4 ФЕВРАЛЯ 1988 года Пленум Верховного суда СССР по протесту Генерального прокурора СССР отменил приговор в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других «членов» так называемого «антисоветского правотроцкистского блока». Справедливость восторжествовала спустя пять десятилетий. Истории были возвращены добрые имена. Как сообщалось в печати, «в отношении осужденного по этому же делу бывшего наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды протест не приносился».

Как же произошло, что человек, стоявший у истоков создания сталинского репрессивного аппарата, считавшийся его «главным архитектором», начинавший разоблачение «троцкистско-бухаринской банды», сам оказался в ее ряду?

Историк Р. Медведев в предисловии к своей книге «Они окружали Сталина» пишет: «...Отбор людей для управления страной во времена Сталина зависел не только от его прихоти или каприза. Эти люди старались отличиться перед Сталиным и представить ему тот «товар», который был ему нужен...»

Немногие из соратников «вождя народов» прошли этот жестокий «отбор» успешно и долгие годы были его верными помощниками. Значительная же их часть, отработав свою роль на определенных этапах «борьбы с уклонами», вскоре оказалась ненужной. Не удалось быть среди тех немногих «счастливиц» и наркомвнуделу Ягоде...

ГЕНРИХ Григорьевич Ягода родился в конце прошлого века в старинном русском городе Рыбинске. В архивах сохранилась метрическая книга Рыбинской синагоги. В ней под номером девятнадцать за 1891 год имеется запись, свидетельствующая, что у рыбинского мещанина Гирши Фишелевича Ягоды от его законной жены Хасе Гавршлевны седьмого ноября (по христианскому календарю), восемнадцатого марта (по еврейскому) родился младенец мужского пола. Новорожденному дали имя — Генах.

Из этого следует, что настоящее имя будущего наркома было Генах Гиршевич. Со звучное с этим имя — Генрих Григорьевич он взял позже по личным соображениям.

Генах был не единственным ребенком в семье Ягоды. По некоторым сведениям, у него было два брата и пять сестер. Но в метрической книге синагоги обнаружены записи регистраций рождения только старшего брата Михаила, родившегося в 1890 году и сестры Хаи 1894 года рождения. Братья погибли в годы империалистической войны. А сестер репрессировали в 1938 году с родителями.

Генах рос способным и любознательным. Родители старались дать всецело детям необходимое образование, чтобы они могли достичь какого-то положения в тогдашнем обществе. Однако юный Генах рано приобщается к революционной деятельности. Уже в 1907 году, когда ему едва исполнилось шестнадцать, он становится членом партии большевиков. Выполняя различные партийные поручения, активно участвует в подпольной работе в Нижнем Новгороде и Петрограде. Современники помнили его как человека делового, спокойного и аккуратного.

Позже в одной из анкет Ягода указывал, что «...принимал участие в организации Красной гвардии в Петрограде ...в боях на Южном и Восточном фронтах...»

Во время работы в комиссии по демобилизации старой армии Ягода близко сошелся с А. И. Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза. Заполняя в 1933 году анкету бывшего красногвардей-

ца; Александр Ильич писал следующее: «В Петрограде состоял в отряде Красной гвардии... выполнял обязанности командира... Живые свидетели моей... боевой работы тт. Подвойский Н. И., Кедров М. С., Ягода Г. Г., Артузов...»

Эту анкету Егоров заполнял для подачи в комиссию по учету бывших красногвардейцев и красных партизан. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 года этой категории участников революции предоставлялись некоторые льготы и преимущества и выдавались соответствующие удостоверения. Основанием к отнесению лиц к бывшим красногвардейцам и красным партизанам служили письменные свидетельские подтверждения, как правило, двух-трех сослуживцев по отряду или дружине. Для А. И. Егорова оказалась достаточной рекомендация одного Ягоды. Сам же Генрих Григорьевич на вопрос анкеты-рекомендации, имеет ли такое удостоверение сам, ответил так: «К моему большому сожалению, не оформил до сих пор своего участия в Красной гвардии».

В середине 1935 года деятельность секций бывших красногвардейцев была прекращена ввиду того, что изложение ими некоторых вопросов истории революции и гражданской войны не совпадало со сталинской трактовкой...

В 1919 ГОДУ Ягода работает в Наркомате внешней торговли РСФСР. Будучи членом коллегии этого наркомата, являлся одним из организаторов мероприятий по пресечению незаконного ввоза и вывоза товаров и ценностей. Эта работа проводилась в тесном контакте с ВЧК.

По всей вероятности, Ф. Э. Дзержинский видел в нем толкового работника, ценил незаурядные способности и доверял ему. Известно, как решительно Феликс Эдмундович освобождал от сотрудников, недостойных звания чекистов Ягода же вскоре становится членом коллегии ВЧК, одновременно входя в состав такого же органа Наркомвнешторга.

В начале 1921 года его выдвигают на ответственный пост — управляющего делами ВЧК. Непродолжительное время Ягода был заместителем начальника Особого отдела ВЧК, возглавлял который известный чекист А. Х. Артузов. Спустя два года он становится заместителем у Дзержинского, а вскоре — первым заместителем председателя ОГПУ. На этой должности Ягода оказался «долгожителем» — более одиннадцати лет. Он стал профессионалом...

После смерти в 1926 году Ф. Э. Дзержинского председателем ОГПУ назначают его соратника и верного продолжателя лучших чекистских традиций В. Р. Менжинского. Ягода сработался и с ним. Организаторские способности и исключительное усердие поставили его в разряд незаменимых зампредов.

Каждый из заместителей осуществлял руководство определенным направлением деятельности ОГПУ. Ягода курировал пограничную охрану и войска ОГПУ. Через

него проходили все назначения, перемещения, выдвижения высшего и старшего комсостава войск.

К концу 1926 года при его руководстве и активном участии завершается реорганизация войск, начатая Дзержинским. Отдел пограничной охраны и Управление войск ОГПУ в ноябре преобразовываются в Главное управление погранохраны и войск ОГПУ (ГУПО и ВОГПУ).

В декабре 1927 года торжественно отмечалось 10-летие ВЧК—ОГПУ. Накануне праздника завершил свою работу XV съезд ВКП(б), на котором были исключены из партии Л. Б. Каменев и так называемая «троцкистская оппозиция». За месяц до этого, 14 ноября, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) так же поступили с Г. Е. Зиновьевым. По утверждению Сталина, с этого момента «период мирного сожительства» отходит в прошлое. Борьба с «уклонами» приобретает характер стратегии. Для упрочения своего влияния Сталин делает ставку на ОГПУ и лично на Ягоду.

С 1920 года Генрих Ягода на руководящих должностях в центральном аппарате Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

В дни празднования юбилея «органа пролетарской диктатуры» наряду с истинными заслугами начинается возвеличивание мнимых, нагнетается неизбежность усиления классовой борьбы. К этому подключаются и известные деятели культуры и искусства. Например, поэт М. Светлов написал стихотворение, которое опубликовала газета «Красная звезда». В нем есть такие строки:

Опять приближаются
Дни грозовые,
И время готовит грозу,
Но сомкнутым кругом
Стоят часовые,
Но зорки глаза ГПУ...

В это же время в стране на фоне развернувшейся борьбы с различными уклонами начинает разрастаться культ личности Сталина. Вокруг появляются более мелкие «культы» и «культики».

И вот Г. Г. Ягода, помимо своей должности «зампреда», стал именоваться еще и «командующим войсками ОГПУ». Его имя дают Высшей пограншколе, избирают почетным красноармейцем 2-й Школы погранохраны и войск ОГПУ в Харькове, 9-го Сибирского кавполка войск ОГПУ.

18 декабря на Красной площади состоялся парад войск ОГПУ Московского гарнизона. Газета «Красная звезда» поместила следующее сообщение: «...Командовал парадом командиры дивизии особого назна-

чения тов. Кобелев. Принимающие парад, заместитель председателя и командующий войсками ОГПУ тов. Ягода, заместитель председателя ОГПУ тов. Трилиссер, начальник Главного управления погранохраны и войск ОГПУ тов. Кацнельсон, член коллегии ОГПУ и уполномоченный ГПУ в Ленинграде тов. Мессинг и другие обходили выстроившиеся части... навстречу им неслись восторженные крики «Ура!»...

В тот же день состоялось торжественное заседание Моссовета совместно с партийными, советскими и профсоюзными организациями. В президиуме находились М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, Н. И. Бухарин, К. В. Уханов, Н. А. Угланов, А. С. Енукидзе, Г. Г. Ягода.

Взял слово и Н. И. Бухарин. «Наше время, — говорил он, — время неустойчивое. Сегодня мы строим, но, строя, помним, что предстоят еще огромные бои. Бои, которые по своему размаху превзойдут бои в дни Октябрьской революции...»

Президиум ЦИК СССР в связи с юбилейной датой наградил ОГПУ и большую группу видных чекистов орденами Красного Знамени. Первым среди награжденных значился Г. Г. Ягода, которого удостоили этой высокой награды как «активнейшего работника и одного из руководителей Всероссийской чрезвычайной комиссии и ОГПУ, проявившего в самое трудное для Советского государства время редкую энергию, распорядительность, самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией».

ПОСТЕПЕННО Ягода начинает играть в ОГПУ первую роль. Сталин, умело направляя его самолюбивое желание быть в числе первых людей государства, все чаще использует в качестве орудия в своей внутрипартийной и внутриполитической борьбе за неограниченную власть. Менжинский с его порядочностью и интеллигентностью, конечно же, не отвечал в этом «требованиям» Сталина.

Рубеж двадцатых-тридцатых годов в истории нашей страны явился переломным во всех отношениях. Суждение о том времени неоднозначно. С одной стороны, мы знаем этот период истории как годы небывалого трудового энтузиазма советских людей, с другой — огромные трагедии, вызванные поспешной и непродуманной реализацией планов индустриализации и сплошной коллективизации на селе.

Газетные заголовки тех лет напоминают строки военных сводок: «На фронте хлебаготовок нужен решительный перелом!», «Ликвидировать «прорыв» в выполнении промфинплана», «Сильнее огонь по двурушникам и оппортунистам», «За непримиримую борьбу против право-левого блока» и т. д.

Размах великих строек и массовый героизм простых рабочих соседствуют с безответственностью, хаосом, развалом села, отсутствием самого необходимого. На этой почве растет число недовольных политикой отхода от ленинских принципов строительства социализма.

Органы ОГПУ одно за другим «разоблачают» в различных областях народного хозяйства «вредительские» организации. За

Г. Г. Ягода. 1936 год.

«шахтинским делом» следует «Промпартия».

В армии увольняют и арестовывают бывших офицеров, всем сердцем принявших революцию и посвятивших себя ее защите. Их обвиняют в контрреволюции. Такая «контрреволюционная организация бывших царских офицеров» раскрывается и в Центральном управлении конвойных войск СССР. В это время был репрессирован бывший первый начальник Московской конвойной команды К. Ф. Кропачев. Его сначала уволили с должности помощника начальника отдела ЦУКВ СССР, затем подвергли аресту. В конце июня 1931 года постановлением коллегии ОГПУ он был осужден на пять лет лагерей за то, что «...в своих высказываниях критиковал недостатки советского строя и политики Советской власти».

«Успехи» в подобных делах отмечают новыми награждениями функционеров ОГПУ. В 1930 году Г. Г. Ягodu удостоивают ордена Красного Знамени вторично.

На вредительство начинают списывать все провалы в народном хозяйстве. Отсюда появляется огромная армия «врагов народа», которых надо перековывать. А где? На грандиозных сталинских стройках. Наиболее известные среди них — строительство каналов Беломорско-Балтийского и Москва-Волга.

Для осуществления невиданных доселе

планов вождя требовалось большое количество рабочих рук. Ягода и его ведомство стали поставщиком бесплатной рабочей силы. Вдоль трасс каналов, как грибы после дождя, растут лагеря. В их обитателях нет недостатка. Помимо уголовников сюда направляются правые и левые «уклонисты», «оппортунисты», «каэры» (контрреволюционеры), кулаки и т. д.

В 1933 году Беломорско-Балтийский канал был построен. Окончание стройки отметили награждением орденами большой группы руководителей, инженеров и передовиков. Г. Г. Ягоде был вручен орден Ленина.

На следующий год канал посетил И. В. Сталин. Вот как это «историческое» событие освещала лагерная печать: «Летом тридцать четвертого года широкобортный онежский пароход «Анохин» прошел девятнадцать шлюзов ББВ. Четыре человека стояли у его перил, окруженные строителями канала — Сталин, Ворошилов, Киров, Ягода. Партия и правительство принимали стройку...».

10 МАЯ 1934 ГОДА от паралича сердца скончался В. Р. Менжинский. Полновластным хозяином в ОГПУ стал Генрих Ягода.

Через два месяца, 10 июля, ЦИК СССР принял постановление об образовании Народного комиссариата внутренних дел СССР с включением в его состав ОГПУ на правах Главного управления государственной безопасности. Среди общесоюзных наркоматов он стал одним из самых могущественных. Его влияние распространялось практически на все сферы деятельности государства. Наркомом назначили Г. Г. Ягоду. 26 ноября 1935 года «в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 октября того же года «О специальных званиях начальствующего состава государственной безопасности НКВД Союза ССР» ему было присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности.

Тогда же, в тридцать пятом, имя наркомвудела присваивают еще одному учреждению НКВД — Болшевской трудовой коммуне для беспризорников и несовершеннолетних преступников. 12 июня коммунары торжественно отмечали свое десятилетие. На праздник приехали представители НКВД, партработники, известные писатели. Среди приглашенных был «старый друг коммуны» Анри Барбюс. Все ждали приезда наркома.

Печать тех лет донесла до нас это событие: «Приехал самый любимый гость коммуны — товарищ Ягода. Он обещал приехать в коммуну в половине третьего, и ровно в 2 часа 30 минут нарком вошел в здание управления коммуны — пример точности для большевиков».

На состоявшемся торжественном собрании все выступающие говорили хвалебные речи в адрес Ягоды, превозносили его заслуги, подчеркивали его ведущую роль в перевоспитании людей. Вот только некоторые из выступлений:

Е. М. Ярославский: «Товарищ Сталин указал Дзержинскому на необходимость начать работу по перевоспитанию людей.

Феликс Эдмундович — этот пламенный рыцарь пролетарской борьбы, беспощадный и суровый к врагу, — с радостью взялся за работу... Лучший соратник Феликса — товарищ Ягода осуществил практически это задание...». В конце своей речи оратор предложил присвоить Болшевской трудкоммуне имя товарища Ягоды. Это предложение было принято с всеобщим восторгом. «...Коммунары встали. Зал гудел от криков и хлопанья крепких ладоней».

М. С. Погребинский, известный чекист, один из организаторов коммуны: «Помните, ребята, что «фабрику людей» мог создать тов. Ягода потому, что он сын великой нашей родины, что он большевик, что он верен своей партии, он — достойный ученик Сталина...»

Пока все они вместе и по одну сторону баррикад. Выступления их тоже созвучны. Ораторы отмечают заслуги ОГПУ в деле борьбы за укрепление Советской власти, говорят о предстоящих «невиданных сражениях».

---

2 декабря 1935 года начальник ГУЛАГа НКВД М. Д. Берман проводил вселагерное собрание на строительстве канала Москва-Волга. В своем выступлении он требовал от администрации и каналаармейцев неукоснительного выполнения планов, утвержденных наркомом. Заключенным за невыполнение норм выработки грозил отправка в северные лагеря. Речь свою Берман закончил здравницей: «Да здравствует наш нарком пролетарской бдительности тов. Ягода!» Эти слова потонули в бурных, продолжительных аплодисментах...

Казалось, в блестящей карьере Ягоды все складывалось как нельзя лучше. Но...

В середине 1936 года он начал фабрикацию дела против «правых». Начались аресты. В сентябре Г. Г. Ягода направил И. В. Сталину протокол допроса некоторых из арестованных с показаниями «О террористической деятельности контрреволюционной организации правых». Но начатое Ягодой дело доводил до конца уже «железный нарком» Ежов.

В КОНЦЕ сентября Г. Г. Ягоду отстраняют от должности наркома внутренних дел и назначают народным комиссаром связи. Участь его была решена...

В апреле 1937 года все центральные газеты вышли со следующим сообщением: «Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1937 года ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера...»

1. Отрешить от должности народного комиссара связи Г. Г. Ягоду.

2. Передать дело Г. Г. Ягоды следственным органам.»

В совершении каких же «уголовных преступлений» обвинялся тогда бывший нарком?

Газета «Красная звезда» 3 марта 1938 года вышла под шапкой: «Народ единодушно требует — стереть с лица земли банду шпионов и убийц!» Она сообщала читателям, что 2 марта «перед лицом пролетарского правосудия» предстала «право-троцкистская шайка». В этот же день на судебном заседании было оглашено обвинительное заключение. Оно состояло из двух разделов: «1. Шпионаж против Советского государства и измена Родине. 2. Убийства деятелей Советского государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького — заговор против В. И. Ленина в 1918 году».

Г. Г. Ягода «проходил по делу» как главный «убийца».

Далее газета писала: «В право-троцкистском блоке объединились все подпольные антисоветские силы, вся нечисть... злостный убийца и шпион Ягода и продавшиеся фашизму, прожженные политические шулеры, шпионы и диверсанты Бухарин и Рыков...»

---

2 июня 1937 года на Военном совете, посвященном обсуждению факта раскрытия «военно-фашистского заговора в РККА», выступил И. В. Сталин. Он назвал Ягоду одним из руководителей «военно-политического заговора» в стране.

Следствие длилось почти год. Первоначально Ягоду пытались пристегнуть к «военно-фашистскому заговору в РККА». В конце апреля 1937 года от арестованных Г. Е. Прокофьева, бывшего заместителя наркома внутренних дел и М. И. Гая, бывшего начальника Особого отдела ГУГБ НКВД, были получены «показания» о преступных связях Г. Г. Ягоды с М. Н. Тухачевским, И. П. Уборевичем, Р. П. Эйдеманом и другими видными советскими военачальниками.

Однако Ягода на всех допросах это обвинение категорически отрицал. Отвергая показания своих бывших подчиненных, он говорил: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался...»

Однако следствие продолжало настойчиво проводить свою первоначальную версию. 29 мая Тухачевского допросил лично Ежов. В результате этого от «заговорщика» были добыты следующие признательные показания: «Еще в 1928 году я был втя-

нут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным... я был связан по заговору с Фельдманом, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осипяном и рядом других».

В своем выступлении он однозначно заявил, что ядро заговора «имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, которое приспособляло свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

Из этой установки Сталина следовало, что «военно-фашистский заговор» Тухачевского и «право-троцкистский блок» Бухарина являлись двумя составными частями одного огромного «военно-политического заговора» против Советской власти.

В ХОДЕ так называемого следствия «презренный отравитель Ягода» признал, что якобы был организатором «умерщвлений» видных политических деятелей государства. Так, по поводу убийства С. М. Кирова он показал на допросе, что накануне в Ленинграде органами госбезопасности был задержан некто Николаев. У него изъяли револьвер и план передвижения Кирова по Смольному. По непонятным причинам чекисты отпустили задержанного. Известно, как в то время поступали со всеми подозреваемыми в терроризме. Однако задержание, а затем освобождение Николаева не вписывается в эту схему. 1 декабря 1934 года в Смольном явзвучали роковые выстрелы. Л. В. Николаев был арестован как исполнитель этого «теракта». В истории убийства С. М. Кирова до сих пор много загадочного и непонятного. Однако нам важно высказывание по этому поводу Н. С. Хрущева. В своих воспоминаниях он написал: «...Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было организовано Ягодой, который мог действовать только по секретному поручению Сталина, полученному, как говорится, с глазу на глаз».

Смерть В. Р. Менжинского была также объявлена делом рук «кровявого наркома». Он якобы заставлял лечащих врачей вводить больному в качестве лекарственных средств препараты, ослаблявшие сердечную мышцу.

Но самые абсурдные способы «умерщвления» были приписаны Ягоде в связи со смертью А. М. Горького и «покушением» на жизнь Н. И. Ежова.

Известно, что Ягода давно и хорошо знал Алексея Максимовича, был с ним в дружеских отношениях, являлся почитателем таланта писателя. Горький живо интересовался работой НКВД по перевоспитанию и «перековке» заключенных, бывал в лагерях, трудкоммунах, на «великих» стройках.

Когда Горький тяжело заболел, Ягода якобы дал поручение его личному секретарю П. П. Крючкову часто и подолгу проверять комнату, в которой лежал больной. На судебном заседании бывший секретарь НКВД П. П. Буланов подтвердил версию следствия: «...Ягода подчеркивал, что состояние легких у Горького таково,

что всякое простудное заболевание ускоряет шансы его гибели...»

Лечащие врачи Менжинского и Горького, также осужденные по этому делу, полностью реабилитированы. Отсутствие ссылава преступления в их действиях еще раз подчеркнуло нелепость выдвинутых тогда обвинений.

Когда во главе Наркомата внутренних дел стал Н. И. Ежов, то «объятая животным страхом гнусная банда» стала, по мнению следствия, готовить новое преступление. «Право-троцкистский блок» во главе с Бухариным якобы поручает Ягоде совершить «террористический акт» в отношении нового сталинского наркома. На допросе в Прокуратуре СССР обвиняемый Ягода признал свое участие и в этом «преступлении» и показал следующее: «Да, вынужден признать, что я готовил это преступление. Организовывал подготовку убийства Ежова, как человека, опасного для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную организацию».

Следствие «установило», что он дал задание сотруднику НКВД Саволайнену пропитать ртутью мягкую мебель, ковер, шторы в кабинете наркома. Ежов должен был умереть, надыхавшись паров ртути...

Как теперь известно, факт организации покушения на свою жизнь был фальсифицирован самим Ежовым уже в ходе следствия. Тем самым он хотел возвысить себя в глазах вождя, подчеркнуть свою роль в выявлении «врагов народа».

Вера простых советских людей в эти жуткие версии всемерно поддерживалась прессой. Так, газета «Красная звезда» 9 марта 1938 года опубликовала заметку некоего красноармейца Иванова, присутствовавшего на одном из судебных заседаний. «Подлый отравитель Ягода перед тем, как уйти с насыщенного места, — убежденно писал автор, — раскрывает свой шкаф с невиданными ядами и вместе с подручным Булановым разливает в кабинете наркома внутренних дел...»

В последнем слове Г. Г. Ягода, в отличие от других подсудимых, многое пытался опровергнуть. Он категорически отвергал, в частности, обвинение в шпионской деятельности. «Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это неверно. Я — не шпион и не был им», — говорил Ягода. Далее он с некоторой долей иронии заметил, что если бы был шпионом, то «...десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую сеть шпионов, которая сейчас переловлена».

Ягода, совсем недавно организовывавший аналогичные процессы, конечно же, не мог не знать, что приговор уже предпринят. Тем не менее он упорно опровергал обвинение по наиболее главным позициям. Он даже обратился к суду с такими словами: «То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсудимых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду — если можете, простите».

Совещание Военной коллегии Верховного суда СССР по вынесению приговора закончилось 13 марта в 4 часа утра. Восемнадцать подсудимых были приговорены к «высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества».

В приговоре первым стояло имя Н. И. Бухарина, вторым — А. И. Рыкова, третьим — Г. Г. Ягоды...

...15 марта 1938 года газеты сообщили, что Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании осужденных Военной коллегией по делу антисоветского «право-троцкистского блока».

16 марта в разделе «Хроника» газеты сообщали, что «...15 марта 1938 г. приведен в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 г. о расстреле осужденных по делу антисоветского «право-троцкистского блока»...

Далее следовали выделенные жирным шрифтом все восемнадцать фамилий...

РЕПРЕССИИ последовали и в отношении членов семьи Ягоды и его многочисленных родственников. Была также арестована, осуждена и расстреляна его жена И. Л. Авербах — помощник Прокурора СССР, автор ряда работ на правовые темы. Она являлась племянницей первого председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. Но ни это родство, ни ее высокая должность не смогли повлиять на неминуемый исход.

Та же участь постигла ее родного брата — известного в то время литературного критика Л. Л. Авербаха, являвшегося в двадцатые годы генеральным секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).

В чем же провинился Г. Г. Ягода перед Сталиным и его окружением? Возможно, он не оправдал надежд «вождя» в активизации борьбы с «врагами народа»? Не так быстро, как того хотелось бы «скромному и великому», раскручивал маховик чудовищной машины репрессий? А может быть, вдруг как никто другой осознал, куда ведет эта политика Сталина?..

Случилось то, что неизбежно должно было случиться. Выстроенная Ягодой и ему подобными система доносов, лжи, огульных обвинений и массовых репрессий стала пожирать своих создателей. Это продолжалось до самой смерти «великого вождя и учителя всех времен и народов»...

Майор Н. СЫСОЕВ,
сотрудник Центрального архива
внутренних войск МВД СССР.

Враги от щучья черноморского

НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

КОНЕЧНО, Андрей Петрович мог бы поехать в санаторий — отдохнуть, подлечиться. Но он взял путевку на турбазу под Одессу. Была тому такая причина: два года назад отыскали его пионеры клуба «Поиск» одной из школ Белгород-Днестровского. Как им удалось это сделать — уму непостижимо. И тогда же к Андрею Петровичу в Москву нагрянул майор в отставке Степан Кузьмич Гнездилов. Было что вспомнить бывшему комбату и сыну полка...

Теперь вот Андрей Петрович прибыл, как говорят, с ответным визитом. Он никогда не был в этих местах и поразился красоте, которая открылась перед ним. Высокий берег обрывался отвесной стеной. Внизу — узкая песчаная полоска, а дальше — лиман. С высоты четко просматривались темно-зеленые островки водорослей. В этих местах крикливые чайки стаями пикировали на воду. Удачливые выхватывали рыбешку и отлетали в сторону. Дальше ровной полосой вытянулась Будацкая коса, а за косой до самого горизонта волновалось море. Слегка штормило, и было видно, как волны накатывали свои белые гребешки на пологий берег, оседали, оставляли пену на песке и сами отступали в море.

Коса отгораживала лиман от моря, и тут была неподвижная зеленоватая гладь. Коса не очень широкая, всего метров сто, но уместила на себе длинные одноэтажные постройки, среди которых было и одно из отделений рыбсовхоза «Красный рыбак». В этом отделении и работает бригадиром Степан Кузьмич Гнездилов.

По крутой глинистой тропе Андрей Петрович спустился с обрыва, утопая в песке, направился к строениям, огороженным редким низким штакетником. Территория была пуста. Лишь у белой мазанки из-под крыльца вылез черный взлохмаченный песик. Он сонно посмотрел на пришельца, вяло крутнул крючковатым хвостом и скрылся под крыльцом.

Андрей Петрович вошел в настезь откры-

тую дверь, в полумраке разглядел длинный деревянный стол во всю комнату, вдоль него лавки и только потом заметил женщину, которая стояла у плиты.

— Вам кого, гражданин? — спросила она мягко, по-южному выговаривая «г».

— Гнездилова Степана Кузьмича.

Женщина отложила длинный нож, которым резала баклажаны, и приблизилась к Андрею Петровичу. В свете открытой двери он увидел миловидное лицо, седые волосы, туго схваченные белоснежной косынкой.

— А кто ж вы будете? Часом, не Андрей Петрович?

— Так точно! А вы Полина Матвеевна?

— Ах ты ж, господи! — всплеснула она пухлыми загорелыми руками. — А мы ж вас завтра дожидались. Вот и синенькие ж готовлю... А Степан в море ушел. Анчоус идет. Та вы проходите, проходите, сидайте! Я зараз...

Полина Матвеевна легко сбежала с крыльца, открыла ставни. В комнату ворвались лучи солнца, и сразу посветлели белые стены, чисто выскобленные доски стола, засверкал пузатый никелированный самовар. Андрей Петрович подошел к окну, за которым плескалось море. Волны подкатывали почти к самой мазанке, и тогда на потолке нервно плясали блики.

— Та вы сидайте ж. Что дать, молочка, або квасу холоденького?

— Квасу... Спасибо, Полина Матвеевна. Я пока пойду побалуясь с удочкой. По рыбалке очень соскучился.

Андрей Петрович шел берегом лимана, выискивая место у воды, свободное от густой осоки. И тут он увидел вдалеке на берегу невысокую деревянную будку, от которой уходили в лиман несколько понтонов. Очевидно, это был причал для небольших судов. С понтонов удобно забрасывать удочку. Вон и небольшая фигурка виднеется. Рыболов. Это хорошо, можно расспросить, какая рыба здесь водится, на что берет. Да и наживкой разжиться.

Приблизившись, Андрей Петрович увидел мальчишку лет десяти. Осторожно ступая по металлическому понтону, подошел к рыболову. Тот, конечно, слышал шаги, но даже головы не поднял, сосредоточенно смотрел на неподвижный поплавок.

— Ну как, клюет? — тихо спросил Андрей Петрович.

Мальчишка, все еще косясь на поплавок, все же повернул лицо, и оно четко высветилось на солнце.

— Да та-ак, — из-под белесых бровей блеснули любопытные глаза.

Волосы мальчишки, взъерошенные после купания, вспыхнули в лучах солнца огненно-золотым костериком. Конопатое его лицо было обаятельным, даже веселым. Это обаяние особенно чувствовалось, когда мальчишка поворачивался лицом к солнцу: тогда казалось, что само солнце отражается в маленьком зеркальце.

— На что ловишь?

— На червя.

— Не одолжишь парочку?

— Бери, не жалко.

Андрей Петрович выдвинул колена телескопической удочки, присоединил леску, насадил на крючок шустрого червя и забросил в лазурную воду подальше от понтона. Поплавок лег плашмя и застыл. Мальчишка произнес поучающе:

— Зачем так далеко-то? Там воробью по колено. Возле понтона глубже.

Андрей Петрович перебросил удочку ближе к понтону. Поплавок крохотной торпедой рассек поверхность воды и встал вертикально.

Мальчишка сидел неподвижно, но было заметно, что он ревниво косится на поплавок соседа. Вдруг он чуть привстал, весь напрягся, цепко сжал слегка корявое ивовое удище. Поплавок его удочки слегка качнулся и резко ушел в глубину...

— Вот малявка, только червя испортил, — сердито приговаривал мальчишка, снимая с крючка черного бычка размером чуть больше головастика. Он швырнул бычка в воду, насадил червя и снова забросил удочку. Немного помолчав, повернулся к Андрею Петровичу, строго спросил:

— А ты чего на рыбалку без червей пришел?

— Да я так, вроде бы на разведку, — виновато ответил Андрей Петрович.

— А все одно на голый крючок разве ловят? Думаешь, рыба дура? Рыба не дура.

— Это ты верно говоришь. Как тебя звать-то?

— Андрияха.

— Ишь ты, выходит, тезка. Меня тоже Андреем зовут. Андреем Петровичем, — поспешил он добавить, опасаясь, что этот пацаненок будет называть его Андрияхой. Ведь обращается же на ты, хотя по возрасту во внуки годится.

— С турбазы? — допытывался Андрияха.

— С турбазы. А ты местный?

— Не-е. Мы с Каролины-Бугаза. Там и в школу хожу. А летом у дедули вот. Рыбу ловим, анчоуса.

— Анчоуса?

— Да. В море. Дедуля и зараз в море. Он бригадой командует.

— Ишь ты. А не Степан ли Кузьмич твой дедуля?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Знаю, — улыбнулся Андрей Петрович.

— А ты почему малявок ловишь? Не берет дедуля в море?

— Не берет, — вздохнул Андрияха.

— А хочешь?

— Угу, — с любопытством глянув на собеседника, ответил Андрияха. — А малявки... То я так, для клева. Вот завтра утром будут бычки побольше анчоусов. Во-о как-ни!

— Здесь?

— Не-е. Дальше по косе.

— Почему же сейчас там не ловишь?

— А зачем? Ночью сами придут в трубы и в покрывки.

— В какие покрывки? — не понял Андрей Петрович.

— В автомобильные. Не веришь? Приходи утром, покажу.

— Интересно.

— Так придеешь? — Андрияха пристально посмотрел Андрею Петровичу в глаза, как бы прикидывая, можно ли надеяться на этого дядьку. Видно, что-то свое прочел он в глазах Андрея Петровича, потому что улыбнулся и подмигнул коричневым глазом.

Солнце скрылось за крутым берегом. Быстро, по-южному, надвигались сумерки. Откуда-то нахлынул холодный ветер. Вода в лимане сморщилась, зарыбила. И вот уже разыгрались небольшие волны. Поплавок прыгал на них, и от этого скоро зарыбило в глазах. Пора было сматывать удочки.

— Телескопическая, — определил Андрияха, с нескрываемой завистью глядя на удочку Андрея Петровича. — Где покупал?

— В Москве.

— О, столица! Ты что, и работаешь там?

— Не работаю, служу. Во внутренних войсках. Слышал о таких?

Андрияха не ответил, но как-то по-особому взглянул на Андрея Петровича. Тот по-своему истолковал этот взгляд:

— Да, тезка, мы с твоим дедом, можно сказать, сослуживцы. Он ведь тоже когда-то в этих войсках служил. Потому — держи удочку, дарю ее тебе как внуку бывшего моего комбата.

— Не возьму, — сказал мальчишка, насупившись. — И не равняйте себя с дедулей. Дедуля в своих не стрелял. Думаете, не знаю, чем ваши войска занимаются? И читал, и слушал.

Он ускорил шаг, а Андрей Петрович, наоборот, приостановился и услышал ноющую боль в правом плече, которое не беспокоило со дня выхода его из госпиталя.

Далеко за полночь засиделись бывшие фронтовики. Говорили, говорили...

Андрюха лежал за фанерной перегородкой на раскладушке и прислушивался к тихим голосам. Не шел сон — слишком уж интересный разговор выходил у взрослых.

Андрей Петрович, оказывается, полковник, как понял Андрюха, впервые с дедулей познакомился еще в сорок третьем, на Смоленщине. Полк НКВД освобождал станцию Милютинский Завод, и тогда-то произошла вражеская очередь грудь комбата Степана Гнездилова. Из-под развалин дома вытащил его десятилетний мальчуган, перевязал, как мог, разыскал санитаров, и те успели спасти жизнь батальонного. А мальчишка так и остался с полком, вместе с Гнездиловым до конца войны прошел, потом на Западной Украине вместе служили...

— Помнишь, Андрей, как ты чуть было в схрон бандеровский не провалился, а?

— Такое не забывается. Чудом жив остался, бандиты ведь на куски разорвать могли. Зверствовали так, что и людьми их назвать невозможно. Детей жгли, а сколько семей повыврезали... И знаешь, Степан Кузьмич, сейчас кое-кто их чуть ли не в героев рядить собирается: мол, за убеждения страдали. Но за убеждения детей не убивают.

— Хорошо, Андрей, что нет временам возврата... Ладно, пора спать. Давай-ка раздеваться. Постой-постой, что это за рубец у тебя на плече? Свежий совсем.

— Свежий, Степан Кузьмич. Я ведь из госпиталя недавно выписался.

Последовало короткое молчание, и Андрюха опять услышал голос деда:

— Я, пожалуй еще самовар поставлю, успеем завтра отоспаться. А ты, будь добр, расскажи, где тебя угораздило.

— Закавказье. Пикой ткнули.

Андрюха замер под простыней, сдерживая даже дыхание. Сейчас, подумал он, пойдет разговор о самом интересном. Но Андрей Петрович, словно угадав его мысли, сказал:

— Только не расспрашивай, Степан Кузьмич, что да как. Не хочу воспоминаний.

— Меня другой вопрос волнует. С кем мы сорок лет назад воевали, кого из лесных нор выкуривали — это понятно. Но против кого сегодня ты солдат ведешь, а?

Скрипнули половицы под тяжелыми шагами. — Это, определил Андрюха, гость пришел от стола к окну. И опять послышался голос дедули:

— Прости, что вот так, в лоб, спрашиваю, знаешь же, что я не дипломат. Что происходит, сын полка?

Не сразу ответил Андрей Петрович, да и ответ его поначалу оказался непонятным:

— Хорошо тут у вас, вдали от шума городского. Жара небось рано наступает? Уже в апреле?

— В апреле — всюю, — сбитый с толку, сказал Степан Кузьмич. — В апреле, в двадцатых числах, здесь самый рай: деревья в цвету, птицы поют. Лежишь на песочке, ланы свои старые солнышку выставляешь... Только это к делу не относится, не о том мы...

— Да нет, комбат, о том. Ты в апреле соловьями любишься, а я в Москве, в самом центре ее, нацистов доморощенных разглядываю. В день рождения Гитлера на Тверском бульваре собираются, рубахи коричневые, свастика на рукавах...

Звякнула чашка о блюдце, дедуля, видно, сплеховал, пролил чай на стол. Забурчал что-то неразборчиво, потом глухо продолжил:

— Говорили мне про это, да думал, сплетни. Как же так, в наше время... Рассказывали еще, группы разные организуются, чуть ли не антисоветские лозунги прозносят.

— Какой там «чуть»! На том же Кавказе слышал, что пора, мол, с коммунистами расправляться... Не на Будаковской косе надо жить, чтоб видеть, как пули сегодня в людей летят, как звериное начало у некоторых просыпается. Представляешь, беременную женщину серпами, мотыгами... Нет, не расскажешь этого. Отсюда, из благодати, хорошо, Степан Кузьмич, рассуждать, какие войска плохие, какие они некорректные. Отсюда не видно, как мои пацаны себя под удары подставляют, чтоб детей, стариков спасти.

Зло, отрывисто говорил Андрей Петрович и на той же ноте закончил:

— Знал бы ты, комбат, как солдатам тяжело. Морально тяжело. Себя не жалеть и в награду плевки получать от тех, кто вдали от шума городского. Прости, если круто говорю, тоже не дипломат — твоя школа.

За фанерной перегородкой долго-долго молчали, чай, видно, остывал, забытый. Разговор возобновился совсем в иных тонах. Начал Степан Кузьмич, глухо, вроде как виновато.

— И много их, гадов-то, у нас, а, Андрей?

— Единицы. Но умеют молодежь баламутить, вот и...

— Что ж, по-твоему, народ такой дурной, что на любую провокацию поддается?

— Я же только о молодежи говорю, она во всех горячих точках главные роли играет.

— И как это объяснишь?

— Есть у меня объяснение. Вот о себе скажу. На ком воспитывался? На Камо, Чапаеве, Корчагине, на людях Магнитки... Идеалы у меня в голове были, понимаешь? Я благодаря им приобрел то, что называется моралью. А теперь... Теперь мы размыли лицо героя, научились смеяться и над Морозовым, и над Матросовым. Мол, псих был, потому и полез на амбразуру. Нет ориентира у людей. Знаешь, как у компаса размагниченного стрелка мечется туда-сюда, так и молодежь наша: из стороны в сторону. Куда кусочек магнита подбросит, туда головой и вертит. Да добро бы только вертела, а то ведь и пики в руки берет, вот и приходится шитами от нее людей прикрывать. И самим шитами становиться.

— И когда же мы от этого излечимся?

— Когда научимся страну и себя уважать. Когда детей и внуков этому научим. А то они названия всех ансамблей назубок перечислить могут, а спроси их, кто такой полковник Лукин, так не ответят же. И Андрюхе, внуку твоему, когда-нибудь вложат в голову, что на Западной Украине ты против народа воевал. Не боишься этого?

— Андрюха малый неглупый, — осторожно ответил дедуля. — Он все правильно поймет.

— Да вот в этом же и ошибка наша, — опять начал горячиться Андрей Петрович. — Откуда поймет, если мы не растолкуем? Вот о войсках наших столько лет молчали, и видишь, во что молчание выливается? «Созданы, чтоб с народом воевать...» Дикость!

«Сейчас, — подумал Андрюха, чуть при-

слушиваясь к разговору, — он расскажет дедуле о том, что я ляпнул. А дедуля разволнуется, за валидолом полезет...»

Андрей Петрович действительно сказал об Андрюхе, но совсем другое:

— А внук твой — малый и вправду толковый, уже сейчас рыбак знатный. Пообещал меня утром научить необычным способом бычков вылавливать. Так что, действительно, давай спать, комбат.

* * *

..Через высокие густые подсолнухи продираться было трудно, но Андрей Петрович послушно шел за Андрюхой. Наконец пересекли косу и очутились у ветхой полуразвалившейся хижины.

Андрюха, не мешкая, снял шорты, майку и остался в одних плавках. Из карманчика шорт извлек целлофановый мешочек, засунул его за плавки и, кивнув заговорщицки полковнику, вошел в воду.

Андрей Петрович поехал. Холодный ветер рябил воду лимана. Наверняка и вода в такую рань была холодная. Андрюха все дальше удалялся от берега. Вода чуть прикрывала его колени. Отойдя метров на пятьдесят, мальчишка остановился и стал что-то выскивать на дне. Вот он нагнулся, до плеч окунулся в зябкую воду, пошарил по дну и вытащил полуметровую трубу. Концы ее он прикрывал ладонями. Потом повернул трубу вертикально. Вода сквозь пальцы вылилась, а Андрюха показал полковнику крупного черного бычка.

Потом он вытащил из воды автомобильную покрывку. Пошарив внутри, с той же радостью извлек крупного бычка и опять торжествуяше потряс им в воздухе.

Азарт захватил Андрея Петровича. Он стал торопливо раздеваться, бросая одежду на желтоватую колючую траву, решительно вошел в воду и вдруг почувствовал, что в одежде на берегу холоднее.

Средства лова не пришлось искать долго: наткнулся на трубу. Поднял ее.

— Пальцы не очень растопыривай! — поучал Андрюха. — Бычок скользкий, проскочит.

И первый бычок проскочил-таки между пальцами.

— Эх ты! — покачал головой Андрюха. — Я же говорил — пальцы! — Он нагнулся и, шаря под водой, продолжал недовольно бубнить: — Учи, учи...

Повторяя движения мальчишки, Андрей Петрович закрыл руками отверстия другой трубы и поднял ее над головой. Сквозь пальцы вылил воду и почувствовал ладонью трепещущую скользкую рыбку. Полковник торжествуяше потряс рукой, подражая своему тезке:

— Есть! Интереснейшее, оказывается, занятие, брат Андрюха.

— Нет, — сказал мальчишка. — На удочки ловить интересней. Ты вот что, когда свою телескопку мне дарить будешь, ты напиши на ней, от кого, понял? Так и напиши: от полковника внутренних войск.

Отчаяние

Юлиан СЕМЕНОВ

*Светлой памяти моего друга
Шандора Радо («Дора») посвящаю*

И Аверелл Гарриман, посол Соединенных Штатов, работавший в Москве в самые сложные годы великого противостояния, и сменивший его герой сражений в Европе генерал Бэддл Смит передавали в государственный департамент сообщения, которые никак нельзя было считать сбалансированными.

Вольно или невольно они исходили в своем анализе русской ситуации из тех норм и законов, которые были записаны в их Конституции и охранялись их прессой, Конгрессом, Сенатом, общественным мнением. Американские дипломаты, посещавшие редкие приемы в Кремле, не отрывали глаз от того стола, за которым стоял Сталин и его коллеги: они старались не пропустить ни единого перемещения, ни единого контакта членов Политбюро друг с другом; однако налицо было дружество и доброжелательная монолитность.

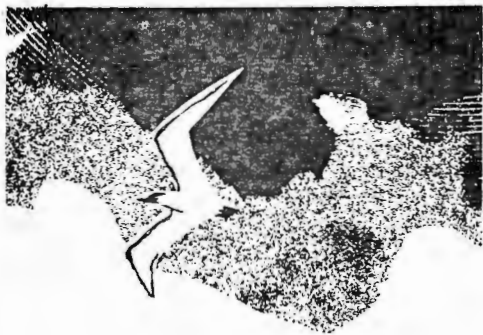
Шок, вызванный смещением маршала Жукова, которого западные эксперты прочли в члены Политбюро, прошел за год: сенсация на Западе недолговечна — их там каждый день подбрасывают, успевай глотай. Постепенно Жукова забыли, ибо он остался жив и даже продолжал командовать военным округом.

...Главная ошибка американцев — после забвения «дела» Жукова — заключалась в том, что они по-прежнему считали всех тех людей, которые выходили в кургузых пальто и кепках (кроме, пожалуй, Молотова и Вышинского) следом за Сталиным на Мавзолей первого мая и седьмого ноября, единым, сконцентрированным целым, командой, подобной тому штабу, который собирал вокруг себя каждый президент Соединенных Штатов Америки.

Они считали, что после краха Троцкого и Бухарина (обоих терпеть не могли в Нью-Йорке за их революционную деятельность) Сталин остался с теми, кому верит беззаветно, как и они ему.

Печатается в сокращении

дружески переговаривался с ними на трибуне, внимательно их выслушивал и улыбочиво соглашался со всем тем, что они ему говорили.

Именно этот журналист определил для себя группу молодых лидеров, которые шли за своим ледоколом — будущим премьерником генералиссимуса Андреем Ждановым. Этими «младотурками» он считал члена Политбюро, заместителя Сталина в правительстве, председателя всемогущего Госплана Вознесенского, великолепно проявившего себя как член Государственного Комитета Обороны, и нового секретаря ЦК Кузнецова, героя ленинградской блокады, занявшего ключевой пост Маленкова: кадры, армия, государственная безопасность. Им, этим ленинградцам, противостоял Берия, введенный в Политбюро вместе с Маленковым лишь в сорок шестом году. Теперь, однако, когда Маленков отправился в тот регион, куда в свое время был послан бывший вождь Рабоче-Крестьянской Красной Армии Троцкий, маршал Берия остался один на один в своем противостоянии могущественной ленинградской триаде.

Версия, что Маленков руководил помощью Мао Цзэдуну, отвергалась англичанином; если такая помощь и существовала, то шла она через Алма-Ату, Монголию и Хабаровск.

Англичанин, все еще имевший как журналист определенные выходы на русских, узнал, что Ворошилов теперь руководил в Совете Министров культурой; это смехотворно — культурой в стране руководил Жданов; в Министерстве иностранных дел все большую силу набирал Вышинский; постепенно и аккуратно Молотова отводили в тень. Почему?

И британский журналист пришел к выводу: предстоит очередная схватка. Жданов, нынешний «человек № 2», начал проводить свою русификаторскую политику. По Моск-

Они привыкли к тому, что рядом со Сталиным всегда стояли Молотов и Ворошилов, дальше — Жданов, Микоян, Каганович, Вознесенский, Маленков, Берия и Сулов.

Когда в сорок седьмом году Маленков не появился на трибуне Мавзолея, часть дипломатов предположила, что а п п а р а т ч и к переброшен на высший пост в Узбекистан, потому что, видимо, оттуда идет главный поток военной помощи отрядам Мао Цзэдуна. Вопрос о том, кто победит в Китае, — вопрос вопросов для Сталина; не кто иной, как Троцкий, обвинял Сталина в том, что его политика привела к путчу Чан Кайши и разгрому коммунистов в этой пяти-сотмиллионной стране...

И лишь один человек — корреспондент британской газеты, никогда не рекламировавший то, что его дед был русским и заставил его выучить этот язык, — сделал довольно серьезный анализ глубинных явлений, происходивших в Кремле.

Именно он пришел к выводу, что «старая гвардия», окружавшая Сталина на Мавзолея, свои позиции теряет — это «мертвые души», хотя Сталин подчеркнуто

В последнее время в различных периодических изданиях стали появляться сообщения о деле шведского дипломата Рауля Валленберга, как написано в опубликованном «Правдой» сообщении из пресс-центра МИД, «человека-гуманиста, героически спасшего в Венгрии в годы второй мировой войны тысячи людей, которым былаготована смерть в нацистских застенках».

Рауль Валленберг, возглавлявший в Будапеште шведскую миссию по спасению гражданского населения от депортации в Германию, бесследно исчез в последние месяцы войны. Следы его затерялись на Лубянке. Но официальные ответы из Москвы на запросы Стокгольма были непоследовательны и противоречивы и не вносили ясности в его судьбу. Лишь в 1957 году в памятной записке первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко послу Швеции в СССР Р. Сульману сообщалось, что в архивах Лубянской тюрьмы найден рапорт начальника санитарной службы этой тюрьмы Смольцова о внезапной кончине заключенного Валленберга «предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда». Рапорт написан 17 июля 1947 года, адресован министру госбезопасности Абакумову. На рапорте — надпись рукой Смольцова: «Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия».

Никаких других документальных сведений о Рауле Валленберге не найдено, о чем и было сообщено его родственникам, прибывшим в Москву на встречу с представителями МИД и КГБ осенью 1989 года. Однако их надежды найти новые сведения о злоключениях шведского дипломата в сталинских застенках не угасают.

Эта загадочная судьба давно привлекала и внимание известного писателя Юлиана Семенова. В результате его творческого расследования возникла версия гибели Валленберга, ставшая основой романа «Отчаяние», заключительной части цикла «Экспансия».

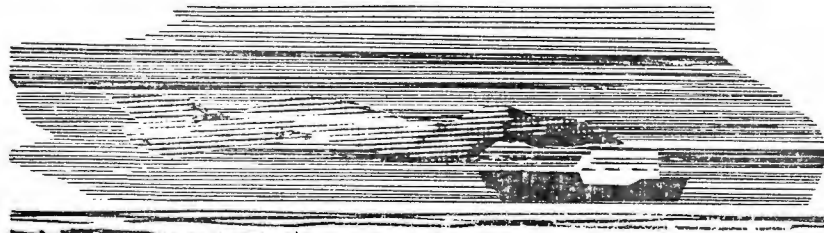

ве пошли шутки, произносимые, впрочем, шепотом: «Россия — родина слонов». Действительно, из установок Жданова следовало, что все важнейшие изобретения в мире принадлежат Советам, время преклонения перед «гнилым буржуазным Западом» прошло; два грузина в Политбюро — слишком много. Сталин, постоянно подчеркивавший примат русского, — с ноября сорок первого мог пойти на то, чтобы пожертвовать Берией, вернув его в Грузию.

Опасаясь публиковать свой прогноз, чтобы не быть в тот же день выкинутым из

Москвы, англичанин ограничился туманным комментарием по поводу того, что, видимо, в Узбекистане, да и вообще в Азии предостоят серьезные перемены, если туда направлен такой авторитетный член Политбюро, каким по праву считается Маленков, постоянно стоявший на трибуне Мавзолея вместе с Лаврентием Берией.

...На самом же деле ситуация была куда более сложной и напряженной, чем мог предполагать англичанин, верно почувствовавший нечто, но незнакомый с великим таинством византийской интриги...

СЕ ТЕ ДНИ, пока Исаев лежал в трюме и слышал над собою постоянный, изматывающий

грохот двигателей, он видел только одно лицо: человека, который приносил миску ухи и, сняв наручники, бесстрастно следил за тем, чтобы все было съедено. Возможно, в уху мешали снотворное, потому что сразу после этого Исаев погружался в тупое и бессильное забытие; противиться судьбе он был не в силах уже, воспринимая происходящее отстраненно, равнодушно.

Однажды, правда, сказал:

— Я все время потный... Очень жарко... Можно принять душ?

— Никс фарштеен, — ответил человек, и тогда Исаев понял, что все эти дни уху ему приносил русский.

Не может быть, сказал он себе, чтобы наши проломли мне голову в порту; это какой-нибудь власовец; я не имею права ему открываться; какое же это было счастье, когда я добрал до нашего торгпредства, и открылся, и слышал своих, ел щи и картошечку с сеledкой, и постоянно торопил товарищей, чтобы они выехали туда, где ждал помощи Роумен с запеленутым Мюллером, а они успокаивали меня, говорили, чтоб я не волновался, уже, мол, поехали; хотите еще рюмашку; надо расслабиться; вы ж дома, сейчас мы вас доведем до порта, тут оставаться рискованно, знаете ситуацию лучше нас, пойдете по седьмому причалу, там вас встретят, угощайтесь, дорогой...

Как же лихо меня перехватили, сонно думал он; стоило нашим отстать на сто метров всего, стоило мне остаться одному — и все! Я ж знал, что меня пасут, постоянно, каждодневно, ежечасно пасут, надо было бежать сквозь этот масляный, липкий провал портовой затаенной темноты и очутиться возле схода нашего корабля, а я не бежал, у меня сил не было бежать, и

какой-то вялый туман в голове до того мгновения, пока я не ощутил раскалывающий треск в темечке, и это было последнее, что я ощутил тогда, на берегу Атлантики, в душных тропиках, пропахших рыбой, мазутом и канатами, — у каждого каната в порту свой особый запах, странно, почему так?

...Утром тот же человек поднимал его, снимая с ног веревки, и вел в туалет; дверь закрывать не разрешал, внимательно смотрел, как он корчился над узкой горловиной гальюна; на корточках долго сидеть не мог, снова ломило в позвоночнике, как до того дня, пока его не вылечила индианка, когда ж это было? Как ее звали? Кыбвирахи? Или это вождь, ее муж? Ее звали Канксерихи, кажется, так...

...На гвозде висел один лист белой бумаги, его приходилось долго разминать, потому что бумага была канцелярская, твердая, чуть ли не картон.

— Слушайте, — сказал как-то бессловесному человеку Исаев, — неужели на судне нет пипифакса?

— Никс фарштеен, — заученно ответил тот, надевая на запястья Исаева наручники.

...Он мог осознанно, поэтапно думать лишь утром, перед походом в гальюн — до ухи и перед ухой-ужином; все остальное время лежал в мокром беспомыслении, руки в наручниках, ноги повязаны, словно у коня в ночном, тело задеревеневшее, лишь изредка сведет судорогой икры, но он воспринимал эту судорогу как благо, свидетельство того, что жив, что происходящее не бред, а явь, самая что ни на есть реальность...

Он пстерял счет дням, но понял, что плавание длится долго, потому что брюки не держались на нем — от жары похудел; поспросил дать ремень.

— Никс фарштеен...

Через несколько дней он сказал:

— Переверните матрац, он мокрый, вы меня так живым не доведете, накажут...

— Никс фарштеен, — ответил человек, и

в глазах у него сверкнуло ледяным, искристым холодом.

Однако назавтра, когда его повели в галюн, матрац заменили: вместо того, который превратился в мокрую, пропахшую потом и мочевиной труху, бросили пару байковых одеял. На одном из них он обнаружил выцветшее клеймо: «т/х Валериан Куйбышев».

...Значит, правда, сказал он себе; значит, все, что я гнал от себя все эти годы, чему запрещал себе верить, что постоянно рвало сердце,— правда.

...Когда человек принес уху, Исаев собрал себя, был готов к работе: натужно подумав в миску, он оттолкнул ее от себя, отвалился на спину, застонал:

— Воды-ы... Умираю... Скорей...

Он перешел на русский; да, я у своих, «т/х Куйбышев», но своей ли я этим своим?!

А если я им не свой, значит, пришло время работать.

Человек, испуганно глянув на Штирлица, прогрохотал по лестнице своими громадными бутсами, и, когда он убежал, а несъеденная уха со снотворным или какой иной гадостью, медленно зыбясь на металлическом полу, стекла в угол отсека, — в такт работе машин, — Исаев расслабился и сказал себе: времени тебе отпущено немного.

...Исаев услышал грохот торопливых шагов и сразу понял, что спускаются двое: один в бутсах, знакомый ему «никс фарштеен», а второй ступает мягче, видимо, в ботинках.

Действительно, второй был в лакированных туфлях на босу ногу, в плавках и с докторским чехмоданчиком в руке.

— Эй, — сказал он, всячески избегая русских слов, — блют прессион, гиб мир ханд...

Исаев затрясся от приступа смеха, пришедшего изнутри как избавление от безысходности. Рта он не разжимал, губы пересохли, кровоточили; если позволить себе рассмеяться в голос, кровь потечет по подбородку, шее, груди, а у него выработалось особое отношение к себе — он постоянно видел себя как бы со стороны, так же оценивал свои поступки; не терпел неряшливо-

сти, был точен до секунды, всегда ощущал в себе часы, ошибиться мог на пару минут от силы, жил по собственному графику, в котором не было таких слов, как «забыл», «не успел», «не смог».

— Пусть наручники снимет, — прошептал Исаев. — Как же вы мне давленне померяете?

— Никс фарштеен, — повторил тот, что в бутсах, и снял наручники.

...Исаев поверил в магию индейцев, убедившись в их великом, недоступном нам знании на собственном опыте; он научился сдерживать дыхание, учащать пульс, останавливать его даже; ну, меряй, подумал он, я тебе подыграю, испугаешься...

Через час его перевели в другое помещение, где не так грохотало и не было угарного машинного смрада, обтерли мокрым полотенцем и дали чашку воды — она была сладкой, без подмеси, поэтому пронулся он рано, часа за три перед тем, как должен прийти уханосец. Он был убежден, что не ошибается во времени, и не торопясь начал допрашивать себя, слясь понять, чего же от него хотят свои?

...На третий день корабль пришвартовался; голосов по-прежнему слышно не было. Спустился «никс фарштеен», снял наручники, бросил пиджак и туфли, дождался, пока Исаев оденется, натянул ему на голову капюшон и, подхватив под руку, повел по скользким, маслянистым лестницам вверх.

На палубе, вдохнув свежего воздуха, Исаев упал. Сколько был в беспомощности — не помнил, ощутил себя на кровати, шелковая подушка, мягкое, верблюжьей шерсти одеяло. Руки и ноги были свободны, пахло сухим одеколоном, чем-то напоминавшим «кельнскую воду».

Он пошарил рукою вокруг себя, натолкнулся на лампочку, включил ее: стены комнаты были отделаны старым деревом, окна закрыты тяжелыми металлическими ставнями; в туалете нашел английскую зубную пасту, английское мыло.

Ты дурак, Исаев, сказал он себе: ты посмел грешить на своих и раскрылся, ты заговорил по-русски, чего не делал четверть века, тебе крышка, одна надежда и осталась — на своих.

ДРАВСТВУЙ-ТЕ, я ваш следователь, меня зовут Роберт Клайв Макгрегор. После то-

го как мы проведем цикл допросов, вы вправе вызвать адвоката: если бы вы не были тем, кем были, мы бы дали вам пра-

во пригласить любого адвоката уже на этой стадии следствия.

— А кем я был? — поинтересовался Исаев.

— Мы располагаем достаточной информацией о вашем прошлом. Суть следствия заключается в том, чтобы во время нашего диалога окончательно расставить все точки над «i».

- Могу я задать вопрос?
- Пока мы не начали работу — да.
- Вы назвали свое имя, но я не знаю, какую страну вы представляете...
- Я представляю секретную службу Великобритании. Удовлетворены ответом?
- Вполне. Благодарю.
- Фамилия, имя, место и год рождения?

Исаев готовился к такому вопросу, он понимал, что все зависит от того, кто, где и как будет произносить эти, казалось бы, столь простые слова, но, услышав их, ощутил растерянность, не зная, что ответить...

...Приученный двадцатью пятью годами к тому, чтобы анализировать, рассматривая и оценивая с разных сторон не то что слово, но даже паузу, взгляд и жест, — как свой, так и собеседника, — Исаев был убежден, что своим, вернись он на Родину, и отвечать не придется, там все знают... Однако во время морского, столь страшного путешествия с «никс фарштеен» он раскрепощению, с душащей обидой и презрением разрешил себе наконец услышать тот вопрос, который жил в нем начиная с тридцать шестого года, после процесса над Львом Борисовичем и Зиновьевым: «А собственно кто теперь знает обо мне, если Каменев, Зиновьев, Бакаев и даже курьер Центра Валя Ольберг — враги народа?»

В тридцать седьмом, когда один за другим исчезли те, кто строил ЧК, кто знал его именно: Артузов, Кедров, Уншлихт, Бокий, Берзинь, Пузицкий, он ощутил зябкую пустоту, словно окончательно порвалась пуповина, связывавшая с значащим; с осени тридцать девятого люди из Центра вообще перестали выходить на него.

Пакт с Гитлером он принял трагично, много пил, искал оправдания: объективные — находил, но сердце все равно жало, оно неподвластно логике и живет своими законами в системе таинства под названием «Человек».

...Именно тогда Исаев заново прочитал книгу Вальтера Кривицкого, резидента НКВД в Париже, который выступил с разоблачением Ягоды, Ежова и Сталина. Исаев хорошо знал Кривицкого, у них было три встречи в Париже и Амстердаме во время прогулки на туристском катере по тихим каналам, над которыми медленно стлы чайки; тогда его отчего-то поразило, что они не кричали, как на берегу или в порту, стране...

Сразу после того, как уход Кривицкого стал сенсацией, в тридцать седьмом еще, Исаев затаился: «если он предал — значит назовет имена Шандора, Треппера и мое». Цепь, однако, продолжала функционировать; отозвали трех товарищей — видимо, боялись за них, но потом докатилось, что дома их расстреляли...

Значит, Кривицкий хранил в себе то, что ему предписывал долг? Значит, он не открыл имен товарищей по борьбе с национализмом? Значит, действительно он ушел по идейным соображениям? Претель в разведке прежде всего открывает имена друзей, но ведь Вальтер знал Яна, Кима, но ни словом не упомянул о них...

...Кривицкого убили, он унес с собой имена товарищей, никто в Европе не был схвачен; значит, он выбрал путь политической борьбы против террора, а не измены?

Тем не менее Исаев тогда сменил квартиру и лег на грунт, стараясь понять, нет ли какой-то связи между происходящим дома и тем, что ежечасно затевалось в сером здании на Александерплац и в тех конспиративных квартирах, где он мог появляться, не вызывая подозрения у руководства. Как никто другой, он четко знал внутренние границы рейха: «это мое дело, это мой агент, это моя информация — не вздумай к ним прикоснуться; собственность».

Он заметил ликование в РСХА, когда пришло сообщение, что на партконференции из ЦК «за плохую работу» был выведен бывший нарком иностранных дел Литвинов; иначе, как «паршивый еврей, враг НСДАП», его в Германии не называли.

Именно тогда в баре «Мексико», крепко выпив, Шелленберг поманил пальцем Штирлица и, брякая стаканом, чтобы помешать постоянной записи всех разговоров, которые велись тут по заданию Гейдриха, шепнул:

— Зачем война на два фронта? Ведь Сталин расстилается перед нами! Он капитулировал по всем параметрам! Он подстраивается под наши не высказанные желания, чего ж больше?!

Штирлиц отправил зашифрованную телеграмму об этом из Норвегии, приписав, что ответа может ждать только один день, дал адрес отеля — не своего, а того, что был напротив. Через пять часов неподалеку от парадного подъезда остановился «паккард», вышли трое; заученно разбежались в разные стороны — рассматривать витрины; тот, кто сидел за рулем, отправился к портю, пробыл там недолго, вышел, пожав плечами, сел в машину и уехал; троица осталась.

Через десять минут Исаев позвонил портю, назвал Зооле — тем псевдонимом, который тогда знала Москва, спросил, не приходил ли к нему, директору Любекского отделения банка, господин высокого роста в бежевой шляпе.

— Он только что ушел, господин Зооле, очень сожалею! Хотите, чтобы я послал за ним человека? Возможно, он еще ждет такси.

— Нет, спасибо, — ответил Исаев, — пошлите вашего человека в отель «Метрополь», это наискосок, пусть оставит портю письмо моего друга, он же принес мне письмо?

— Оно передо мной, господин Зооле, сейчас оно будет в «Метрополе».

В шифрописьюе говорилось: «Спасибо за ценнейшее сообщение. В Берлин вам возвращаться рискованно, позвоните в посольство, назовите и оставьте адрес, о вас позаботятся...»

Через полчаса Исаев, сломанный и раздавленный, выехал на аэродром и взял билет в Берлин...

А может быть, действительно в стране случилось самое страшное, и к власти пришли те, кто хочет Гитлера? Кто же его хочет?

И он не посмел тогда дать ответ на этот вопрос — жалко, сломанно, с ощущением мерзкой гадливости к самому себе...

...Куда бы я отсюда ни бежал, сказал он себе тогда, понимая, что в который уже раз оправдывает себя, вымалывая у себя же самого индульгенцию, меня всюду будут воспринимать как оберштурмбаннфюрера СС, врага, нациста, губителя демократии... Я лишен права сказать, кто я на самом деле, потому что враги начнут кампанию: «гестапо и НКВД умеют сотрудничать даже в разведке, совместимость»... Вальтер Кривицкий ушел чистым... Я служил в РСХА, я замаран тем, что ношу руны в петлице и имею эсэсовскую наколку на руке...

Ну ты, сказал он себе, вернувшись в Берлин, сейчас надо сделать все, чтобы вернуться — нелегально — домой. И уничтожить там тех, кто предал прошлое. Это высшая форма преступления — предательство прошлого. Такое не прощают. За это казнят... Ты способен на это? Или ты трус, спрашивал он себя требовательно, с бесильной яростью.

Эта мысль постоянно ворочалась в нем до того дня, пока он не прочитал фрагменты плана «Барбаросса», а затем получил шифровку из Центра, поначалу испугавшую его, ибо никто не знал его нового адреса: «Ситуация в Югославии складывается критическая, враги, провоцировавшие дома репрессии, ликвидированы, просим включиться в активную работу».

Исаев испытал тогда счастливое облегчение, уснул без снотворного, однако наутро проснулся все с той же мыслью: «Значит, ты все прости? Ты все забыл, как только тебя поманили пальцем?»

Но тогда он уже вновь обрел право дисквалифицировать с самим собою, и поэтому он круто возразил себе: «Меня поманили не пальцем, я не проститутка, мне открыто сообщили, что были репрессии и что с приходом нового наркома Берии прошлое кануло в Лету: Марат — Дантон — Ребес-пьер, революция не бывает бескровной...».

— Я не стану отвечать на ваш вопрос, мистер Макгрегор...

Тот кивнул, закурил, пододвинул Исаеву «Винстон», записал ответ в лист протокола и перешел ко второму вопросу:

— Фамилии, имена, годы и места рождения ваших родителей?

— И на этот вопрос я отвечать не стану.

— Являетесь ли вы членом какого-либо профсоюза, партии, пацифистской организации?

— Прочерк, пожалуйста...

Макгрегор улыбнулся:

— Насколько мне известно, понятие «прочерк» допустимо лишь в тоталитарных государствах. Мы придерживаемся традиций. Я должен записать ваш ответ.

— Я не отвечу и на этот вопрос.

— Имя и девичья фамилия жены?

— Я не отвечаю.

— У вас есть дети?

— Не отвечаю...

Макгрегор перевернул страницу, снова закурил, заметив:

— С наиболее скучными вопросами мы покончили, теперь перейдем к делу.

Он раскрыл вторую папку, достал оттуда фотографию Штирлица, сделанную кем-то в Швейцарии возле пансионата «Вирджиния», когда он искал несчастного профессора Плейшнера:

— Знаете этого человека?

— Чем-то похож на меня...

— Но это не вы?

— Нет, это не я.

Макгрегор пододвинул папку:

— Поглядите: там есть ваши фото в форме, вместе с Шелленбергом в Лиссабоне, данные из вашего личного дела, характеристики...

Все верно: Макс фон Штирлиц, штандартенфюрер СС, истинный ариец, отмечен наградами фюрера и благодарностями рейхсфюрера, предан идеалам НСДАП, характер нордический, стойкий, спортсмен, порочащих связей с врагами рейха не имел, родственников за границей нет, фамилию не менял, никто из близких не был арестован гестапо...

— Этого человека знаете? — усмехнулся Макгрегор. — Или нужны очные ставки?

— Я бы не отказался от очных ставок.

— Вы их получите. Но лишь после того, как мы кончим наше собеседование.

— Мистер Макгрегор, собеседования не получится. Я не стану отвечать ни на один ваш вопрос.

Тот покачал головой:

— На один ответите: как вы себя чувствуете после столь отвратительного путешествия? Пришли в себя?

— Да, в какой-то мере.

— Врач не нужен?

— Нет, благодарю.

— Не считайте за труд закатать рукав рубашки, я хочу фотографировать номер вашей эсэсовской татуировки.

Исаев помедлил мгновение, понял, что отказывать глупо, отвернул рукав, дал сфотографировать татуировку — невыводимую введливую: тысячетный рейх не допускал и мысли о возможном крахе, все делалось на века, прочно.

...А потом в эту комнату с металлическими тяжелыми ставнями ввели штурмбаннфюрера СС Риббе из гестапо — сильно похудел, костюм болтается, глаза пустые, недвижные, руки бессильно висят вдоль тела.

— Вы знаете этого человека? — обратился к нему Макгрегор.

— Да, он мне прекрасно известен, — монотонно-заученно отразировал Риббе. — Это штандартенфюрер СС Штирлиц из политической разведки, доверенное лицо бригаденфюрера Шелленберга.

— Вам приходилось работать со Штирлицем?

— Нет.

— Благодарю вас, — с традиционным оксфордским придыханием учтиво заметил Макгрегор, — можете возвращаться к себе.

Следующим был Воленька Пимезов, бывший помощник Гиацинтова, начальника владивостокской контрразведки в двадцать втором — последней обители белой России...

— Знаете этого человека?

Воленка был в отличие от Риббе совершенным живчиком с сияющими глазами, похудевший, но не изможденный, на Исаева смотрел с восторженным интересом:

— Господи! Максим Максимыч! Сколько лет, сколько зим! И вы здесь!

— Мистер Пимезов, — неожиданно резко, словно бы испугавшись чего-то, прервал его Макгрегор, — пожалуйста, без эмоций! Отвечайте только на мои вопросы! Вам знаком этот человек!

— Конечно! Это Исаев, Максим Максимович...

Макгрегор обратился к Исаеву:

— Вы знаете этого человека?

— Нет.

— Мистер Пимезов, — меланхолично продолжал Макгрегор, — когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с человеком, представленным вам к опознанию?

— Максим Максимович Исаев был ответственным секретарем газеты господина Ванюшина у нас во Владивостоке, начиная с двадцать первого...

Исаев почувствовал, как сжалось сердце, вспомнил громадину Ванюшина, его глаза, полные слез, когда он в номере хабаровского отеля, развалившись на шкуре белого медведя — главным украшением трехкомнатного люкса, — дал ему заметочку из газеты: «Вы прочтите, прочтите повнимательней, Максим Максимыч! Или хотите я? Вслух? С выражением? А? Извольте: «Вчера у мирового судьи слушалось дело корреспондента иностранной газеты по обвинению в нарушении общественной тишины... Корреспондент этот, Фредерик Раннет, сказал своим гостям-иностранцам в ресторане, что в России можно любому и всякому дать по физиономии и ограничиться за это штрафом... Заклучив пари, Раннет подошел к лакею Максиму и дал ему оплеуху. Суд приговорил Раннета к семи дням ареста»... А?! Каково?! И заголовочек: «В России все можно!». У нас все можно, воистину! Вон мне давеча наш премьер Спиридон Дионисевич Меркулов излагал свое кредо: «В репрессалиях супротив политических противников дозировка не потребна, друг мой! Тот станет у нас великим, кто пустит кровь вовремя и к месту — тогда пушай ее хоть реки льются... Это вроде избавления от болезни, это как высокое давление спустить, людскую страсть утихомирить! Главное — врагов называть, от них беда, не от самих же себя?!»

— Что вы можете сказать о деятельности Исаева? — Макгрегор смотрел на Пимезова с легкой долей презрения.

— Блестящий журналист, «перо номер два», его обожали в Приморье...

— Что имеете добавить к этим показаниям?

— То, что в течение последних семи месяцев, перед тем как банды Красной Армии вошли во Владивосток, мы тщательно следили за Максим Максимычем, подозревая его, и не без основания, в том, что он является лазутчиком красных.

Макгрегор обернулся к Исаеву:

— Отвергаете?

Тот кивнул.

Макгрегор отпустил Пимезова: (английский у бедолаги ужасающий, пугает времена, слова произносит на русский лад), протянул Исаеву папочку розового цвета:

— Ознакомьтесь...

Исаев открыл папку и впервые дрогнул: прямо в его лицо смотрели горестные глаза Сашеньки Гаврилиной.

Он долго не мог оторваться от ее фотографии (отметил машинально, что это не подлинник, а копия), потом аккуратно прикрыл папку:

— Мистер Макгрегор, я бы хотел понять, чего вы от меня хотите? Возможно, это поможет нашему диалогу...

Тот согласно кивнул:

— Я готов ответить. Меня и мою службу интересует, на кого вы работали по настоящему: на красных, Шелленберга или на представителя американской разведки мистера Пола Роумэна, вместе с которым, начиная с сорок шестого года, развили столь бурную активность в Латинской Америке?

— Если я отвечу, что по настоящему работал лишь на красных, это может оказаться некоторым конфузом для британской службы: допрашивать представителя русского союзника — без сотрудника посольства...

— Вы совершенно правы, мистер Штирлиц-Исаев... Но ведь вы не сделали подобного рода заявления... Поэтому я допрашиваю вас как эсэсовского преступника...

— Значит, если я сделаю такое заявление, представитель русского посольства будет приглашен сюда?

Макгрегор пожал плечами:

— Кто же приглашает дипломатов на конспиративную квартиру секретной службы? Мы пойдём для этого другое место... Итак, я могу записать: вы признаете, что работали на русских?

— Да.

— Назовите имена тех, кто может поручиться за вас в Москве.

Исаев ощутил физически, как англичанин его ударил: кого он может назвать? Кого? Постышева? Блюхера? Каменева? Кедрова? Уншлихта? Артузова? Берзина? Кого?!

— Я считаю это нецелесообразным.

— Могу поинтересоваться: отчего?

— На этот вопрос отвечать не стану.

— Как нам сообщить русским ваше имя?

— А вы дайте им те имена, которые называли господа, вызванные вами для опознания...

— Хорошо, — Макгрегор протянул Штирлицу свое вечное перо. — Пожалуйста, убедитесь в правильности ваших ответов и подпишите каждый.

Убедившись в том, что его ответы записаны верно, — полное отрицание всего и вся, — Максим Максимович подписал каждый свой ответ.

Макгрегор спрятал бумагу в портфель, откланялся и, уже открыв дверь комнаты-камеры, задумчиво спросил:

— А если бы вам не постелили одеяло с клеймом «Куйбышева», вы бы заговорили по-русски?

И, не дождавись ответа, вышел.

НОЧЬЮ Исаев уснуть не мог, заново анализировал всю беседу с этим придыхающим Мак-

грегором, то и дело возвращался к странному поведению Риббе: живой мертвец, что с ним сделали; потом от Пимезова перебрался памятью к последнему дню во Владивостоке, когда Ванюшин привел его к своему лакею Миньке, тот еще в доме ванюшинских родителей, при рабстве, был «мальчиком», и услышал слова его квартиранта, приват-доцента Шамеса, словно это не четверть века назад было, а только что, в этой странной деревянной комнате... Маленький, с пушкинскими баксами Шамес тогда жарко вещал ему, Исаеву, и Ванюшину: «Если вы сможете зафиксировать электромагнитные волны, исходящие из мозга только что умершего, они будут такими же, как у живого. Они исчезнут лишь на третий день, когда — по нашему христианскому присказу — душа уйдет из тела... Да, да, я верующий, выкрест, хоть и говорят, что жид крещеный, что конь леченый... Поймите, и первый, и второй день покойник фиксирует все происходящее вокруг него! Я еще не ответил себе: организуется ли это слышимое в ужас там, в таинственном, распадающемся мозгу покойника? Ведь на самом деле выходит не душа, а энергия, мощь разума человеческого... Энергия не исчезает — в этом я согласен с марксистами. Но если она не исчезает, значит, разум бесконечен, а человек духовно бессмертен? Покойник и после смерти оставляет здесь свои электромагнитные волны, и если я проживу еще несколько лет и Россия не сожрет самое себя, я сконструирую аппарат, который запишет речи Нерона, плач Ярославны и невысказанные, то есть истинные, мысли Макиавелли... Не смейтесь! (Я действительно смеялся, вспомнил Исаев, я хохотал тогда.) Не зря говорят: «идеи носятся в воздухе!» Стоит только настроиться на них, и тогда высший разум мира войдет в вас, и вы станете новым пророком, и вас распнут продажные торговцы, и все начнется сначала... Что вы смеетесь? (Я смеялся: Ванюшин слушал заворуженно, с неизбывной тоской.) Вы просто не задумывались над тем, отчего все великие люди либо маленькие ростом, вроде Мольера, Наполеона, Пушкина, Лермонтова, Ленина, либо великаны, как Петр, Кромвель, Линкольн! А в чем дело? В том, что они вне среднего уровня человечества, поэтому им сподручнее настраиваться и принимать электромагнитные волны ушедших гениев...» Ванюшин тогда вздохнул: «Свернут вам голову, Рувим,

либо наши изуверы, либо красные...». Шамес зашелся смехом: «Думаете, я боюсь? Нет, вообще-то я, конечно, трус, но за жизнь как таковую страха не испытываю. Почему? А потому, что я, как и вы, есть пустота! Вы касаетесь меня пальцем, и вы ощущаете меня, но чем вы меня ощущаете и что вы ощущаете?! Тело состоит из атомов. А ведь атом — это ядро, вокруг которого в громадной пустоте вращаются крошечные невесомые электроны. В пустоте! Следовательно, вы прикасаетесь пустотой к пустоте! В мире нет массы! Есть энергия и магнитное поле! И все! Тело — миф! Мы бестелесны. Мы из атомов и пустоты, вода — из того же, дерево, корова, Достоевский, Тинторетто, Джоконда... Мы все подданные бестелесной материи, чего же бояться?!»

...Откуда англичане могли получить фото Сашеньки, спросил себя Исаев. Этот вопрос не давал покоя, рождал какое-то напряженное чувство, не оформившееся еще в мысль, но затаившееся во всем его существе.

Идет игра, ему это было ясно, идет по тем правилам, которые он не смог еще понять, но они, эти правила, были изощренны, безукоризненны по форме, но при этом как-то уж слишком упрятаны.

Этот Макгрегор легко доказал мне, что он знает про Штирлица, Исаева, про Сашеньку и, наконец, про Пола Роумэна. Это очень много, это успех, я в шокауте. Но отчего он не закрепил свою позицию на стуле? Почему? Англичане — при всем их такте — жесткие политики, их национальный характер более всего проявляется в спорте: они подарили миру теннис, футбол и бокс, они умеют силовое, мотающе, но тактично атаковать, чего же не атаковал Макгрегор? По-моему, его вообще не очень-то интересовали мои ответы, он добивался другого. Чего?

...Человек в полувоенной форме без погон вошел к нему с подносом, как и вечером: тарелка с овсянкой, кусок хлеба с сыром и чашка с жидким кофе. Как и вечером, он дождался, пока Исаев закончит завтрак, забрал тарелку в первую очередь, потом уже чашку и ложку.

— Когда у вас время прогулок?
— У вас пока нет прогулок.
— Почему? Я наказан?
— Задайте вопрос тому, кто ведет ваше дело.
— А библиотека? Я могу пользоваться услугами тюремной...

— Здесь не тюрьма.
С этим человек вышел, мягко прикрыв за собою массивную, на пневматике, дверь...
...Через пять дней снова пришел Макгрегор, протянул Исаеву листок бумаги:

— Распишитесь.

Исаев прочитал текст: «По настоянию штабс-капитана Штирлица, который утверждает свою принадлежность к русской разведке («М. М. Исаев»), означенный Штирлиц передается советским властям».

Лихая закорючка вместо подписи под машинописным текстом: «помощник начальника отдела»; дата; ни номера, ни печати.

— Согласно с такого рода решением? — спросил Макгрегор.

— Абсолютно.

— Извольте дописать: «С решением сог-

ласен». И распишитесь. Той фамилией, которую сочтете более удобной.

— Устного согласия недостаточно?

— Нет. Вы, видимо, слышали, что множество русских отказываются вернуться домой, справедливо полагая, что их, как всех пленных, которые заразились, — Макгрегор усмехнулся, — западным вольнодумием, отправят в Сибирь. Чтобы в будущем вы не чинили нам иск за то, что мы отдали вас большевикам, извольте выполнить формальность.

Исаев подписал бумагу, Макгрегор кивнул ему и молча вышел.

ГО ПРИВЕЗ-
ЛИ на загородный аэродром к дребезжащему полувозенному «дуг-

ласу» с двумя рядами металлических стульев, закрытых тупупами, и с двумя кушетками в первом отсеке.

Возле двери пилотов, после молчаливого акта передачи Макгрегором таинственного пленника (по ночному городу везли с завязанными глазами; Исаеву почудилось, что дзинькал трамвай, как московская «аннушка» в те благословенные годы, когда был жив папа; странно — разве в лондонских пригородах ходят трамваи? Впрочем, почему я думаю, что это Лондон, а не Глазго или Манчестер?), капитан, назвавшийся Перфильевым, сердечно приветствовал Штирлица, и самолет с тщательно закрытыми иллюминаторами ушел в небо.

— К столу, Всеволод Владимирович, — Перфильев назвал его так, как последний раз называл Уншлихт в двадцать первом, когда встретились в Реввоенсовете республики: отправляясь во Владивосток, Владимиров, впрочем, тогда уже Исаев, был по рекомендации Дзержинского принят заместителем РВС Складским, а потом, минут на пять всего, его пригласил к себе наркомвоенмор Троцкий.

...На ящике, укрытом газетами, стояли бутылка коньяка, банки шпрот, сардин и крабов; сырокопченая колбаса, сыр, сало.

Потрясли Исаева яйца, сваренные вкрутую; за четверть века отвык; на Западе так не готовят...

Или оттого, что выпил он большой фужер коньяку (капитан Перфильев только пригубил: «Я еще должен работать во время рейса, Всеволод Владимирович, не взъежитесь»), то ли оттого, что стало ему сейчас сладостно-спокойно, ушли из головы все эти «никс фарштеген», страшные унижения в галльоне, странный Макгрегор, вон всякий сор из головы, он — неожиданно

для себя — отключился; такого с ним никогда не было...

...Проснулся оттого, что капитан тер ему уши:

— Всеволод Владимирович! Просыпайтесь! Садимся! Москва!

Было по-прежнему темно, все иллюминаторы зашторены. Когда Перфильев открыл дверь и выбросил металлическую лестничку, Исаев увидел звезды — улетал ночью, прилетел в ночь; такой же потаенный, без огней, загородный аэродром, большой автомобиль (он сразу вспомнил «ЗИС-101», такие были в советском посольстве на Унтер-ден-Линден, немцы очень потешались); подполковника с орденскими планками:

— Товарищ Владимиров, от имени и по поручению командования разрешите сердечно приветствовать вас с возвращением на родную землю! Подполковник Петров, отдан в ваше распоряжение.

— Спасибо, товарищ Петров... Сердечно благодарю за встречу... Мою семью предупредили? Мы сейчас поедем к ним?

— Командование приняло иное решение, товарищ Владимиров: нельзя травмировать вашу супругу и сына... Они считали вас погибшим, как и мы все... Их надо готовить к встрече, за это время и вы придете в себя, поехали!

...Дачка была небольшая, уютная, две спальни, столовая и кабинет, большая веранда, на кухне — настоящая русская плита; на веранде был накрыт стол. Петров представил молоденького лейтенанта: «Колья Штыков, стенографист, пока мы будем готовить ваших к встрече, — дней семь на это уйдет, — надиктуете отчет о проделанной работе, поэтапно, с самого начала, на имя секретаря ЦК товарища Кузнецова. Он теперь курирует органы, герой ленинградской блокады, вы с ним вскорости увидите, он будет визировать документы на ваше звание Героя. Тогда же все приостановилось, мы получили данные, что вы погибли тридцатого апреля...»

...Исаев работал неделю с упоением; худенький Коля стонал:

— Рука отваливается, Всеволод Владимирович! Пожалейте...

— А вдруг от радости у меня сердце порвется? Тогда как? Нельзя уносить с собою то, что знаешь, Николаша, давай помассирую пальцы, я дока в массаже.

Еще неделю, постоянно, возрастающе-тревожительно торопя подполковника Петрова с переездом домой, в семью, Исаев продолжал работать: вычитывал надиктованное, дополнял, многое переписывал, работой увлекся, просил сделать вклейки, сам дивился своей памяти, а главное, тому, что было с ним все эти четверть века; наконец, удовлетворенный, подписал труд и пододвинул его Коле.

Подполковник Петров продиктовал текст, который надо было от руки написать секретарю ЦК Кузнецову: мол, прошу ознакомиться с итогом моей работы, возможно, потребуются дополнения, я готов.

Потом улыбнулся своей открытой, доброжелательной улыбкой:

— И у меня для вас сюрприз, Всеволод Владимирович! Завтра едем домой. Сегодня день отдыха, прощальный пир с тостами.

Весь день играли в шахматы, катались в лодке по небольшому озеру. Исаев становился все более бледным, и руки делались ледяными; выехали в одиннадцать.

Коля шепнул:

— Войдем с боем курантов, праздник так праздник!

«ЗИС» несся по безлюдной Москве, которую Исаев не видел двадцать семь лет: совершенно другой город, много широких улиц, но в новых домах чувствуется до боли знакомая фундаментальность, отличающаяся арийский вкус; откуда нашим архитекторам знать берлинские ансамбли?!

«ЗИС» летел на красный свет; немногочисленные пешеходы разбежались в стороны, а шофер то ли по рассеянности, то ли чтобы посмешить пассажиров, то ли оттого, что заметил яму, крутанул руль в лужу и окатил старика с собачкой водой, а подполковник с Колей захохотали, и это заставило Исаева заново посмотреть на их лица.

— Ничего, обсохнет, — сказал Коля каким-то новым голосом, и в это время «ЗИС» въехал в приоткрытые ворота.

Машину окружили военные, распахнули двери, первым вылез подполковник Петров, за ним Коля. Подполковник, направляясь к темному зданию, коротко бросил, кивнув на Исаева:

— Оформляйте арестованного.

НАД ДВЕРЬЮ камеры горела лампа; от нее, казалось, нигде не спрячешься, как и от

тех размеренных, нарочито громких шагов надзирателей, которые менялись, неестественно громко выкрикивая: «Пост по охране врагов народа сдан!» Вторивший ему отклик был столь же громким, торжествующим: «Пост по охране врагов народа принят!»

Вот ты и приобщился, сказал себе Исаев. Только теперь я до конца понял, что два эти слова звучат дома как высшая награда за верность революции; все стало на свои места, наконец-то...

Камера была маленькая; крошечное оконце забрано не только решетками, но и «намордником» снаружи.

Но почему этот стенограф Николаша, подумал вдруг Максим Максимович, весело глядя мне в глаза, обещал войти в мой дом с боем курантов, чтобы праздник был настоящим? Ведь он знал, что меня ждет; почему он глумился над моей надеждой? А что ему было делать, возразил себе Исаев. Смотреть на меня, как на врага? Ему же сказали: «Это враг

народа». А он поверил? Почему нет? Поэтому и вел себя по-дружески, иначе я бы не стал работать с таким вдохновением, как работал на даче, вспоминая структуру моего прошлого, прикидывая вариантность настоящего и вероятия будущего.

...Когда спустя долгие четыре недели и три дня его повели на допрос и два надзирателя в погонах (он не обратил внимания на погоны, когда обрабатывали перед тем, как закупорить в камеру, слишком силен был шок) постоянно ударяли ключами о бляхи своих поясов, словно давая кому-то таинственные знаки, Исаев собрался, напряг мышцы спины и спокойно и убежденно солгал себе: «Сейчас все кончится, мы спокойно разберемся во всем, что товарищам могло показаться подозрительным, и подведем черту под этим бредом». Услышав в себе эти успокаивающие, какие-то даже заискивающие слова, он брезгливо подумал: «Дерьмо! Половая тряпка! Что может казаться подозрительным в твоей жизни? Ты идешь на бой, а ни на какое не на «выяснение»! Все уж выяснено... Ты трус и запрещаешь себе, как всякий трус или неизлечимо больной человек, думать о диагнозе».

...Следователем оказался паренек, чем-то похожий на стенографа Колю: назвал себя Сергеем Сергеевичем, предложил садиться, медленно, как старательный ученик, развернул фиолетовые страницы бланка допроса — из одной сразу стало четыре — и начал задавать такие же вопросы, как англичанин Макгрегор: фамилия, имя, отчество, время и место рождения. Исаев отвечал четко, спокойно, цепко изучая паренька, который не поднимал на него глаз, старательно записывая ответы, однако — Исаев ощутил это — крепко волновался, потому что сжимал школьную деревянную ручку с новым пером марки «86» значительно сильнее, чем это надо было, и поэтому фаланга указательного пальца сделалась хрустко-белой, словно в первые секунды после тяжелого перелома.

После какой-то чепухи, тщательно, однако, фиксирующей (на чем добирались из Москвы до Читы; какое ведомство покупало билет, сколько денег получили на расходы, в какой валюте), он неожиданно заинтересовался:

— Какого числа Блюхер отправил вас в Хабаровск на связь к Постышеву?

— Это же было четверть века тому назад, точную дату я назвать не могу.

— А приблизительно?

— Приблизительно осенью двадцать второго...

— Осенью двадцать второго, — чеканно, поучающе, назидательно повторил Сергей Сергеевич и вдруг шлепнул ладонью по столу: — Ленин в одной из своих речей провозгласил: «Владивосток далеко, а город это наш».

— Значит, это была осень двадцать первого.

— Перед отправкой в Хабаровск к бельму Блюхер и Постышев инструктировали вас?

— Инструктировал меня Феликс Эдмундович...

Сергей Сергеевич закурил «беломорину», пустил дымок к потолку, заметил взгляд Исаева, которым тот провозжал эту пепельно-лиловую струйку табачного дыма, и, глядя куда-то в надбровье под следствием, уточнил:

— Вы хотите сказать, что к Блюхеру и Постышеву вас отправлял лично Дзержинский?

— Да.

— Что он говорил вам?

— Обрисовал ситуацию во Владивостоке, попросил держать связь с ним через Постышева, тот, видимо, отправлял мои донесения Блюхеру, а от него они шли в Москву...

— Дзержинскому?

— Этого я не знаю.

— А в Реввоенсовет Блюхер не мог отправлять ваши донесения?

— Думаю, что в Реввоенсовет их отправлял Феликс Эдмундович...

— Троцкому? — спросил Сергей Сергеевич и еще крепче сжал ручку своими тонкими пальцами.

— Скорее всего Склянскому, заместителю Троцкого...

— Но вы допускаете мысль, что Дзержинский отправлял ваши донесения Троцкому?

— Вполне, — ответил Исаев.

Сергей Сергеевич как-то судорожно вздохнул, отложил ручку трясушимися пальцами и осведомился:

— Курите?

— Да.

Он достал папироску и протянул ее Исаеву:

— Пожалуйста.

— Спасибо.

— Продолжим работу, — сказал Сергей Сергеевич и снова вцепился в ручку. — Считаете ли вы возможным, что и Троцкий ставил перед вами оперативные задания, особенно накануне волочаевских событий?

— Считаю такое возможным, ведь в то время Троцкий возглавлял Красную Армию...

— Вы настаиваете на этом утверждении? — безучастно заинтересовался Сергей Сергеевич.

Исаев не понял:

— На каком именно?

Сергей Сергеевич зачитал ему текст:

— «Троцкий возглавлял Красную Армию»... Я правильно записал ответ? Искажений нет? Вы возражайте, если не согласны с моей записью... Вы правьте меня, это ваше конституционное право...

— Записано правильно.

— Скажите, а в тех инструкциях, которые вы получали из Центра, не было ли каких-то настораживающих вас моментов?

— То есть? — Исаев, внимательно следивший за каждой интонацией следователя, за каждым мускулом его плоского, совершенно бесстрастного лица, не понял смысла вопроса: как можно было сомневаться в указаниях Дзержинского?

— Фамилия Янсон вам говорит что-нибудь?

— Какого Янсона вы имеете в виду? Их было несколько: Николай, Яков...

— Я имею в виду того, который вместе с Блюхером вел переговоры с японцами в Дайрене, — уточнил Сергей Сергеевич.

— Лично с ним я не встречался, но фамилия эта мне известна.

— Я хочу познакомить вас с его показаниями, данными здесь, на следствии: «Лишь значительно позже, в конце тридцать третьего года, когда я активно включился в работу запасного троцкистского центра, Зиновьев сказал мне, что Троцкий переписал тезисы наркоминдела Чичерина, исправив их в том смысле, как это было угодно японским милитаристам. Тогда, в Дайрене, я отчетливо понимал, что наша позиция носит несколько странный, излишне бескомпромиссный характер, однако Блюхер держался этой линии неотступно. Зиновьев, когда мы встретились на даче в Ильинском летом тридцать третьего, совершенно определенно заявил, что Блюхер проводил политику Троцкого, чтобы спровоцировать выступление японцев и затем, после нашего неминуемого отступления, отдать им те территории, на которые они претендовали, в обмен на унижительный мирный договор». Что вы думаете по этому поводу?

— Я хочу ознакомиться с показаниями Янсона...

— Вы что, мне не верите? — Сергей Сергеевич обидчиво удивился. — В таком случае можете заявить отвод...

— Я не сказал, что я вам не верю. Я прошу разрешения ознакомиться с показаниями Янсона...

— Я вас с ними ознакомил.

— Это вздор. В Дайрене была занята правильная позиция. Советская делегация вела переговоры мастерски и мужественно — почитайте белогвардейскую прессу той поры, японские газеты...

— Итак, я формулирую ваш ответ: «Показания Янсона являются клеветническими»... Так?

— Что значит «я формулирую»? — Исаев не понял.

— Я формулирую ваш ответ для записи в протокол допроса. В протокол нелепо вводить слова типа «вздор», нас с вами не поймут... Вопросы и ответы должны быть конкретными, а не эмоциональными.

— Нет уж, давайте-ка я буду формулировать ответы сам, Сергей Сергеевич...

— У вас потом будет право прочитать документ и внести собственноручные изменения.

— Почему «потом»? Если право есть, оно должно существовать постоянно, а не «потом».

— Хотите писать ответы собственноручно?

— Да, предпочел бы.

— У вас есть какие-то претензии к методу и форме ведения допроса?

И Максим Максимович после паузы ответил:

— Нет.

Следователь быстро поднялся из-за стола, подошел к Исаеву, протянул ему свою ученическую ручку и, словно фокусник, растопырив пятерню, резко развернул бланк протокола допроса, так, чтобы можно было писать подследственному:

— Пожалуйста, внесите в протокол этот ваш ответ собственноручно.

Русский Макгрегор, подумал Исаев, разбирая ученический почерк следователя, — парень продолжал писать по-школьному, с нажимом, буквочка от буквочки, а три ошибки все равно засадил, не знает, где и как ставить мягкий знак.

— У вас тут ошибки, — заметил Исаев. — Мне исправить или вы сами?

Сергей Сергеевич покраснел — по-девичьи внезапно; потом, однако, лицо его сделалось пепельным, синюшно-бледным, он вернулся на свое место, медленно размял папиросу, закурил и, уткнувшись в протокол, начал изучать его: слово за словом, букву за буквой; ошибки свои не нашел или же намеренно не стал исправлять их.

Закончив чтение первого листа бланка допроса, он проверил, заперты ли двери стола, и сказал:

— С места не подниматься, к окну не подходить — все равно первый этаж, я скоро вернусь, продолжим работу.

Он вернулся через тридцать два часа, когда Исаев свалился со стула.

— Простите, пожалуйста, — испуганно говорил Сергей Сергеевич, усаживая Исаева, — у меня с отцом случилась беда, увезли в больницу, я так растерялся, что никого здесь не успел предупредить. Извините меня, такая незадача, — он подбежал к двери, распахнул ее и крикнул в пустой коридор:

— Юра, позвони, чтоб срочно принесли две чашки кофе и бутерброды!

— Разрешите мне вернуться в камеру, — попросил Исаев. — Я не в состоянии отвечать вам...

— А вы думаете я прилегу хоть на минуточку? — следователь ответил устало, с каким-то безразличием в голосе. — У отца инфаркт, я все это время провел в приемном покое, тоже еле на ногах стою... У меня всего несколько вопросов, вы уж поднаутужьтесь...

— Ну давайте тогда скорее...

— Всеволод Владимирович, может, я касаюсь самого больного, — следователь сейчас был мягок и чуточку растерян, конфузился даже, бедный мальчик, — скажите, кто по партийной принадлежности был ваш отец?

— Это же все есть в моем личном деле...

— Оно погибло, вот в чем вся беда, това... Всеволод Владимирович... Сгорело в сорок первом, когда наши архивы вывозили в Куйбышев... Поймите меня правильно, если бы мы имели ваше личное дело, неужели вы бы здесь сейчас сидели?

А может, действительно он говорит правду, подумал Исаев, ощутив в себе рождение затаенного тепла надежды. Тогда понятно все происходящее, доверяй, но проверяй, так вроде бы говорили...

— Мой отец был меньшевиком...

— А я не верил в это, — вздохнул Сергей Сергеевич и как-то даже обмяк. — В голове такое не укладывалось...

— Почему? Другие были времена... Отец в свое время дружил с Ильичем, несмотря на идейные разногласия.

— До революции?

— Да.

— В какие годы? Где встречались?

— Особенно часто в Париже, в одиннадцатом...

— А потом?

— Последний раз в Берне, когда обсуждался вопрос о выезде в Россию, это была весна семнадцатого...

— Вы присутствовали на этой встрече? Кто там был?

— Там было много народа, встреча была у нас дома: Мартов был, Аксельрод, кажется...

— Зиновьев, — подсказал следователь.

— Конечно, был и Зиновьев... А как же иначе? Он ведь первым с Ильичем уезжал, мы — только через месяц, с Мартовым...

Вошел надзиратель с подносом, на котором стояли стаканы с кофе и четыре бутерброда с колбасой и сыром...

— Угощайтесь, Всеволод Владимирович, — предложил следователь, старательно заполняя бланк допроса.

— Давайте поскорее закончим, — попросил Исаев, — тогда я съем бутерброды и вы меня отправите в камеру, не то я прямо тут усну...

— Мы практически закончили, ешьте...

Когда Исаев подписал бланк, следователь снова вышел из кабинета, сказав, что он позвонит в больницу узнать, как здоровье отца; вернулся на следующий день.

...В тот миг, когда голова Исаева сваливалась на грудь и он засыпал, сразу же появлялись два надзирателя:

— Спать будете в камере!
...Сергей Сергеевич появился уставший, с синяками под глазами:

— Чуть-чуть лучше старику, — сказал он.
— Еще несколько вопросов, и пойдете отдыхать.

— Тварь, — тихо сказал Исаев. — Ты маленькая гестаповская тварь, вот ты кто. Отвечать на вопросы отказываюсь. Требую твоего отвода.

— Это как начальство решит, — рассеянно ответил Сергей Сергеевич. — Я доложу, конечно, а пока продолжим работу: вы жи-

ли с отцом в одной квартире? Формулирую: являясь работником ЧК, вы жили в одной квартире с меньшевиком и не отмежевались от него. Так?

А чем он виноват, этот несчастный Сергей Сергеевич, спросил себя Исаев. В стране произошло нечто такое страшное, что и представить нельзя. Передо мной не человек. У него в голове органчик, как у шедринских губернаторов, бесполезно говорить, непробиваемая стена. А я погиб. Все. Если б я один — не так страшно... Но со мною они погубят и Сашеньку, и Саньку, теперь я в это верю.

У СНОВА четыре недели Исаева не вызывали на допрос; душили стены камеры, выкрашенные в грязно-фиолетовый цвет; днем — тусклый свет оконца, закрытого «намордником», ночью — слепящий свет лампы; двадцатиминутная прогулка, а потом — утомительная гимнастика: отжим от пола, вращение головы, приседания — до пота, пока не прошибет.

«Приказано выжить»... Эти слова Антонова-Овсенко он теперь повторял утром и вечером.

Первые недели он порою слеп от ярости: чего они тянут?! Неужели так трудно разобраться во всем?! Но после общения с Сергеем Сергеевичем понял, что никто ни в чем не собирается разбираться, ему просто-напросто навязывают комбинацию, многократно ими апробированную.

Они, однако, не учли, что я прожил жизнь в одиночке, четверть века в одиночке, наедине с самим собой, со своими мыслями, которыми было нельзя делиться ни с кем — даже с радистами; суровый закон, испепеляющий, но — непреклонный...

Они думают, что отъединение от мира, неизвестность, мертвая тишина, прерываемая звоном кремлевских курантов и идиотскими выкриками «пост по охране врага народа» (нельзя называть меня «врагом», пока не вывели на трибунал, я — «подследственный», азбука юриспруденции), сломят меня, сделают истериком и податливым дерьмом. Хрен!

Спасибо им за эту одиночку, я волен думать здесь, я совершенно свободен в мыслях; единственный выход — свободомыслие в тюрьме, — страшновато, но, увы, — правда, поэтому-то я и вычислил, что не имею права говорить ни слова про Сашеньку и сына, нельзя открывать свою боль, это — непоправимо, будут знать, на что жать...

Ты достаточно открылся, когда работал

на даче, признался он себе с горечью, не забывая этого. Видимо, они тянут не только потому, что это — метод, они составляют какой-то особый план, понимая, что со мной работать не просто, профессионал... Ерунда, возразил он, комиссар госбезопасности Павел Буланов тоже был профессионалом, вывозил Троцкого в Турцию, до этого круто работал по бандформированиям, а что плел на бухаринском процессе?! Какую ахинею нес?! Как оговаривал себя?! «Я опрыскивал ртутью кабинет Ежова». А что, пулю ему в лоб он не мог пустить?! Надежней, чем ртуть разбрызгивать, сам, кстати, первый от этого разбрызгивания и должен быть помереть.

Они готовят план, исходя из системы своих аналогов, из нарабатанного ими опыта, — именно поэтому они сгорают на мне. Я помню, как мистер Шиббл, когда мы шли в Парагвай через сельву, смеялся, рассказывая, что является признанным эталоном красоты индейской женщины: плоское лицо, надрезы на щеках, закрасненные ярко-красной смолой, зачерненные зубы и кольцо в носу.

А что, верно, у каждой этнической группы свой эталон красоты и манеры поведения: где-то на Востоке принято рыгать, только тогда хозяин удостоверится, что его гость сыт, высшая форма благодарности...

Сергей Сергеевич и тот, кто им управляет, имеют свои эталоны; что ж, посмотрим, как мы наложимся друг на друга.

...На очередной допрос его вызвали в три часа. Сегодня, однако, его подняли на лифте, ввели в приемную — окно затянуто мелкой сеткой, чтоб никто из арестованных не сиганул головой вниз; за столом-бюро сидел элегантный мужчина в штатском; много телефонов; раньше у нас в ЧК были совершенно другие модели — с «рогами», трубки изогнутые, чтоб говорить прямо в мембрану, а здесь сплошь немецкие, самой последней формы, наверное, вывезли из Германии,

Поднявшись из-за стола-бюро, мужчина отпустил надзирателей и предложил Исаеву:

— Устраивайтесь на диване, руководство скоро освободится...

...Портрет Дзержинского, напротив — Сталина в форме генералиссимуса.

По-моему, никто из русских царей, подумал вдруг Исаев, не чеканил победные медали со своим изображением; в России был Георгиевский крест, были ордена свя-тых — Анны, Владимира; во Франции — розетка Почетного легиона; даже Наполеон не изображал свой профиль на медалях; Сталин не постеснялся.

На столе-бюро что-то запищало, мужчи-на в штатском поднялся:

— Пожалуйста, вас приглашают к руко-водству.

Поддерживая локтями брюки, Исаев на-правился к двери; проходя мимо мужчи-ны, заметил:

— В двадцать первом в этом помещении работал Сыроежкин и его группа, те, ко-торые потом взяли Савинкова.

...Нынешний кабинет, куда вошел Исаев, был раза в четыре больше, чем все поме-щения группы Сыроежкина; видимо, объ-единили несколько комнат.

За большим столом сидел крупный, хоро-шо сложенный человек; ношенный пиджак висел на одном из стульев, окружавших большой стол заседаний; рубашка на этом крупном мужчине с симпатичным лицом и очень живыми глазами была застиранная, мятая, черный галстук приспущен.

— Ну, здравствуйте, Всеволод Владими-рович, — сказал он, — присаживайтесь, я заказал кофе и бутерброды. Наша балан-да, видно, стоит у вас поперек горла? Толь-ко-только карточки отменили, что вы хоти-те, страна лишь начинает оживать...

— Она по-настоящему оживет, — заме-тил Исаев, — когда не будет сажать своих солдат в одиночки внутренней тюрьмы...

— Тоже верно, — легко согласился муж-чина. — Вы правильно расставили акценты: «своих солдат». Чужих — будем сажать и ставить к стенке.

— Докажите, что я не «свой», — може-те ставить к стенке.

— Ну, знаете ли, у меня нет времени доказывать вашу невиновность! Это вам — карты в руки! Мне надо шпионов ловить, бандеровцев выкуривать из лесов, мельни-ковцев, литовских и эстонских «черных бра-тьев»... Кто это за нас будет делать?

— Я хотел бы знать, с кем я разговари-ваю. Вы не представились.

— Помощник разве не сказал? Называй-те меня генерал Иванов. Можете по имени-отчеству: Аркадий Аркадьевич...

— Я бы хотел спросить вас, в чем меня обвиняют? Я уж тут отдыхаю третий мес-яц, пора объясниться...

— Именно за этим я вас и пригласил, Всеволод Владимирович.

Генерал положил крепкую руку на четы-ре папки, что лежали возле телефона, от-личавшегося от всех остальных формой и цветом, внимательно, с некоторой долей со-страдания осмотрел Исаева, поинтересовал-ся, хочет ли его собеседник курить; выслу-шав отрицательный ответ, покачал головой:

«Не все обладают такой силой воли, по-рою за одну затяжку такое начинают нес-ти, что хоть уши затыкай...»

— Давайте по делу, — Исаев говорил сухо, совершенно спокойно, ибо он понял, что сейчас-то и началась игра; он слышал об этом от Айсмана, прием назывался «те-plo против холода».

— Давайте, — согласился тот, кто пред-ставился «Аркадием Аркадьевичем Ивано-вым». — Все документы, которые нам уда-лось собрать на вас, были доложены выс-шему руководству. Меня уполномочили пе-редать: будущее в ваших руках, Всеволод Владимирович...

— То есть?

Иванов на мгновение задумался, потом, не спуская глаз с Исаева, позвонил по те-лефону:

— Кофе отменяется и бутерброды тоже. Пришлите парикмахера, принесите костюм, хорошие туфли, рубашку с галстуком и пу-lover... Мы поедем пообедать в гостиницу «Москва». — Он дружески подмигнул Иса-еву и, прикрыв ладонью мембрану, поинте-ресовался: — Как относитесь к такого ро-да перспективе, а?

...В ресторане «Москва» они устроились возле окна; вид на Кремль был ошелом-ляющим; Исаев нашел глазами те окна в «Национале», где жили Ильич и Надежда Константиновна; Каменев жил этажом вы-ше, рядом с ним был приготовлен двух-комнатный номер для Троцкого, но нарком-военмор сразу же перебрался в свой по-езд, который сделался его штабом, — вплоть до конца двадцатого мотался по фронтам: в номере жили его жена Наталья Седова и сыновья Сережа и Лев.

— Я предлагаю меню, — сказал Иванов, разглядывая наименования блюд, написан-ные на шершавой серой бумаге от руки. — Закуска: селедка с картошкой, две порции икры и балык. Сборную солянку будете? Не забыли, что это такое?

— Я просто не знаю, что это такое, — ответил Исаев. — В Москве и Питере та-кого в мое время не было, во Владивосто-ке подавали все больше рыбные блюда.

Иванов поднял глаза на Исаева, в них было сострадание.

— Тогда обязательно угощу сборной со-лянкой... Это наше, типично русское... По-том возьмем рыбу «по-монастырски», тоже из серии забытых блюд, так сказать, зо-лотопогонных... Традиционная еда, наша, не «девалая» какой или «шницель»... Рус-ская кухня вполне может соревноваться с французской, и не только соревноваться, но и победить... А вам, я вижу по глазам, не все наше нравится, — он рассмеялся. — Шучу, но все же напоминаю: «Союз не-рушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» — формула отлита в бронзу...

Исаев хотел сказать, что помнит ярость Ильича, когда Сталин предложил вклю-чить Украину, Закавказье, Белоруссию и Туркестан в состав РСФСР, автома-тически подчинив их Москве; Ленин ярил-ся так, как умел язвиться только он — от-крыто, с гневом: не включение в РСФСР, а добровольное соединение, с правом вы-хода из Союза! Не имперское погло-

щение, а братское соединение народов, освобожденных Революцией; нет, этого ему говорить нельзя, я и так сказал слишком много, подумал он, но я должен был сделать нечто, чтобы — в свою очередь — раскачать этого «Аркадия Аркадьевича», разгневанный человек чаще открывается, а мне нужно хоть в малости понять его, я хожу в потемках, они меня запутали, я ничего не понимаю, такого со мною не было еще...

Однако Иванов открылся сам. После того как официантка убрала стол и заинтересовалась, что «дорогие гости» возьмут на «третью» (единственное слово, что осталось от моих времен, подумал Исаев; на Западе это называют «десерт»; мы во время революции «третьим» называли компот), генерал заказал мороженое с вареньем и кофе, дождался, пока официантка отошла, достал из кармана фотографию и протянул ее Исаеву:

— Знаете этих людей?

— Одного знаю очень хорошо. Это Эйхман, в гестапо он занимался уничтожением евреев... Я же писал о нем, когда работал на даче...

— Читал... Очень интересный материал... Эйхман скрылся... Мы делаем все, чтобы найти этого изувера... А тот, кто рядом с ним? В штатском?

— Знакомое лицо... Очень знакомое... Я этого человека видел...

— Не в гестапо?

— Гестапо — не моя епархия, — усмехнулся Исаев. — Я бы застрелился, доведись мне там работать...

Иванов искренне удивился:

— Почему?! С точки зрения разведчика — это поразительный объект для оперативной информации.

— Верно. Но мне пришлось бы, как и всем сотрудникам Мюллера, принимать участие в допросах, которые чаще всего сопровождались пытками... А пытали там не своих, а наших... Вы бы смогли там работать?

— Вопрос жесткий, — Иванов ответил не сразу, лоб собрало морщинами, лицо как-то враз постарело, выявилась тяжелая, многолетняя усталость. — Я сразу и не отвечаю. Вы меня поставили в тупик, честно говоря... Ладно, а у вас, в шестом управлении, в разведке, у Шелленберга, вы этого человека не встречали?

— Нет. Я его встречал где-то в посольствах... Или у Риббейтропа, на Вильгельмштрассе...

— Когда? В какие годы?

— Опять-таки боюсь быть неточным, но это были последние месяцы войны...

— Сходится, — сказал Иванов, и то напряжение, которое так изменило его лицо, сменилось расслабленностью; даже на спинку стула отвалился. — Фамилию не помните?

— Нет.

— Кто он, судя по лицу, по национальности?

— Я не умею определять национальность по лицу, ушам или черепу, — ответил Исаев. — Это в рейхе знали рейхсминистр Розенберг, псих Юлиус Штрайхер и пропаган-

дист-идеолог Геббельс... У них надо консультироваться...

— Валленберг... Вам что-нибудь говорит это имя?

Исаев снова посмотрел на фотографию, кивнул:

— Вы правы, это Валленберг, банкир из Швеции.

— Вам не кажется странным, что еврейский банкир из Швеции дружески беседует с палачом еврейского народа?

— Шведский банкир, — уточнил Исаев, — в Швеции нет национальности, там есть вероисповедание... Валленберг, мне кажется, был католиком... Он работал в шведском посольстве в Будапеште, там Эйхман не только уничтожал евреев, но старался часть несчастных обменять на машины и бензин для рейха... Видимо, Валленберг, как и граф Бернадотт, родственник шведского короля, пытался спасти как можно больше несчастных...

Иванов спрянул фотографию в карман, дождался, пока официантка расставила на столе мороженое и кофе, а потом сказал:

— Дело в том, что Валленберг у нас...

И мы располагаем данными, что он сотрудничал с Эйхманом... В общем-то, мы могли убедиться в этом, разглядывая их улыбающиеся лица, — говорят не враги, а друзья... Мы не хотим портить отношения со шведами, нам хочется провести открытый суд, изобличить Валленберга, а потом выслать его к чертовой матери в Стокгольм... Мы попали в сложное положение, понимаете? Я расскажу вам суть дела, если согласитесь помочь мне...

— То есть?

— Либо мы переведем вас в камеру к Валленбергу и вы, как Штирлиц, а не Исаев, убедите его в целесообразности выйти на открытый процесс, принять на себя хотя бы часть вины в сотрудничестве с Эйхманом, то есть с гестапо, или же на открытом процессе дать показания — в качестве Штирлица, а не Исаева, — что вы знали о сотрудничестве Валленберга с Эйхманом...

— Второе исключено: вас уличат во лжи... Я, чтобы вернуться на родину, сказал англичанам, что являюсь русским разведчиком; Максим Максимович Исаев, он же Юстас, вы читали мою исповедь...

— А если не это обстоятельство? Вы бы предпочли второе предложение?

Исаев ответил не сразу; конечно, второе, думал он, это мой единственный шанс... На открытом процессе я скажу всю правду, если только там будут иностранные журналисты и наши писатели вроде Вишневого и Эренбурга, как на Нюрнбергском процессе...

— Я боюсь, что после процессов тридцатых годов, — сказал Исаев, — если не будет иностранной прессы со всего мира, если об этом не будет снят фильм, вам не поверят... Жаль, кстати, что процессы над генералами Власовым и Малышкиным были закрытыми. Я не мог понять, отчего их не транслировали по радио... Измену, настоящую, а не мнимую, надо обличать публично...

— Беретесь написать сценарий вашего поединка с Валленбергом на открытом про-

цессе, где будет пресса и кино со всего мира?

— Он отрицает связь с гестапо?

Иванов долго смотрел в глаза Исаева, не в надбровье, не на уши, а именно в глаза; потом, вздохнув, ответил:

— Да.

— Я должен ознакомиться с документами, Аркадий Аркадьевич. Это во-первых. После этого процесса я наверняка тоже буду осужден как штандартенфюрер СС Штирлиц, и не только осужден, но и ликвидирован — лжесвидетеля полагается нейтрализовать, это во-вторых. И вообще вся ваша конструкция кажется мне липовой, потому что, как только английские журналисты сделают мои фото, а хроникеры перешлют в Лондон пленку, вас схватят за руку, и это будет такой позор, от которого не отмоешься: русский Юстас играет роль немца Штирлица...

— Хорошо, а если мы предпримем такие шаги, что Лондон промолчит?

Исаев вздохнул:

— Будет вам, Аркадий Аркадьевич! Я ж в разведке побольше вас отслужил...

3 НАКОМЬТЕСЬ, Всеволод Владимирович, это Викентий Исаевич Рат, наш сотрудник.

— сказал Иванов.— Лондон у нас оборудован неподалеку от Москвы, как говорится, доверяй, но проверяй. Не заподозрили игру? Как язык нашего Макгрегора?

— Блестящая работа,— ответил Исаев.— Поздравляю.

Сказать ли им про трамвайный перезвон, который удивил меня, когда они гнали на «военный аэродром», подумал Исаев, или приберечь? Видимо, стоит приберечь, потому что у меня тогда только мелькнула тень подозрения, я действительно верил, что попал к англичанам, я был слишком счастлив, когда после этого ублюдка «никс фарштейн» и одеяла с клеем теплохода «Куйбышев» услышал оксфордское придыхание; слишком страшно было поверить, что в смрадный трюм меня бросили с вои...

— Честно признаться,— сказал Рат и, словно мальчишка став на колени возле шофера, повернулся к Исаеву,— я здорово волновался, когда шел к вам на первую встречу.

— Встречей я определяю мероприятие иного рода,— усмехнулся Исаев, заворо-

— И все-таки,— поднимаясь из-за стола, повторил Иванов,— если мы решим вопрос с Лондоном, вы согласитесь оказать услугу Родине?

— Сначала вы мне должны доказать, что эта услуга нужна Родине. Затем вы должны устроить мне встречу с семьей, а потом объяснить, как вы «решите вопрос с Лондоном»...

— Подождите пару минут, я вызову машину,— сказал Иванов.

— Только не уходите на сутки, как Сергей Сергеевич, меня в милицию заберут, денег-то нет,— усмехнулся Исаев.— Чем расплачусь за такой сказочный обед?

...Когда они спустились к «ЗИСу», Исаев сразу заметил, что рядом с шофером сидит чем-то знакомый ему человек; наклонил голову, словно бы завязывал шнурок ботинка; заметил он и то, что возле двери салона сидел бугай с майорскими погонами; он таким образом, оказался посередине — между майором и Ивановым, как и полагается арестованному.

Когда «ЗИС» резко взял с места, тот, что сидел возле шофера, распрямился и медленно повернул голову.

Это был Макгрегор.

женно разглядывая улицу Горького.— Вы шли на допрос, а не на встречу.

— Вопрос с Лондоном, который вы определяли как «главный», — решен, правда? — спросил Исаев.

— Осталось решить еще два,— ответил Исаев.

— Я помню.

— А как называется этот проспект? — спросил Исаев, когда они переехали мост, переброшенный через подъездные пути Белорусского вокзала.

— Ленинградский,— ответил Рат.— Ведет к Химкинскому водохранилищу, прекрасные пляжи, сосновый бор; трудящиеся отдыхают по воскресеньям.

— Посмотрим?

Иванов кивнул:

— Рабочие новостройки посетим в следующий раз, у меня скоро совещание, руководство не поймет, если я опоздаю.

— Вы — руководство,— Исаев усмехнулся,— так вас называют секретарь.

Иванов пожал плечами:

— Шапты довольно быстро входят в обиход, вытравить их куда труднее... Я должен быть у товарища Абакумова, он министр — это и есть руководство...

— Санкцию на свидание с женой и сыном дадите вы? Или руководство?

— Это не простой вопрос, Всеволод Вла-

димирович... Мы разделим его на два этапа...

— То есть?

— С матерью вашего сына вы встретитесь в ближайшие дни, после того как начнете писать сценарий... Стенограф Коля, видимо, неприятен вам, так что я попрошу подключиться к работе нашего милого Макгрегора... Не возражаете, Викентий Исаевич?— не глядя на Рата, утверждающе спросил Иванов.

— Я с радостью,— ответил тот.— С Максимом Максимовичем одно наслаждение трудиться, школа...

— Вы не спросили мое мнение, Аркадий Аркадьевич,— сказал Исаев, продолжая жадно смотреть на людей, шедших по проспекту, на очереди возле троллейбусных остановок, на витрины магазинов, не мог скрыть восхищения стадионом «Динамо» (Иванов заметил: «Наш, мы строили») и повторил:— Мое мнение вас не интересует?

— Отводите Рата?

— Отнюдь... Я начну работать лишь после того, как получу свидание с... женой... матерью моего сына... И с ним, Саней...

— Договорились,— легко согласился Аркадий Аркадьевич.— Накидайте пару страничек плана сценария, никакой конкретики, в е р о я т и я... После этого получите встречу. Если передадите наметку, встреча состоится на квартире... Не напишете — свидание в тюрьме.

— В тюрьме...— повторил Исаев.

— Подумайте,— сказал Иванов.— Я понимаю ваше состояние, но не торопитесь с окончательным ответом... Ваше постоянное недоверие к нам, своим коллегам, может обернуться всякого рода непредвиденными трудностями, Всеволод Владимирович.

— Я ответил, Аркадий Аркадьевич. Другого ответа не будет...

Под утро Исаев проснулся от истощенного вопля; он вскочил с койки, потер лицо; выл кто-то совсем рядом, скорее всего, в соседней камере; потом он услышал крик; немец, голос знакомый, господи, это же Риббе — тот, с которым Макгрегор сводил его в «Лондоне».

— Нет, нет, молю, не надо! Я согласен!— вопил Риббе.— Не надо!

— А когда ты пытал коммунистов, о чем тогда думал?!— человек не кричал, но говорил с болью, громко; потом забубнил переводчик.

— Я не пытал! Клянусь! Я никогда никого не пытал! Я работал в картотеке, пощадите, молю!

Штурмбаннфюрера, видимо, вытаскивали из камеры, он хватался за дверь, сопротивлялся, потом ему заломили руки — судя по тому, как он взвизгнул, и быстро потащили по коридору; крик его был слышен еще минуты три, потом где-то хлопнула дверь, и настала гудкая тишина...

Прошло еще четыре недели; свидания не было, на допросы не вызывали: прогулка, гимнастика, прикидки возможных партий, лицо Сашеньки в глазах, и глаза сына — в минуту прощания в Кракове, декабрь сорок четвертого...

Порою он впадал в отчаяние, но резко, презрительно даже, одергивал себя: они только этого ждут. Всякое лишнее движение может лишь ухудшить положение тех, кого он любит. Его больше нет. Он кончен. Надо бороться за своих.

...Скрываемо все, кроме правды. Жаль, что ждать приходится века, но все равно тайное всегда делается явным, хоть и разнотолкуемым, увы...

...Он то и дело вспоминал свою последнюю встречу в Испании, в тридцать седьмом, с Антоновым-Овсеенко, Сыроежкиным, Малиновским, Орловым, Смушкевичем, оператором Романом Карменом и старым знакомым — еще с Октября семнадцатого — Михайлом Кольцовым; кроме Антонова, который именно тогда и сказал: «Приказано выжить», Кольцов на его, Исаева, вопрос, что происходит дома, пожал плечами, усмехнулся: «Борьба есть борьба, она не исключает эмоций», долго смотрел на Исаева сквозь толстые стекла очков, и в глазах его метался то ли смех, то ли отчаяние; Жора Сыроежкин, ветеран ЧК, отвел его в сторону и тихо сказал, что настоящая фамилия его адъютанта Савинков и что он студент из Парижа. «Я постоянно чувствую себя перед ним в неоплатном долгу — ведь его отца я брал на границе... Парень горячий, рвется в диверсанты, я его при себе оставил: отец погиб, пусть сын выживет... Один тип — пришел в ЧК в прошлом году — порекомендовал мне отделаться от «компрометирующей связи», я, понятно, послал его на хер, он наверняка отправил сообщение в Центр, а там теперь любят сенсации...»

Через полгода Жору Сыроежкина расстреляли, об этом со смехом и радостью сообщили в РСХА: «Ас русской разведки, как выяснилось, был нашим агентом, жаль, что мы об этом узнали только сейчас».

Политика альтернативна; вчерашний враг часто становится другом; Александр Первый после сражения с «мерзавцем Наполеоном» сел с ним в Тильзите за дружеский стол переговоров — консул Бонапарт стал императором; с ним можно было сотрудничать, только набраться терпения и такта...

...Исаев увидел лицо отца, его седую шевелюру, коротко подстриженные усы, выпуклый, без морщин лоб и,— он хранил в себе эту память особенно бережно,— услышал его голос. Отец, как всегда ничего не навязывая, изучал с ним дома, в Берне, то, что в гимназии проскальзывали, уделяя теме всего лишь один урок...

Почему-то особенно врезалась в память история Катилины.

В гимназии учитель рассказывал, что «омерзительный развратник и злодей Катилина, предав родину, ушел в стаи врагов и за это поплатился жизнью». Учитель задал ученикам упражнение на дом выучить три пассажа из речей Цицерона, обращенных против изменника. Исаев, тогда еще «Севушка», зубрил чеканный текст обвинительной речи с увлечением, в ломком голосе его звучали гнев и презрение к врагу демократии, посмевшему поднять руку на прекрасные общественные институты древней Республики...

Что же я тогда читал, подумал Исаев. Интересно, смогу вспомнить? Должен, сказал он себе.

А читал я тогда, ликующе вспомнил он, вот какие строки из Цицерона: «Честолюбие заставило многих людей сделаться лжецами, одно держать втайне на уме, другое высказывать на словах... Эти пороки росли сначала едва заметно, иногда даже наказывались; после, когда зараза внедрилась, общество изменилось в корне, и верховная власть из самой справедливой превратилась в жестокую и совершенно неприемлемую...»

Исаев замер, потому что явственно услышал голос отца, который тихоночко, извиняющимся голосом заметил, что это не Цицерон, а Крисп; консул Цицерон говорил иначе, у него была блистательная система доказательств, первый прагматик мира; послушай, как он вел свою линию против Катилины: «Сейчас ты явился в Сенат. Кто обратился к тебе с приветствием? Зачем тебе ждать словесного оскорбления, когда ты уже уничтожен грозным приговором молчания? С твоим приходом места возле тебя опустели. Вся Италия заговорила со мной: «Марк Тулий, что ты делаешь? Неужели ты не отдашь распоряжение заключить Катилину в оковы и применить к нему не просто казнь, но самые отчаянные пытки?»

Я тогда спросил отца, отчего Цицерон и вправду не казнил изменника и корыстолюбца? Вот тогда-то он и ответил, что историю Катилины нам преподают нечестно, видимо, еще не пришло время открыть правду про этого доброго и честного бунтаря, которого Цицерон смог представить человечеству убийцей, развратником, вором и предателем...

«Будущее вынесет свой приговор,— сказал тогда папа.—Революция позволит заново понять историю, оправдать тех, кого клеймили преступниками, и с презрением отнестись к властолюбцам, кто называл себя праведниками... Наверное, учитель не читал вам эту часть третьей речи Цицерона: «Я желаю, чтобы все мои триумфы, почетные отличия, все памятники, увековечивающие мою славу, оказались глубоко запечатленными в ваших сердцах... Мои подвиги будут питаться вашей памятью, они будут расти, передаваемые из уст в уста, они глубоко внедрятся в скрижали истории и займут в них почетное место...»

Отец тогда усмехнулся: «Можешь себе представить, чтобы нечто подобное сказали Плеханов, Кропоткин или Засулич? А помнишь, как Цицерон уверял римляни, вынеся смертный приговор соратникам Катилины, что казнь встречена всем народом с полным энтузиазмом? Как он возносил себя, утвердившего казнь? А вот чьи это слова: «Римское государство попало в кабалу олигархов, и граждане сделались бесправной, презренной чернью! Олигархи не знают, куда девать свои богатства, транжируют их на застройку морей и срытие гор, а у других дома — бедность, вне дома — долги... Только тот, кто сам несчастен, может быть заступником несчастных». Это слова «изменника» Катилины. Почему Цицерон так его ненавидел? Только из-за разности

идейных позиций? Нет, Севушка, он ненавидел его еще и потому, что Катилину впервые судили за то, что он, юноша, был искренне влюблен в весталку Фабию, сестру жены Цицерона... В политике всегда надо искать не только общественную, но и личную подоплеку... А когда Катилина внес предложение кассировать, то есть отменить все долги ростовщикам, он сделался самым популярным человеком Рима, это и испугало олигархов, отсюда та клевета, которая была обращена против него... Он выставил свою кандидатуру в консулы, и он бы стал консулом, но в действие была введена провокация, и Цицерон, получив власть, обвинил Катилину в заговоре и измене... Сколько прошло веков, прежде чем мы узнали не только речи Цицерона, но и позицию Катилины? И что же, мы подняли Катилину на щит, как народного героя? Судя по тому, что вам задают учить в классах, педагогика буржуа до сих пор страшится открыть правду... Подвергай все сомнению, сын, прекрасная позиция...»

...Исаев присел на табурет, обхватил голову руками: зачем мне привиделось все это, подумал он, почему я вновь, как в самые счастливые или горькие минуты жизни, услышал отца?

Ты услышал его потому,— медленно, преодолевая себя, ответил он,— что никогда не забывал то выступление Каменева в двадцать пятом, когда он открыто перед съездом потребовал устранения Сталина. Вот почему ты сейчас вспомнил Цицерона и Катилину; ты просто боялся назвать имя, ты до сих пор страшишься говорить себе правду, ты ищешь искренность в словах Аркадия Аркадьевича, который так хочет выслать этого самого Валленберга в Швецию, только для этого ему надо доказать миру, что шведский банкир был агентом гестапо. А не так ли работали с Алексеем Ивановичем Рыковым девять лет назад? Тебя приглашают влезть в дерьмо для того лишь, чтобы сделать «благо» другому человеку. И я все время возвращаюсь мыслью к его предложению сделать добро Валленбергу, с «которым мы попали в глупое положение», разве нет? Я запрещаю себе даже думать о подсадке, но именно потому, что я постоянно запрещаю это, значит, так же постоянно эта мысль живет во мне!

...В конце пятой недели его разбудили в половине пятого утра; на пороге стоял тот самый Сергей Сергеевич, которого он назвал тварью...

Лицо его было уставшим, осунувшимся, в глазах застыла боль...

— Поднимайтесь,— сказал он.— Зря вы на меня наговорили руководству... Мне строгача объявили, а я ведь отца похоронил...

(Продолжение следует.)

Практически во всех развитых государствах функционируют формирования, выполняющие задачи, аналогичные тем, что лежат на плечах внутренних войск страны. Однако немало и специфического в их деятельности. Об этих особенных, может быть, в чем-то поучительных характеристиках формирований, родственных нашим, редакция и намерена рассказать в своих публикациях.

ПРОТИВ «НЕМИРНЫХ МАСС»

Массовые беспорядки... Теперь мы на собственном опыте убедились, что они, к сожалению, присущи не только капиталистическому обществу (а как хотелось в это верить!). Увы, горек этот опыт. И все же, не кривя душой, отметим: волнения народа для социалистического государства нетипичны.

Что касается государств буржуазных, то в послевоенные годы их буквально лихорадили массовые беспорядки, и в основном трех видов. Во-первых, беспорядки, связанные с проведением тех или иных политических мероприятий, когда очередная шумная акция выливалась в крупномасштабные насильственные действия. Во-вторых, спонтанные массовые волнения, вызванные национальной или расовой рознью и сопровождающиеся, как правило, насилием, грабежами, погромами, поджогами и прочими антиобщественными и антигуманными проявлениями. И, наконец, в-третьих, массовые нарушения общественного порядка во время крупных спортивных и других зрелищных мероприятий.

Вполне естественно, что подобные выступления обнаруживали кризис резервных возможностей полицейских органов и вынуждали правительства в целях разрешения этой проблемы создавать в вооруженных силах и полицейских органах специальные части, подготовленные для квалифицированной борьбы с волнениями.

Нет необходимости с помощью примеров и статистических данных доказывать, что использование таких формирований в подавлении массовых беспорядков, в частности рассеивании участников демонстраций, уличных шествий, митингов и собраний, имеет ряд преимуществ перед обычными полицейскими силами. Это и эффективное управление, и тщательное, многовариантное планирование возможных мер, и достаточный арсенал средств тактического реагирования, и осо-

бое правовое обеспечение (!) действий, и наращивание профессионального опыта в использовании специальных средств, и многое другое. Но это общие черты, а каковы же особенности?

В **ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ** уже тридцать лет существует организованная по военному принципу так называемая полиция готовности, предназначенная для ликвидации массовых беспорядков. В обычных условиях она подчиняется министрам внутренних дел земель, но в случае «угрозы свободному демократическому строю» может быть передана в распоряжение министра внутренних дел федерации. Подразделения полиции готовности находятся на казарменном положении, полностью моторизованы и снабжены всем необходимым для борьбы с массовыми беспорядками.

Кроме того, для обеспечения внутренней безопасности, поддержания общественного порядка в стране, участия в мероприятиях по ликвидации последствий стихийных бедствий могут привлекаться и территориальные войска сухопутных сил бундесвера. В их составе — батальоны охраны и военной полиции.

Во **ФРАНЦИИ** декретом правительства созданы республиканские роты безопасности, которые, по сути, и являются мобильными военизированными полицейскими подразделениями, подчиненными министру внутренних дел. Возможность оперативно перебросить эти роты, находящиеся на казарменном положении, в нужный район позволяет не создавать резервных сил полиции на случай возникновения чрезвычайной обстановки. Однако помимо выполнения своей главной задачи — борьбы с массовыми беспорядками — республиканские роты безопасности осуществляют надзор за движением на дорогах, обеспечивают общественный порядок, содействуют полиции в расследовании правонарушений и задержании пре-

ступников, помогают населению при стихийных бедствиях.

И все же основная тяжесть обеспечения безопасности на территории Франции приходится на долю национальной военной жандармерии. Организационно входящая в состав вооруженных сил, она предназначена для полицейского надзора за гражданским населением и военнослужащими, охраны и обороны важных военных и государственных объектов и поддержания общественного порядка.

Жандармерия, имея подразделения во всех основных населенных пунктах, активно сотрудничает с местными органами власти и полицией и потому располагает постоянно свежей информацией о положении на местах и настроениях среди населения и военнослужащих.

В повседневной деятельности национальная жандармерия Франции руководствуется воинскими уставами, положениями, специальными инструкциями и обеспечивается всеми видами довольствия военным министерством. Однако в оперативном отношении подчиняется министру внутренних дел и состоит из жандармерии департаментов, мобильной жандармерии, а также специальных подразделений парижской республиканской гвардии, воздушной и морской жандармерии.

Помимо охраны общественного порядка и обеспечения безопасности дорожного движения, национальная жандармерия правомочна исполнять обязанности военной уголовной полиции, проводить дознание и предварительное расследование по поручению следственного судьи, а при возникновении массовых беспорядков и стихийных бедствий по собственной инициативе (!) вмешиваться в события, оказывая помощь людям. Вместе с тем она является реальной силой, повышающей национальный военный потенциал.

В ИТАЛИИ функции подавления массовых беспорядков возложены на мобильные силы полиции публичной безопасности МВД, в состав которых входят моторизованные подразделения особого назначения «челере» и «мобиле», спасательные батальоны и кавалерийские эскадроны.

«Челере» и «мобиле» плюс ко всему несут патрульную службу, осуществляют охрану правительственных, дипломатических зданий и иных объектов, действуют в парашютных десантах, что свидетельствует об их прекрасной выучке. Они сформированы по армейскому образцу, оснащены современным вооружением и средствами подавления массовых выступлений.

Несомненный интерес представляет организация службы «челере». Каждый отряд имеет три роты. Одна из них постоянно находится в боевой готовности и способна в течение трех минут приступить к выполнению любого задания, вторая осуществляет патрулирование тех или иных важных участков, и третья — в резерве. Подразделения «челере» вооружены тя-

желыми и легкими пулеметами, специальными гранатометами для стрельбы гранатами со слезоточивым газом. Каждый полицейский снабжен автоматом, пистолетом, ручными гранатами, в том числе и со слезоточивым газом, резиновой палкой, стальным шлемом и специальным щитом. «Челере» располагают танками, радиофицированной автотехникой, машинами скорой помощи и находятся на казарменном положении.

Подразделения «мобиле» выполняют аналогичные задачи, отличаются только структурой и численностью и действуют обычно совместно с ротами «челере».

Но и это еще не все, ведь преступность в Италии достигла небывалых масштабов. Для поддержания общественного порядка, подавления антиправительственных выступлений, борьбы с террористическими и мафиозными группами, охраны правительственных, государственных учреждений и выполнения ряда других сложных задач в Италии существуют территориальные войска карабинеров. Они относятся к вооруженным силам и по всем вопросам (кроме использования их в качестве полицейских сил — это прерогатива главного управления безопасности МВД) подчиняются министерству обороны. Характерно, что более чем на 90 процентов войска карабинеров комплектуются добровольцами в возрасте 17—20 лет.

Мобильные батальоны ИСПАНИИ — полностью моторизованные формирования, маневренные ударные части национальной полиции — используются в основном против «немирных масс». Обычно эти батальоны освобождены от несения непосредственно охранной службы, ибо их служебное время до предела насыщено занятиями по боевой подготовке и отработке приемов разгона демонстраций, манифестаций и митингов. Размещаются они в крупных экономически и стратегически важных пунктах, а также в местах со сложной оперативной обстановкой. Возраст личного состава этих батальонов, как правило, не старше 30 лет.

В составе патрульной службы полиции Испании действуют специальные кавалерийские формирования, состоящие из подразделений эскадронного типа. Они также обеспечивают безопасность во время проведения зрелищных мероприятий и участвуют в ликвидации беспорядков.

Особое место в национальной полиции Испании занимает общий резерв, состоящий из оснащенных мощными армейскими автомобилями формирований и являющийся специальной ударной силой, предназначенной для оперативной переброски и немедленного вмешательства в события как в местах серьезных нарушений общественного порядка, так и там, где возникла реальная опасность подобных нарушений. К слову сказать, и в резервных подразделениях вся «мирная», будничная служба связана с обучением личного состава для использования его в горячих точках страны. Основной оперативнотактической единицей общего резерва являются роты, называемые в Испании «ротами по борьбе с беспорядками».

В отличие от родственных ведомств других крупных капиталистических государств МВД **ВЕЛИКОБРИТАНИИ** не располагает специальными военизированными формированиями для борьбы с массовыми беспорядками. Выполнение всех задач по охране общественного порядка возложено на полицейские силы. Лишь при значительных масштабах беспорядков для их подавления используются обычные армейские части.

Национальная гвардия **СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ** — составная часть вооруженных сил и их резервный компонент. Руководит ею начальник бюро национальной гвардии (генерал-майор), который назначается президентом США с согласия сената и может находиться в этой должности не более двух сроков (то есть восьми лет).

В мирное время войска национальной гвардии входят в состав вооруженных сил штатов, на территории которых они дислоцируются. И если общее руководство ими осуществляют губернаторы штатов, то непосредственное (планирование боевой подготовки, набор добровольцев, продвижение по службе и решение других административных вопросов) — генерал-адъютанты, фактически являющиеся начальниками штабов при губернаторах.

Основные задачи войск национальной гвардии — поддержание общественного порядка, обеспечение нормального функционирования правительственных учреждений, ликвидация последствий стихийных бедствий. А в случае введения в стране чрезвычайного положения или с началом войны они передаются командованию сухопутных войск.

Необходимо отметить, что в составе национальной гвардии находятся части и соединения как сухопутных войск, так и ВВС. Организация их аналогична регулярным войскам. Для каждого штата численность личного состава устанавливается в зависимости от количества его населения и потому не является величиной постоянной.

Несколько слов о комплектовании национальной гвардии США. Оно производится, как и во многих других капиталистических странах, на добровольных началах путем вербовки людей по территориальному принципу. Первоначально заключается контракт на срок до 6 лет с последующим продлением его каждые 3 года.

Кто они, национальные гвардейцы? Это граждане Соединенных Штатов, мужчины и женщины в возрасте от 17 до 59 лет, если они ранее проходили военную службу, и до 35 лет, если не проходили. Офицерский состав комплектуется главным образом бывшими кадровыми военнослужащими, выпускниками курсов внеюнквой подготовки офицеров резерва при гражданских вузах, а также готовится в так называемых офицерских кандидатских школах из числа рядовых и сержантов резервных компонентов вооруженных сил.

Таковы черты частей и подразделений

по борьбе с массовыми беспорядками некоторых капиталистических государств.

Кратко о боевом и техническом их оснащении. Следует признать, что оно заметно отличается от оснащения обычных полицейских сил. Прежде всего это относится к средствам самозащиты личного состава. Сюда входят пластмассовые или металлические шлемы, каски, щиты, легкие пуленепробиваемые жилеты из многослойной материала «кевлар», пуленепробиваемые наколенники, плотно прилегающие комбинезоны из прочной, негорючей, скользкой ткани, затрудняющей возможность захвата одетых в них полицейских и предохраняющей их от ожогов. Пуленепробиваемый жилет надевается под комбинезон. К шлему крепится воротник из металлизированных ремней, который предохраняет полицейского от захвата за горло.

На вооружении специальных подразделений помимо обычных для полицейских пистолетов, револьверов, дубинок, баллончиков со слезоточивым газом находятся и винтовки со снайперским прицелом, карабины, автоматы, а в некоторых странах — пулеметы, легкие пушки. В настоящее время во все большей степени проявляется тенденция использования для разгона хулиганствующих молодчиков нелетального оружия. К нему относятся электрошоковые дубинки, пластиковые пули, гранаты со слезоточивым и нервно-паралитическим газом, шесты с цепями для изъятия из толпы наиболее активных участников беспорядков, специальные капсулы, «выстреливающие» мелкодисперсными сетями.

Имеется и небольшой, величиной с карманный фонарик прибор, по форме напоминающий пистолет: он получил название «тазер». Стреляет электрическими стрелами, которые тончайшими проводами соединены со стволом и воздействуют на нервную систему, вызывая временный паралич. Все это — средства целенаправленного действия.

К средствам массового воздействия на участников беспорядков относятся постановка дымовой завесы, водометы, специальная пена, вызывающая эффект скольжения по льду, а также для психического воздействия на толпу — мощные прожекторы, мигающая световая техника, сирены, громкоговорители, ультразвук-овые излучатели.

Помимо обычной автотехники специальные подразделения имеют танки, вертолеты, бронетранспортеры, автомобили с пуленепробиваемыми стеклами, машины, оборудованные средствами противохимической защиты. В последнее время на вооружение поступают бронированные автомашины с открывающимися внутрь дверцами на торцах, что позволяет с максимальной безопасностью высаживать десанты полицейских непосредственно в центр толпы. Все это свидетельствует о том, что правительствам капиталистических стран далеко не безразлично, какой ценой обеспечивается порядок на улицах и площадях городов.

Майор О. НИКОЛАЕНКО.

(По материалам зарубежной печати)

А вы видели северное сияние?

Воины! Вы уже решили твердо, чем займетесь после увольнения в запас, куда приложите свои знания и силы! Нет! Тогда в путь! В Норильск!

На Норильском трижды орденосном горно-металлургическом комбинате работают сотни бывших солдат и сержантов внутренних войск. Если вы хотите повысить свой профессиональный и общеобразовательный уровень, приобрести профессии электросварщика или электромонтера, машиниста мостовых и башенных кранов или машиниста компрессора, другие профессии — вы сможете сделать это прямо на комбинате. На заводе-вузе готовят инженеров-горняков, металлургов, механиков, энергетиков, строителей.

Норильск — это четверть миллиона жителей. Это — благоустроенные дома с центральной системой отопления (если вы холостяк, вас ждет общежитие. Их в городе более пятидесяти).

Согласитесь, норильская надбавка к «материковой» зарплате вам не помешает. А еще вы получите единовременное пособие. Ваша квартира на «материке» бронируется. Отпуск длиннее «материкового». «Пенсионный возраст», что немаловажно, наступает после 15-летнего стажа работы в Норильске.

Итак, вы собрались в дорогу. При себе необходимо иметь документы: проходное свидетельство на Норильский горвоенкомат (при отсутствии проходного свидетельства, паспорт и пропуск на въезд в г. Норильск), военный билет, удостоверение или дипломы, подтверждающие наличие гражданских профессий.

Если при следовании в г. Норильск вы будете проезжать через г. Красноярск, обратитесь к представителю комбината, который окажет вам помощь в приобретении бесплатного авиабилета до г. Норильска. Адрес представителя: г. Красноярск, ул. Парижской коммуны, 41 или гостиница «Север», ул. Ленина, 121.

Адрес управления кадров комбината: 663310, г. Норильск — 10, ул. Севастопольская, 2.

**ВОИНЫ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
ВЫБИРАЮТ НОРИЛЬСКИЙ
ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ.**

ЕСЛИ ВЫ В ЛЕСУ...

Чтобы не потерять ориентацию, сбившись с лесной тропинки, нужно помнить следующее.

На пересечении просек стоят квартальные столбы. Направление грани между двумя наименьшими цифрами на столбе указывает на север.

Направление на юг укажет среднее положение угла, образованного обращенной к солнцу часовой стрелкой и цифрой «1» циферблата часов.

Если мысленно провести линию через две крайние звезды «ковша» созвездия Большой Медведицы, то на расстоянии, в пять раз большем, чем расстояние между этими звездами, окажется видимая ярче других Полярная звезда. Она всегда на севере.

У большинства деревьев, особенно в густом лесу, северная сторона покрыта мхом или лишайником.

На южной стороне дерева смолы гораздо больше, чем на северной.

Муравейники всегда расположены к югу от дерева. Южная сторона муравейника отлогая, северная заметно круче.

Головки подсолнечника и череды даже в ненастье повернуты в сторону солнца: на восток — в 7 часов, на юг — в 13 часов и на запад — в 19 часов.

Полковник запаса
П. РОПАЛО.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС	
ХОДАКОВ А. Без громких, барабанных слов . . .	1
■ СЛОВО НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР	
СИМВОЛОКОВ В. Самая престижная служба . . .	4
■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ	6
■ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ	
ФЕДОРЕНКО А. Вместе мы — сила	14
■ МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА	
УШАР А. «Буферная республика», или Какова цена общественной безопасности?	21
■ К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ	
РОМАНОВ П. Право на легенду	37
■ «ДЕДОВЩИНА». КАК ПОБЕДИТЬ ЗЛО	
БУТОРИНА Е. «...Закон внутри нас»	18
ТЮМЕНЦЕВ В. Уберите дамклов меч	27
НЕСЕН В. Зовите солдата на вы	33
■ КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ!	
КОСТЫКОВ В. Тернистый путь обновления	10
■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА	
ГОРБОВ М. И честь фамильную сберечь	50
КУЗЬМИН С. «...Депортации в Прибалтике»	54
СЫСОЕВ Н. Генрих Ягода — палач и жертва	64
■ МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ «ПУЛЬС»	
МАЗУРЕНКО С. Знакомьтесь: атлетизм	29
ШЕВЦОВ С. «Московская красавица»	32
■ ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ	
ЯРОСЛАВЦЕВА С. Хочешь жить, умей... питаться	60
■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
ПИКУЛЬ В. Дуб Морица Саксонского (историческая миниатюра)	41
МУРАТОВ В. Вдали от шума городского (невидуманный рассказ)	70
СЕМЕНОВ Ю. Отчаяние (роман, начало)	74
АРТЮХОВ Е. Суровой нитью (стихи)	48

...Были и слезы,
и справедливые упреки:
почему не смогли
уберечь сыновей?
Были и незаслуженные
обвинения типа:
«Это русские убили нашего
брата — узбека».

В. АФАНАСЬЕВ.

«ИЗ КАРАУЛА НЕ
ВЕРНУЛИСЬ...»

Виктор Николаевич
возвратился с порога,
взял на руки и поцеловал
дочку, не подозревая,
что прощается с ней
не до завтра —
на девять долгих лет...

И. БЕЛИКОВ.

«НОЧИ НА ЛУБЯНКЕ»,
— Деканозов, —

усмехнулся Максим
Максимович, — возможно,
вы выбьете из меня все,
я не знаю, как пытаются
в том здании, где не
осталось ни одного
сотрудника Дзержинского...

Юлиан СЕМЕНОВ.

«ОТЧАЯНИЕ»

■ На третьей странице
обложки: у земляков ра-
довых Г. Бордея и Е. Ба-
рана нет секретов друг
от друга.

■ На четвертой страни-
це обложки: «Мороз и
солнце».

Художественное оформление К. Ф. Рожнова, Е. К. Селиновой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23,
партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи —
361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики —
361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы —
361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы
подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.11.89 г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}
Уч.-изд. л. 13

Подписано к печати 19.12.89 г.
Зак. № 2636

Г-25932
Усл. печ. л. 8,4+2 вкл. 1/4 п. л.
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

